

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЭКЗАМЕН®

ДИКТАНТЫ И ИЗЛОЖЕНИЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

- Контроль и коррекция знаний
- Развитие орфографических, пунктуационных умений
- Формирование коммуникативной компетенции учащихся

10·11

классы

КО ВСЕМ ДЕЙСТВУЮЩИМ УЧЕБНИКАМ РУССКОГО ЯЗЫКА

ДИКТАНТЫ И ИЗЛОЖЕНИЯ

А.Е. Куманьева, Г.Н. Потапова

ДИКТАНТЫ И ИЗЛОЖЕНИЯ по русскому языку 10–11 классы

- ♦ *Контроль и коррекция знаний*
- ♦ *Развитие орфографических, пунктуационных умений*
- ♦ *Формирование коммуникативной компетенции учащихся*

Издательство
«ЭКЗАМЕН»
МОСКВА • 2012

УДК 373:811.161.1

ББК 81.2Рус-922

К90

Куманьева, А.Е.

К90 Диктанты и изложения по русскому языку: 10–11 классы / А.Е. Куманьева, Г.Н. Потапова. — М.: Издательство «Экзамен», 2012. — 191, [1] с. (Серия «Диктанты и изложения»)

ISBN 978-5-377-05062-9

Пособие полностью соответствует федеральному государственному образовательному стандарту (второго поколения).

Издание состоит из двух частей; «Диктанты» и «Изложения».

Раздел «Диктанты» содержит орфографические, пунктуационные и комплексные диктанты, направленные как на отработку правописных умений и навыков учащихся, так и на контроль знаний.

В разделе «Изложения» представлены разнообразные тексты для написания изложений с творческим заданием и подробных изложений.

В качестве текстов для диктантов и изложений предложены фрагменты произведений русской классической и зарубежной литературы, научно-популярных и публицистических статей.

Пособие предназначено учителям и учащимся общеобразовательных школ.

Приказом № 729 Министерства образования и науки Российской Федерации учебные пособия издательства «Экзамен» допущены к использованию в общеобразовательных учреждениях.

УДК 373:811.161.1
ББК 81.2Рус-922

Подписано в печать 28.02.2012. Формат 60х90/16.

Гарнитура «Школьная». Бумага газетная.

Уч.-изд. л. 9,12. Усл. печ. л. 12.

Тираж 7 000 экз. Заказ №1862/12.

ISBN 978-5-377-05062-9

© Куманьева А.Е., Потапова Г.Н., 2012

© Издательство «ЭКЗАМЕН», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Диктанты	4
Орфографические диктанты	4
Пунктуационные диктанты.....	41
Комплексные диктанты.....	85
 Изложения.....	 138

ДИКТАНТЫ

ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ ДИКТАНТЫ

Мать

Моя нежная и веселая мать всегда во всем мне потакала. Сколько ярких акварелей она писала при мне, для меня! Какое это было откровение, когда из смеси красного и синего вырастал куст персидской сирени! Какую муку и горе я испытывал, когда мои мрачно-фиолетово-зеленые картины ужасно коробились! Как я любил кольца на материнской руке, ее браслеты! Бывало, в петербургском доме, в отдаленнейшей из ее комнат, она вынимала из тайника груды драгоценностей. Я был тогда мал, и эти струящиеся диадемы и ожерелья не уступали для меня в загадочном очаровании иллюминациями, когда в тишине зимней ночи гигантские монограммы и венцы, составленные из цветных электрических лампочек — сапфирных, изумрудных, рубиновых, — глухо горели над карнизами домов...

...Я часто вижу: посреди дома, вырастая из длинного, залоподобного помещения или внутренней галереи, сразу за вестибюлем, поднимается на второй этаж чугунная лестница. Паркетная площадка второго этажа, как палуба, обрамляет пролет с четырех сторон, а наверху — стеклянный свод и бледно-зеленое небо. Мать ведет меня к лестнице, и я отстаю, пытаюсь ехать за нею, шаркая и скользя по плитам зала. Смеясь, она подтягивает меня к балюстраде...

...Последний этап моего путешествия наступал, когда, вымытый, вытертый, я доплывал до островка постели. С веранды мать поднималась проститься со мной. Стоя на коленках, я произносил молитву. Горела свеча, и передо мной колыхалась тень камышовой ширмы и летел ко мне акварельный вид — сказочный лес. И, млея в припудренной, преддремной, блаженной своей мгле, я соображал, как перелезу с подушки в зачарованный лес.

(По В. Набокову)

(Словарные слова, правописание проверяемой безударной гласной в корне слова и правописание чередующейся гласной в корне слова, *н*, *ни* в суффиксах прилагательных и причастий)

Осенний сад

С конца сентября сады пустели, погода, по обыкновению, круто менялась. Ветер по целым дням рвал и трепал деревья, дожди поливали их с утра до ночи. Иногда к вечеру между хмурыми низкими тучами пробивался на западе трепещущий золотистый свет низкого солнца; воздух делался чист и ясен, а солнечный свет ослепительно сверкал между листвою, между ветвями, которые живою сеткою двигались и волновались от ветра. Холодно и ярко сияло на севере над теплыми свинцовыми тучами жидкое небо голубое, а из-за этих туч медленно выплывали хребты снеговых гор-облаков. Ветер не унимался. Он волновал сад, рвал непрерывно бегущую из трубы струю дыма и снова нагонял зловещие космы пепельных облаков. Они бежали низко и быстро. Погасал его блеск, закрывалось окошечко в голубое небо, а в саду становилось пустынно и скучно, и снова начинал сеять дождь... Сперва тихо, осторожно, потом все гуще и, наконец, превращался в ливень с бурею и темнотою.

Из такой трепки сад выходил совсем обнаженным, засыпанным мокрыми красными листьями и каким-то притихшим, смирившимся. Но зато как красив был он, когда снова наступала ясная погода, прозрачные и холодные дни начала октября, прощальный праздник осени! Сохранившаяся листва теперь будет висеть на деревьях уже до первых зазимков. Черный сад будет сквозить на холодном бирюзовом небе и покорно ждать зимы, пригреваясь в солнечном блеске.

(По И. Бунину)

(Безударная проверяемая гласная в корне слова, правописание согласной в корне)

Каштанка

Каштанка оглянулась и увидела, что по улице прямо на нее шел полк солдат. Не вынося музыки, которая расстраивала ей нервы, она заматалась и завывала. К великому ее удивлению, столяр, вместо того чтобы испугаться, завизжать и залаять, широко улыбнулся во фронт и всей пятерней сделал под козырек. Видя, что хозяин не протестует, Каштанка еще громче завывала и, не помня себя, бросилась через дорогу на другой тротуар.

Когда она опомнилась, музыка уже не играла и полка не было. Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но столяр

ра уже там не было. Она бросилась вперед, потом назад, еще раз перебежала дорогу, но столяр точно сквозь землю провалился... Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но раньше какой-то негодяй прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острою каучуковой вонью, так что ничего нельзя было разобрать.

Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно. По обе стороны улицы зажглись фонари, и в окнах показались огни.

(По А. Чехову)

(Словарные слова, безударная гласная в корне слова — проверяемая и непроверяемая)

Ночь. Тёма спит нервно и возбужденно. Сон то легкий, то тяжелый, то кошмарный. Он то и дело вздрагивает. Снится ему, что он лежит на песчаной отмели моря, в том месте, куда их возят купаться, лежит на берегу моря и ждет, что вот-вот накатится на него большая холодная волна. Он видит эту прозрачную зеленую волну, как пеной закипает ее верхушка, как она вдруг точно вырастает, поднимается перед ним высокой стеной; он с замиранием и наслаждением ждет ее брызг, ее холодного прикосновения, ждет привычного наслаждения, когда подхватит она его, стремительно помчит к берегу и выбросит вместе с массой мелкого колючего песка. Волна обдаёт его удушливым жаром, тяжело наваливается и душит. Вот она опять отливает, ему опять легко и свободно, он открывает глаза и садится на диван.

Мысли роем теснятся в его голове, у него мелькает масса планов.

Тёма подошел к столику, на котором лежала кipa газет, на цыпочках подошел к стеклянной двери и тихо повернул ключ, нажал ручку и вышел на террасу.

День только начинался. По бледно-голубому небу клочьями повисли мохнатые, пушистые облака. Над садом стоял туман. На террасе было пусто, и платок матери, забытый на скамейке, одиноко валялся, живо напомнив Тёме вчерашний вечер со сладким примирительным концом.

(По Н. Гарину-Михайловскому)

(Чередующиеся гласные в корне слова, -тся — -ться в глаголах, окончания глаголов)

Утро

Солнце только что поднялось над горизонтом; его круглый диск, словно щит из червонного золота, засиял над самой травой. Золотые лучи проникали сквозь гущу лесных зарослей, там и сям разбросанных. Капли росы все еще висели на акациях, отягощая их листву и заставляя ветви клониться к земле. Деревья словно оплакивали разлуку с ночью, с ее влажным прохладным ветерком, боялись встречи со жгучим зноем дня. Птицы уже щебетали на ветках. Разве могли они спать в сиянии такой зари! Но вряд ли где-нибудь можно встретить в этот ранний час бодрствующего человека. В этих краях час солнечного восхода — самое приятное время дня, и немногие проводят его в постели или в уединении.

Вблизи дороги — круглая поляна; она покрыта травой. Колючие заросли окружают поляну со всех сторон. Три едва заметные тропинки расходятся от нее в разных направлениях, прорезая чащобу.

(По Т. Майн Риду)

(Безударная гласная в корне слова, проверяемая, чередующиеся гласные в корне)

Отступление

Лейтенант резко взял с места, направляясь к кустарнику, однако в рыхлом снегу лыжи скользили плохо, проваливаясь в глубокие колеи, из которых торчали лишь их загнутые концы. Ветки кустарника цеплялись за маскхалат, срывая с головы капюшон. Наверное, полчаса лейтенант продирался через кустарник, пока наконец не вырвался в поле. Взгляд его был устремлен вперед, лейтенант не оглядывался, он слышал шорох лыж сзади и мерное дыхание бойцов. Его гнев стал понемногу спадать, он стал свыкаться с тем, что их осталось восемь. Правда, полностью примириться с этим было нельзя. Но все-таки трудный участок они проскочили.

Вскоре на снегу наметился небольшой спуск, лыжи пошли легче, бойцы как будто подравнялись, и в ночном сумраке слышался сплошной шорох снега и неясный шепот.

Беззвездное небо сплошным шелковым пологом накрыло зимний простор. Лейтенант еще увеличил темп. Он помнил маршрут, изученный накануне по карте, и знал, что скоро опять пойдет пойма все той же речонки, что тихо течет сквозь кустарник.

Горечь первой утраты не покидала лейтенанта. Ненадолго он забывался, поглощенный ночными заботами. И сколько ни переживал эту раздирающую сердце боль, и какой бы обыденной она ни казалась, совершенно привыкнуть к ней было нельзя.

(По В. Быкову)

(Чередующиеся гласные в корне слова, *о-е* после шипящих и *ц*, *н* с разными частями речи)

В трущобе

Подземелье озарилось слабым красноватым светом.

Это был крытый полукруглым сводом канал, широкий настолько, что одна лодка свободно могла держаться посередине, с распушенными веслами. Черная, беспросветная вода была тиха и чуть-чуть журчала, слабо плескалась и била в каменные стенки. Над головою тянулся широкий свод, с которого сахаристо-белыми сосульками торчали книзу хрупкие сталактиты. Местами с этого свода пообрывались кирпичи вследствие беспрестанного сотрясения почвы, колеблемой ездой экипажей. Местами попадались то справа, то слева выложенные кирпичом подземные коридоры. В них было темно и мглисто, так что видно было только, как уходят они куда-то вдаль.

Ночные бабочки, мотыльки, длинноногие комарики и мелкая мошка кружились и вились вокруг, привлеченные внезапным светом. Летучая мышь, откуда ни возьмись, тревожно черкнула крылом в воздухе и пропала где-то там в трущобе.

(По В. Крестовскому)

(Безударная гласная в корне слова, *о-е* после шипящих, *н*, *нн* в суффиксах прилагательных и причастий)

В войну

Сашка приехал в Одинцово днем, но, пока нырял в сугробах, искал улицу и дом среди закопченных дач, настали сумерки. Наконец отыскал домик с верандой, в окне горело несколько свечей. Кто-то держал дверь на цепочке, долго выспрашивал: от кого, для чего. Сашка сунул в дверь записочку Льва Филипповича. Открыл малорослый старичок в длинной холщовой рубашонке, вязаной кофте, в валяных сапогах, горло обмотано шарфом, на голове старая поношенная шап-

чонка, говорит сипло. Оказалось, фотограф и дальний родственник Льва Филипповича. По комнате прыгала собачонка. На ней был вязаный жилет. В комнате стоял холод и было тускло от свечей. Старичок сказал, что сейчас работы мало и он не понимает, как он еще живет. Однако мешок картошки он давать не хотел. Говорил, что картошка ему еще пригодится, что Лева тоже хорош: обещал изоляционную ленту, но не прислал ничего. А картошки было всего с полведра. Они стали горячо спорить. Вскоре старичок сдался, и Сашка повез картошку в Москву, желая продать ее хотя бы по дешевке. Трудное было время, шел 1942 год.

(По Ю. Трифонову)

(Безударная гласная в корне слова, *о-е* после шипящих, *ь* после шипящих, *н, нн* в суффиксах прилагательных и причастий)

В море

Старик лакей, человек злой от усталости, без нужды подозрительный и наблюдательный, несколько раз заглядывал перед обедом за занавеску. Англичанин сидел в складном холщовом креслице, держа на коленях толстую тетрадь в кожаном переплете, писал в ней золоченым пером, и выражение его лица, когда он поднимал его, блестя очками, было и тупо, и удивленно. Потом, спрятав перо, он задумался, как бы слушая шум и шорох волн, тяжело несущихся за стеной каюты. Лакей прошел мимо, мотая громко звенящим серебряным колокольчиком. Англичанин встал, причесал свои черные волосы, оделся и пошел обедать.

Моряки, уже давно сидевшие за столом и бранившие его за опоздание, встретили его преувеличенно любезно, друг перед другом щеголяя знанием английского языка. Он ответил им сдержанной любезностью. За столом разговорились. Англичане говорили складно и не просто, а так, точно читал хорошо написанную статью. И порою смолкал, еще внимательнее прислушиваясь к шепоту волн. За бортом парохода блистала текучая зыбь водных пространств.

(По И. Бунину)

(Словарные слова, безударные гласные, чередующиеся гласные в корне слова, *о-е* после шипящих, *н, нн* в суффиксах, причастные и деепричастные обороты)

Папин цветок

Маленький Тёма, бледнолицый, с широко раскрытыми глазами, стоял перед сломанным цветком (это был любимый папин цветок), и все муки, весь ужас предстоящего возмездия ярко рисовались в его голове. Все его способности сосредоточились теперь на том, чтобы найти выход — выход во что бы то ни стало.

Какой-то шорох послышался ему по направлению от террасы. Быстро, прежде чем что-нибудь сообразить, нога мальчика решительно ступает на грядку, он хватает цветок и втискивает его в землю, а потом бежит. Он делает шаг в сторону, незаметно, пригнувшись, торопливо пробирается в виноградник, огибает большой каменный сарай, выходящий в сад, перелезает решетчатую металлическую ограду, отделяющую сад от двора, и, наконец, благополучно достигает кухни.

В закопченной низкой кухне, устроенной в подвальном этаже, освещенной сверху узкими окнами, все спокойно. Повар в холщовом фартуке, белокурый, из бывших крепостных, лениво собирается разводить плиту. Ему не хочется приниматься за скучную ежедневную работу, но пироги он печет отменно.

На большом некрашеном столе в беспорядке валяются грязные тарелки. Горничная Таня, молодая девушка с длинной, еще не чесанной косой, торопливо обглаживает какую-то вчерашнюю кость. Тема с завистью смотрит на эту простую жизнь, и вдруг в его голове зреет план.

(По Н. Гарину-Михайловскому)

(Безударная гласная в корне слова, *о-е* после шипящих, *н, nn* в суффиксах разных частей речи, правописание приставок, личные окончания глаголов)

Весна

Весеннее солнце било теплыми, радостно трепетающими лучами. В сочной, наливающейся зеленью траве как будто слышался шепот и шорох какой-то: там суетливо копошилось, бегало, ползало и цеплялось за тончайшие былинки множество разной мошки, паучков и всего этого насекомого люда, который живет и дышит, пока его греет солнечный луч. По зеленому полю желтели махровые, росистосвежие головки одуванчиков, над которыми носилось тонкое жужжание, реяли золотые пчелы. Из рощи тянуло смолистым запахом изжелта-зеленой березы. То вдруг пахнет откуда-то миндальным арома-

том цветущей рябины. В воздухе пахнет землею — тем запахом, который издает земля, набирающаяся жизненной силы.

Ярко-румяное гигантское солнце стояло уже низко над землей и кидало полосы золотисто-розового света по оврагу, вдоль которого потянулись длинные тени, казавшиеся теперь тоже какими-то розоватыми. С высей теплого неба долетали еще на землю последние рассыпчатые трели жаворонков, допевавших свои предвечерние песни. Все другие птицы уже умолкли; зато в самой чаще зашелестел соловей; в воздухе как будто гуще, чем днем, запахло белесоватые кисти цветков рябины.

(По В. Крестовскому)

(Безударная гласная в корне слова, правописание согласной в корне, *о—е* после шипящих, *н, nn* в суффиксах разных частей речи)

Тяжелые, толстые стрелки на огромном циферблате, белевшем наискось от вывески часовщика, показывали полседьмого. В легкой синеве неба, еще не потеплевшей после ночи, розовело одно тонкое облачко, и было что-то не по-земному изящное в его удлиннном очерке. Шаги несчастных прохожих особенно чисто звучали в пустынном воздухе, и вдали телесный отлив дрожал на трамвайных рельсах. Повозка, нагруженная огромными связками фиалок, прикрытая наполовину полосатым грубым сукном, тихо катила вдоль панели: торговец помогал ее тащить большому рыжему псу, который, высунув язык, весь подавался вперед, напрягая все свои сухие, человеку преданные мышцы.

С черных веток чуть зеленевших деревьев спархивали с воздушным шорохом воробьи и садились на узкий выступ высокой кирпичной стены.

Лавки еще спали за решетками, дома освещены только сверху, но нельзя было представить себе, что это закат, а не раннее утро. Из-за того что тени ложились в другую сторону, создавались странные сочетания, неожиданные для глаза, хорошо привыкшего к вечерним теням, но редко видящего рассветные.

Все казалось не так поставленным, непрочным, перевернутым.

Ганин оглянулся и в конце улицы увидел освещенный угол дома, где он только что жил минувшим летом и куда он не вернется больше никогда.

Солнце поднималось все выше, равномерно озарялся город, и улица оживала, теряла свое странное теневое очарование. Ганин шел посреди мостовой, слегка раскачивая плотные чемоданы, и думал о том, что давно не чувствовал себя таким здоровым, сильным, готовым на всякую борьбу.

(По В. Набокову)

(Безударная гласная в корне слова, *о--е* после шипящих, окончания причастий и прилагательных, *не* с разными частями речи)

Орлиное гнездо

Однажды стадо драгоценных диких пятнистых оленей, продвигаясь к морю, пришло на узенький мыс. Мы протянули за ними поперек всего мыса проволочную сетку и преградили им путь в тайгу. У оленей для питания много было и травы, и кустарника, нам оставалось только охранять дорогих гостей наших от хищников-леопардов, волков и даже от орлов. Однажды я с высоты горы стал разглядывать скалу внизу. Я скоро заметил, что у самого моря, на высокой скале, покрытой любимой оленями травой, паслась самка оленя и возле нее в тени лежал какой-то желтенький кружочек. Разглядывая в бинокль, я скоро уверился, что кружочком в тени лежал олененок. Вдруг там, где прибой швыряет свои белые фонтаны, стараясь как будто попасть ими в недоступные ему темно-зеленые сосны, поднялся преогромный орел, взвился высоко и бросился вниз. Но мать услышала шум падающей громадной птицы, быстро схватилась и встретила: она встала на задние ноги против детеныша и передними копытцами старалась попасть в орла, и он, обозленный неожиданным препятствием, стал наступать, пока острое копытце не попало в него. Вскоре после этого мы разорили гнездо хищника.

(По М. Пришвину)

(Правописание приставок; окончания прилагательных и причастий)

В школе

В то же мгновение Том почувствовал, что чья-то рука неотвратно и медленно стискивает его ухо и тянет вверх. Таким способом он был препровожден через весь класс на свое место под перекрестное хихиканье детворы, после чего в течение нескольких страшных минут учитель стоял над ним, не сказав ни единого слова, а затем так же

безмолвно направился к своему трону. Но хотя ухо у Тома горело от боли, в сердце его было ликование.

Когда класс успокоился, Том самым добросовестным образом преспокойно попытался углубиться в занятия, но в голове у него был ужасный сумбур. На уроке чтения он сбивался; на уроке географии превращал озера в горы. А потом во время диктовки он так исковеркал слова, что у него отобрали оловянную медаль за правописание.

(По М. Твену)

(Правописание приставок, союзов, частиц, согласных в корне)

Как лейтенант ни торопил бойцов на последних километрах пути, все же рассвет застал их в белоснежном после ночной выюги поле.

Пользуясь предрассветными сумерками, отряд еле-еле прошел еще полкилометра. Со все возрастающим риском он приближался к едва заметной на склоне нитке дороги, как вдруг увидел на ней спускающиеся с пригорка машины. Лейтенант чуть не привскочил от досады. В утешение себе он сначала подумал, что машины скоро пройдут, и они действительно вскоре исчезли вдаль, но следом показалось пол-обоза, затем появился он весь, потом в обгон его выскочили из-за пригорка две приземистые легковушки. Стало ясно: начинался тускло-серый день и усиливалось движение; перейти шоссе незамеченными нечего было и думать.

Тогда лейтенант, не приближаясь к шоссе, но и не удаляясь от него, круто взял в сторону, на далекий пригорок.

Расходуя последние силы, лыжники взобрались по склону пригорка, едва не вывалив раненого, и лейтенант, преодолевая ставшую привычной боль, устало заскользил к недалекому уже кустарнику. Однако на полпути к нему вырос из снега какой-то высокий вал, ровно прорезавший пригорок и уходивший к шоссе. Это был полузаметанный снегом ров. Колоссальные эти сооружения только тогда оправдывали свое назначение, когда были надежно прикрыты огнем пехоты и артиллерии, в противном же случае их танконепроходимость ненамного превосходила непроходимость обычной придорожной канавы.

(По В. Быкову)

(Приставки *при-* — *пре-*, правописание сложных слов, *пол* в сложных словах)

Солнечное утро заглянуло в полуспущенные занавески одной из комнат.

Это была обширная комната. Самая разнообразная мебель и мало подходящие друг другу предметы наполняли ее. В глубине виднелась золоченая кровать с приспущенным балдахином; неподалеку от нее стоял туалетный столик, уставленный всякими причудливыми скляночками. По стенам висело несколько больших и малых картин, и между ними превосходные картины и портреты императрицы.

Ближе к окнам стоял письменный стол, заваленный бумагами. На другом столе лежали, очевидно, небрежно брошенные орденские звезды. На нескольких стульях виднелись различные принадлежности мужского костюма. Рядом с ночным столиком, приставленным к кровати, был придвинут еще другой, тяжелый, и на нем стояла перламутровая открытая шкатулка.

Шкатулка вся была полна драгоценными украшениями, по преимуществу перстнями. И все это сверкало огромными бриллиантами, превосходными рубинами.

Но несмотря на роскошные, драгоценные вещи, разбросанные повсюду, несмотря на шелк и бархат — эта комната поражала беспорядком, неряшливостью. На табуретке, прикрытой пушистым одеялом, спала, свернувшись, маленькая презабавная обезьянка. Она иногда вздрагивала, приподнимая свою пресмешную мордочку. Почесавшись, поморгав, обезьянка поворачивала мордочку к кровати, прислушивалась и опять свертывалась в клубочек. Все было тихо. Только из-за закрытой двери доносился шепот, прерывавшийся иногда тихим возгласом.

(По Вл. Соловьеву)

(Приставки *при-* — *пре-*, *и*, *ни* в суффиксах прилагательных и причастий, *не* с разными частями речи)

Таинственный дом

Старуха брела не очень-то скоро, и прошел час, пока они добрались до какой-то дальней улицы на окраине города и остановились перед маленьким полуразвалившимся домиком.

Старуха вынула из кармана какой-то заржавленный крючок, ловко всунула его в дырочку в двери, и вдруг дверь с шумом распахнулась

настежь. Якоб вошел и застыл на месте от удивления. Все в доме: полки и стены, кресла и столы — было из черного дерева, украшенного золотом и драгоценными камнями, а пол был стеклянный.

Старуха приложила к губам маленький серебряный свисток и как-то по-особенному, раскатисто, свистнула. И сейчас же по лестнице сбежали вниз морские свинки. Они принесли две скорлупки на кожаной подкладке и ловко надели старухе на ноги.

(По В. Гауфу)

(Н, нн в суффиксах, безударная гласная в корне слова)

Одинокый король

Наступила ночь, темная и холодная. А король все еще шел на усталых ногах. Ему поневоле приходилось идти и идти. Все чувства и впечатления во время этого странствия в торжественном мраке ночи по пустынным дорогам и полям были для него странны. Временами он слышал голоса. Они приближались, звучали близко и постепенно замирали. Он не мог рассмотреть людей, а видел неясные, скользкие тени. Иногда он слышал звяканье овечьего колокольчика, далекое, неясное. Он слышал приглушенное мычание коров, долетавшее до него с ночным ветром. Все звуки доносились издалека, и маленькому королю казалось, что все живое отступило от него вдаль, что он, одинокый, затерянный, стоит посреди беспредельной пустыни. Порой над его головой чуть слышно шелестела сухая листва, и он вздрагивал от этого шороха. Он шел, пока не увидел свет жестяного фонаря. Он постучал в ближайший дом, но ему не дали даже слова сказать. Разгневанный, оскорбленный, он поплелся дальше.

(По М. Твену)

(Правописание н, нн в суффиксах, правописание безударной гласной, правописание приставок)

Баркас в сопровождении блестящей флотилии величественно шел вниз по реке среди ярко освещенных судов. Воздух был насыщен музыкой, на берегах реки бушевало пламя праздничных факелов. Город, лежащий вдали, был окутан лучистым заревом от бесчисленных невидимых костров. Над ними высились тонкие шпили, усеянные искрами огня. Издали эти шпили напоминали длинные пики, разукрашенные

драгоценными камнями. На всем пути флотилию приветствовали с берегов неустанные хриплые крики и несмолкаемые пушечные выстрелы.

Для Тома, утопающего в шелковых подушках, эти звуки были несказанно поразительными. Но на его юных приятельниц, сидевших с ним рядом, они не производили никакого впечатления. Флотилия свернула к руслу реки, которое уже давно было засыпано и погребено под целыми милями сплошных зданий, прошла мимо ярко освещенных домов и мостов, усеянных толпами зевак.

(По М. Твену)

(Н, нн в суффиксах)

Праздник на реке

Фасад дворца, выходящий на речку, засверкал разноцветными огнями. Река была сплошь покрыта рыбацкими лодками и судами. Вся эта флотилия колыхалась на волнах и была похожа на бесконечный сияющий сад. Великолепная терраса с каменными ступенями, ведущими к воде, была так широка, что на ней могла бы поместиться армия какого-нибудь княжества. На террасе выстроились ряды солдат, и множество слуг сновало вверх и вниз, взад и вперед, торопливо заканчивая последние приготовления.

Но вот раздался чей-то приказ — и в тот же миг на террасе не осталось ни одного человека. Люди, стоя в лодках и заслоняя руками глаза от факелов, устремляли взоры к дворцу.

К ступеням террасы подплывали одно за другим золоченые придворные суда. Одни суда были разукрашены знаменами, золотой парчой, шелковыми флагами. К этим шелковым флагам было привешено несметное множество серебряных бубенчиков. Суда, принадлежащие дворцу принца, были убраны вычурно. Их борта были обвешаны щитами, расписанными различными гербами.

(По Т. Майн Риду)

(Н, нн в суффиксах прилагательных и причастий, правописание о-е после шипящих)

Прошло полчаса, а неугомонный хор ночных голосов в зарослях, дважды прерванный стуком лошадиных копыт и один раз шагами человека, все еще продолжал звучать.

Но вот лесные голоса снова замолкли; на этот раз они оборвались все сразу и надолго. Звук, заставивший их умолкнуть, не был похож ни на топот лошадиных копыт, ни на шорох шагов человека, ступающего по мягкой траве. Это был сухой треск ружейного выстрела.

Перестала мяукать тигровая кошка в зарослях, не стало слышно завываний койота, бродившего по опушке леса, и даже ягуар перестал рычать.

Но за выстрелом не последовало ни стонов раненого человека, ни визга подстреленного животного, и ягуар снова стал пугать обитателей рычанием.

Друзья и враги — птицы, звери, насекомые, пресмыкающиеся, — не обращая внимания на его рев, доносившийся издалека, снова завели свой оглушительный концерт. И скоро в зарослях установился обычный шум, и, даже стоя рядом, надо было кричать, чтобы услышать друг друга.

(По Т. Майн Риду)

(Н, нн в суффиксах, правописание частиц не, ни)

У своих

Раскрыв утром глаза, Агеев увидел над собой низкий, сколоченный из горбылей потолок, из таких же горбылей были и стены, свитившиеся теперь множеством щелей. Агеев огляделся. Это был крохотный сарайчик-временка, пристроенный к бревенчатой стене хлева, куда вела низкая дощатая дверь, запертая на деревянную щеколду-закрутку. В одном конце его помещался топчан, на котором он проспал ночь, в другом лежал ворох свежескошенного сена. В многочисленные щели бил солнечный свет, кое-где снаружи проглядывало освещенное солнцем сорное разнотравье, буйно разросшееся в огороде.

Стараясь не очень возиться на сенике и не шуметь, он беспрестанно вслушивался во все звуки снаружи. Вдруг совершенно неожиданно для него дверь растворилась и через порог переступила маленькая пожилая женщина в длинной юбке и темном, низко повязанном платке, чем-то напоминавшая ему монашку. Обе ее руки были заняты ношей — закопченным чугуном, из которого приятно запахло свежесваренной картошкой. Агеев осторожно подобрал раненую ногу.

Он быстро проглотил картошку, дождался небольшой ломоть хлеба. Поблизости все было тихо, за стеной лежал огород, обросший ло-

пухами, улица была в отдалении. Вдруг он услышал осторожные шаги в сарае — дверь нешироко приоткрылась.

(По В. Быкову)

(Н, *нн* в суффиксах прилагательных и причастий, окончания причастий, правописание приставок)

Сокровище

Все подземелье было устлано слоем золотых и серебряных монет, высыпавшихся из мешков, где они прежде хранились. За долгие годы металл слежался. На монетах и под ними, зарывшись в них, были чеканного серебра седла с бляхами кованого золота, украшенные рубинами и бирюзой. Там были украшения, окованные и отделанные серебром, эмалью и драгоценными камнями. Там были золотые светильники с подвесками, колыхавшимися на них. Там были шляпы с гребнями, усеянными рубинами цвета голубиной крови; там были лакированные щиты из панциря прелестного черепашонка, окованные червонным золотом. Там были золотые чашки и ковши, никогда не видевшие дневного света, пояса в семь пальцев шириной из граненых алмазов и рубинов и деревянные шкатулки, трижды окованные железом. Никакими деньгами не могло быть оценено такое сокровище.

Маугли отыскал нечто, лежащее полузарытым в монетах. Это был нож. Его рукоятку украшал сверкающий рубин, а ручка была сплошь украшена нешлифованной бирюзой и рубинами, вделанными в нее.

(По Р. Киплингу)

(Н, *нн* в суффиксах прилагательных и причастий, окончания причастий)

Возвращение

Ненастное петербургское утро озаряет своим бледным светом обширную комнату. Частый окладной сентябрьский дождик стучит по стеклу.

В комнате, устланной мягким ковром, заставленной массивной мебелью, — большой беспорядок. На ковре стоят несколько дорожных ящиков. Они распакованы, и из них выглядывают корешки французских и английских книг, старинные кожаные переплеты редких изданий. По комнате взад и вперед, медленным шагом, бродит чело-

век небольшого роста, стройный и крепко сложенный. Бледное, тонко очерченное лицо его чрезвычайно красиво. На этом лице лежит постоянно тень не то тоски, не то скуки и придает ему утомленное, рассеянное выражение. Этот человек и есть возвратившийся на родину изгнанник — Сергей Горбатов.

Он приехал поздно вечером и, утомленный долгим путем, едва раздевшись, заснул как убитый. Несколько часов крепкого сна как рукой сняли его усталость. Он велел принести свой утренний завтрак, приказал никого не впускать к себе, и вот уже больше получаса бродит между распакованными книгами, не замечая времени.

Он невольно мысленно переносился к тому времени, вспоминая свои занятия в иностранной коллегии, вспоминая оживленные вечера, неизменное внимание государыни к нему, юному дипломату. Вспоминает аллеи и дорожки царскосельского сада.

А вот и последняя неожиданная аудиенция у государыни.

(По Вл. Соловьеву)

(Н, нн в суффиксах разных частей речи, не с разными частями речи)

Родина

Много езжено по родной стране, много хожено. Среди бесчисленных человеческих поселений, больших и малых, память хранит и Маргаритовку. Сотня беленых хат, насыпанных на берегу лимана; низенькие фруктовые садики, красные точки вишен на деревьях; на плетнях развешаны рыболовные сети, натканы горшки и кувшины.

В полуверсте от слободы находилось бывшее помещичье имение: неогороженный разросшийся сад и в нем большой старый дом. В доме разместились сельсовет, школа, изба-читальня. Вход в дом был через обширную дощатую террасу. Ее доски и столбы от старости стали пепельно-серыми. Под знойным солнцем иссохшее дерево, разомлев, источало слабый запах не то смолы, не то краски. Такой же серой, обветшалой была входная дверь. Когда ее отворяли или затворяли, с нее осыпался какой-то порошок и дребезжали остатки цветных стекол сверху.

Лужайка перед террасой вся поросла травой. Эту запущенную лужайку со всех сторон обступал густой темно-зеленый сад. В его сплошной стене светло и серебристо обозначалось начало тополевой

аллеи. Аллея сужалась как бесконечный коридор, полный света и сверканья. Обильная серебряная листва, не умолкая и не угомоняясь, легко и радостно лепетала под ветерком, вся устремленная ввысь, и каждый лист был как маленькое зеркальце, отражающее солнце.

(По В. Пановой)

(Н, *ни* в суффиксах)

Петя никогда не предполагал, что город такой большой. Незнакомые улицы становились все беднее. Иногда попадались магазины с товаром, выставленным на тротуар.

Под акациями стояли дешевые металлические кровати, кухонные табуреты. Были навалены большие подушки, просяные веники.

Далее потянулись дровяные склады, от них исходил приятный аромат. Затем пошли лесные склады. Здесь тоже преобладал горячий запах пиленого дерева. Мир становился грубее, некрасивее.

Вместо сверкающих никелированных вертушек с разноцветными сиропами появились съестные лавки, в них виднелись полки с чайниками, расписанными грубыми цветами.

Вместо шеголеватых извозчиков по плохой мостовой, усыпанной снегом, грохотали телеги.

Теперь пейзажем завладела железная дорога. Дорогу преградил шлагбаум, опустившийся перед самым носом. Из будочки вышел невеселый стрелочник-старичок. Петя встал на цыпочки и заглянул в окно. В будочке все было усыпано стружками.

(По В. Катаеву)

(Н, *ни* в суффиксах разных частей речи, *не* с разными частями речи, правописание приставок, словарные слова)

Светский раут

Мы в довольно просторной зале, освещенной по стенам старинными масляными лампочками в виде жестяных крашенных колчанов с позолоченными стрелами. Мебель вся тоже старинная, краснодеревяная, с высокими, сплошь деревянными спинками, жесткая и неудобная. В одном углу диван. Перед ним массивный овальный стол, а около стола — полукругом размещаются кресла. За креслами — полукругом же стулья, что являло собою нечто необыкновенное, заставляющее предполагать, что тут готовится, вероятно, какое-нибудь

заседание или чтение. В пользу последнего предположения говорили: две свечки под абажуром, стакан и сосуд с толченым сахаром на жестяном подносе. В противоположном углу сделано было некоторое возвышение, а на возвышении стояли табурет и позлащенная арфа.

Гостей было много. Все они чинно сидели, чинно прохаживались и еще чиннее вполголоса переговаривались.

Дамы в гостиной помещались отдельно. Они были закутаны в старинные шали лимонного и черного цвета.

Находилось в этом обществе также и несколько молодых людей. Они скромно лепились по стенам, не дерзая свободно ходить, свободно разговаривать. Эти молодые люди скромно сидели по разным уголкам, похлопывая оловянными глазами.

Вечер шел довольно вяло и монотонно, как вдруг в прихожей раздался звон серебряного колокольчика. Это прибыл один из самых почтенных гостей.

(По В. Крестовскому)

(Н, ни в суффиксах, безударная гласная в корне)

Необитаемый остров

Я стал рассматривать незнакомую местность.

Сначала я попал в болото, заросшее ивами, тростником и какими-то деревьями неизвестной мне породы. Затем вышел на опушку открытой песчаной равнины, где росли редкие сосны и какие-то скрюченные деревья, похожие на дубы. Вдали была видна двуглавая гора; обе странные скалистые вершины ярко сияли на солнце.

Впервые я испытал радость исследователя неведомых стран. Остров был необитаем. Люди, приехавшие вместе со мной, остались далеко позади, и я никого не мог встретить. Я осторожно пробирался среди деревьев. Повсюду мне попадались какие-то неведомые растения.

Вскоре я вошел в чащу деревьев, похожих на дубы. Впоследствии я узнал, что их называют вечнозелеными дубами. Они росли на песке. Узловатые ветви их были причудливо изогнуты, листва густо переплетена, как соломенная крыша. Заросли их, становясь все выше, спускались с песчаного откоса к широкому болоту, поросшему тростником. Пар поднимался над болотом, и очертания острова дрожали в знойном тумане.

(По Р. Стивенсону)

(Н, ни в суффиксах разных частей речи, правописание согласных в корне, чередующиеся гласные в корнях, правописание наречий)

Джим

Комбат тихо шел по косогору к болоту. По-прежнему было темно, юго-восточный ветер тербил сухие стебли бурьяна, с тихим присвистом шумел в ветвях кустарника. Волошин настороженно посматривал то влево, то вправо. Конечно, с Джимом было надежнее. Джим в таких случаях был незаменим своим собачьим чутьем и почти несобачьей преданностью.

Этот пес попал к нему в руки полгода назад. Прорыв, начатый ударной группировкой, по непонятной причине затягивался, немцы успели закрыть пробитую ею брешь. Когда поднялось солнце, осколком разорвавшейся в ветвях мины Волошин был ранен в голову и, наскоро перевязавшись, до полудня лежал в ожидании сигнала «вперед». Потом он продолжил путь по прежнему направлению. Истомленный духотой, истерзанный болью, он отправился на поиски воды в глубь леса и скоро набрел на заросший овражек с еле-еле журчащим по камням ручейком, где и нашел этого невесть откуда прибывшегося пса. Свернув набок отошавший зад и широко расставив передние лапы, Джим сидел перед ручьем и со страдальческим ожиданием в глазах смотрел на человека. Волошин, спокойно подойдя к псу, осторожно погладил его. Пес даже не уклонился от руки, и вскоре Волошин понял, что задняя его лапа была перебита осколком. В кармане нашелся остаток бинта, которым он тут же прибинтовал перелом. Пес с обретенной надеждой пошел вслед за человеком. Он не отставал от капитана. Лапа у пса срослась удивительно быстро, и он ни на шаг не отходил от своего покровителя. Как ни удивительно, а Джим стал для него чем-то глубоко личным.

(По В. Быкову)

(Не с разными частями речи, правописание наречий)

На охоте

Не раз мне случалось видеть следы оленя, когда я бродил по болотистым местам, разыскивая птичьи гнезда. Чего я только не наблюдал! Но еще ни один олень не попался мне на глаза. Когда выпал снег, я дал слово, что буду ходить на охоту до тех пор, пока олень не станет моей добычей.

В начале октября я отправился в далекий путь. На третий день я прошел двадцать миль по глубокому снегу и снова вернулся домой с пустыми руками.

Наутро я продолжал поиски. На рассвете следующего дня мы вдвоем с братом отправились на поиски оленей. Я слегка ранил одного оленя, но ни одного не убил.

Впервые мне пришлось видеть диких оленей. Этих минут я никогда не забуду. В ложине, заросшей кустарником, виднелись хвосты двух оленей. Сами олени были такой же окраски, как и кусты в осеннем наряде, но белоснежные хвосты, поднятые прямо вверх, резко выделялись. Я простоял минуту, любуясь изящными созданиями. Но вот они продвинулись вперед и начали прыгать вверх и вниз с необычайной легкостью какими-то своеобразными прыжками.

(По Э. Сетон-Томпсону)

(Разграничение *не, ни*, правописание наречий)

Осень

Все лето погода делала самые невероятные скачки и повороты.

Ненужные затяжные дожди резко сменялись долгой удушающей жарой, и вдруг неожиданно становилось по-осеннему прохладно и промозгло. Ночью на земле выступала ледяная роса, и опять неожиданно-негаданно выдавались два-три солнечных дня, которые уступали место ливням и грозам.

Точь-в-точь в такую ночь вдруг опали орехи, появилось видимо-невидимо клюквы, всюду полезли грибы. А наутро оказалось, что, во-первых, на огородах почернели и пали наземь не успевшие созреть помидоры, а, во-вторых, пухлые семенные огурцы почему-то вытянули корявые бородчатые шейки.

И вот после этой природной кутерьмы настало на редкость чудесное воскресное утро, по-осеннему прохладное, но солнечное, с бесконечно голубым небом и чистым воздухом. И только в покрове лесов и полей почти ничего не виделось осеннего. По-прежнему зеленела трава на лугах и листва на деревьях снова посветлела. Справа красовались первыми желтыми красками клены и дубы, а слева акации оставались зелеными. С удовольствием брел я по осеннему лесу и любовался природой.

(По С. Баруздину)

(Правописание наречий)

Путешествие Тома

Через несколько минут Том уже шагал по отмели вброд, направляясь к берегу. Он прошел полдороги, и лишь тогда река дошла ему до пояса. Дальше нельзя было идти вброд, потому что мешало течение. До противоположного берега оставалась всего какая-нибудь сотня ярдов, и Том, не задумываясь, пустился вплавь. Он плыл против течения, забирая наискосок вправо, но его сносило вниз гораздо быстрее. Все-таки в конце концов он приблизился к берегу, поплыл вдоль него, отыскивая подходящее низкое место, и вылез из воды. Ощупав карман куртки, он пошел в глубь леса, обходя прибрежные кустарники. С его одежды потоками сбегала вода. По-прежнему было тихо под мерцавшими звездами. Том неслышно спустился с кручи, напряженно глядя по сторонам, скользнул в воду, проплыл несколько шагов и пробрался в лодку, привязанную к корме пароходика. Он улегся на дно и с замиранием сердца стал ждать.

(По М. Твену)

(Правописание наречий)

Том сначала колесил по переулкам, сворачивая то вправо, то влево. Потом понуро и медленно побрел в гору. По пути он несколько раз перешел вброд небольшую речонку. Среди мальчишек существует поверье, будто, во-первых, таким образом они заматают за собой следы, во-вторых, ставят погоню в тупик. Через полчаса он уже миновал богатую усадьбу, стоявшую на вершине горы. Школа еле-еле виднелась внизу — там, позади, в долине. Путник, понемногу углубляясь в густой лес, пошел, пренебрегая тропинками, и мало-помалу стал углубляться в чащобу.

Здесь было тихо и душно. В мертвом полуденном зное умолкло даже пение птиц. Природа погрузилась в дремоту. Ее сон изредка нарушался стуком дятла, доносившимся издали. Сердце Тома терзала печаль. Он долго сидел в задумчивости, упершись локтями в колени и положив подбородок на руки.

(По М. Твену)

(Правописание наречий)

В море

По-прежнему было безветренно, днище шхуны обросло ракушками, и она снова безуспешно пыталась преодолеть пресложное течение. К концу второго часа их отнесло назад. Матросы работали с отчаянием обреченных, как будто пытались передать судну частицу своей силы и помочь ему в борьбе с враждебной стихией. Но все было напрасно. Шхуну неуклонно относило на запад сначала левым бортом, потом правым. Капитан беспокоило шагал по палубе, лишь изредка приостанавливаясь перед плывущей по воздуху струйкой дыма и пытаясь найти щелочку, из которой она пробилась. Корабельный плотник без устали разыскивал такие щели, а найдя, наглухо конопатил их.

Матросы начали вполголоса совещаться. Совещание длилось недолго.

Весь день шхуна с горящим грузом неслась вперед по вспененному, яростно клокочущему океану. С подветренной стороны доносились всхлипывания юного матроса. Капитан слонялся по шхуне, хмурясь и нервно покусывая усы, не зная, на что решиться.

(По Д. Лондону)

(Правописание наречий, *и, ни* в суффиксах, правописание приставок.)

«Современник»

Несмотря на блеск и светозарность пушкинского гения, «Современник», в котором Пушкин печатал свои произведения, не получил широкого распространения. Первые два тома журнала были отпечатаны в количестве двух тысяч четырехсот экземпляров каждый, третий — в количестве лишь тысячи двухсот, а тираж четвертого тома пришлось снизить до девятисот экземпляров. Но и это количество не разошлось. После кончины Пушкина было взято на учет сто девять полных комплектов «Современника», а остальные излишне отпечатанные экземпляры первых двух номеров, очевидно, рассматривались как макулатура.

Неуспех журнала объяснялся тем, что он не имел права касаться политических тем, обескровился цензурой, лишен был политической хроники и модных приложений, которыми привлекла читателей «Библиотека для чтения», печатавшаяся в количестве пяти тысяч экземпляров.

Не оправдались поэтому и ожидания Пушкина, что «Современник» принесет ему не менее двадцати пяти тысяч годового дохода и даст возможность поправить свое материальное положение.

И поэтому Пушкин был очень взволнован, когда в конце октября получил из типографии счет на пять тысяч рублей за печатание журнала. Он лично пришел в типографию, чтобы протестовать против поставленной в счете цены — по сорок пять рублей за набор и печать листа.

В четвертом томе «Современника» объявлялось об открытии подписки на тысяча восемьсот тридцать седьмой год, но том этот вышел уже после смерти Пушкина.

(По А. Гессену)

(Правописание числительных, не с разными частями речи, словарные слова, имена собственные)

Около десяти часов вечера половина широкой улицы сплошь была заставлена экипажами. К ярко освещенному подъезду то и дело подкатывали щегольские кареты, из которых, мгновенно мелькая перед глазом изящной ножкой и блестящей головкой, выпархивали дамы, подобрав свои платья, и тотчас же исчезали в подъезде. Подъезжали и извозничьи кареты, изрыгая из своих темных пастей также хорошеньких женщин.

У подъезда важно распоряжались красивые городовые, бородатый дворник и помощник швейцара. Сам же швейцар, особа надменно-важная, с гладко выбритым подбородком, двумя ярусами возвышавшимся над бантом белого галстука, красовался в своем блистательном костюме и при каждом новом посетителе слегка дергал ручку проведенного вверх звонка, выкрикивая имя новоприбывшего.

Тонкое, чуть заметное благоухание еще внизу охватывало обоняние гостя и сопровождало его вверх по изящно-легкой, беломраморной лестнице, убранной дорогими коврами и декорированной древними вазами.

Целая анфилада освещенных комнат открывалась с обеих сторон площадок, и в этой анфиладе мелькали черные фраки, шлейфы роскошных платьев, блестящие мундиры. Над всем этим носился какой-то шелест, в котором мешались между собой и нежный свист шелковых платьев, и разноречивый говор, и легкое звяканье шпор, и где-то в отдалении звуки рояля.

(По В. Крестовскому)

(Правописание сложных слов, суффиксов глаголов и форм, н, nn в суффиксах разных частей речи, правописание наречий)

«Поучение» Вл. Мономаха

В дому своем не ленитесь, но за всем наблюдайте, не полагайтесь ни на кого, чтобы приходящие к вам не посмеялись ни над домом вашим, ни над обедом. На войну выйдя, не ленитесь, не надейтесь на воевод. Ни питью, ни еде, ни спанью не предавайтесь.

Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам (слуги) причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали люди проклинать вас.

Везде, куда вы ни пойдете, где ни остановитесь, напоите и накормите просящего. Всего же более убогих не забывайте и подавайте сироте. Ни правого, ни виноватого не убивайте и не повелевайте убить его. Не уклоняйтесь учить увлекающихся властью, ни во что ставьте общий почет. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее.

(Разграничение частиц *не, ни*)

Говорят, что люди прежде не смеялись оттого, что на земле тогда ничего смешного не было. Другие говорят, что люди были когда-то умнее и понимали, что ни над чем не надо смеяться, потому что сама природа никогда ни над чем не смеется и все в ней, точно так же, как и в человеке, который не больше как только частица природы, полно глубокого смысла. А кто смеется над чем бы то ни было, тот не понимает этого смысла и видит только то, что лежит сверху.

Раз в одном городе случилась необыкновенная история. Однажды в нем появился прехорошенький мальчик. Когда люди увидели его, то все разом, как будто сговорившись, захохотали. И нельзя было не смеяться, потому что у мальчика было такое смешное лицо. Но ведь и смеху приходит точно так же конец, как и горю. Нахохотавшись вдоволь, люди принялись рассматривать чудного мальчика. Но тут он снял шапочку, и из его головы брызнул фонтан блестящих искр. Эти искры полетели направо, налево, вверх. И куда бы ни упала искорка, люди начинали хохотать неистово. Мальчик не только сам бросал искры во все стороны, но научил и людей делать то же самое.

(По В. Гаршину)

(Правописание союзов, местоимений, сходных с ними по форме; разграничение частиц *не, ни*)

В море

По бирюзовому небосклону, бесконечно высокому и прозрачно-нежному, местами подернутому, словно белоснежным кружевом, маленькими перистыми облачками, быстро поднимается золотистый шар солнца, жгучий и ослепительный, заливая радостным блеском водяную холмистую поверхность океана. Голубые рамки далекого горизонта ограничивают его беспредельную даль.

Как-то торжественно-безмолвно кругом.

Только могучие светло-синие волны, сверкая на солнце своими серебряными верхушками и нагоняя одна другую, плавно переливаются с тем ласковым, почти нежным ропотом, который точно нашептывает, что в этих широтах, под тропиками, вековечный старик океан всегда находится в добром расположении духа.

Бережно, словно заботливый, нежный друг, несет он на своей гигантской груди плывущие корабли, не угрожая морякам бурями и ураганами.

Не видно сегодня ни одного белеющего паруса, не видно ни одного дымка на горизонте.

Изредка блеснет на солнце серебристою чешуйкой летучая рыбка, покажет черную спину играющий кит и шумно выпустит фонтан воды, высоко прореет в воздухе темный фрегат или белоснежный альбатрос, пронесется над водой маленькая серая птичка, направляясь к берегам Африки, и снова пусто.

(По К. Станюковичу)

(Правописание сложных прилагательных, безударная гласная в корне слова, суффиксы прилагательных.)

Нехорошая квартира

В квартире номер пятьдесят побывали, и не раз, и не только осматривали ее чрезвычайно тщательно, но выстукивали стены в ней, осматривали каминные дымоходы, искали тайников. Однако все эти мероприятия никакого результата не дали, и ни в один из приездов в квартиру в ней никого обнаружить не удалось, хотя и совершенно понятно было, что в квартире кто-то есть, несмотря на то, что все лица, которым так или иначе надлежало ведать вопросами о прибывающих в Москву иностранных артистах, решительно и категориче-

ски утверждали, что никакого черного мага Воланда в Москве нет и быть не может.

Решительно нигде он не зарегистрировался при приезде, никому не предъявлял своего паспорта или иных каких-либо бумаг, контрактов и договоров, и никто о нем ничего не слышал! Заведующий программным отделением зрелищной комиссии Китайцев клялся и божился, что никакой программы представления никакого Воланда пропавший Степа Лиходеев ему на утверждение не присылал и ничего и о приезде такого Воланда Китайцеву не телефонировал. Так что ему, Китайцеву, совершенно непонятно и неизвестно, каким образом в Варьете Степа мог допустить подобный сеанс. Когда же говорили, что Аркадий Аполлонович своими глазами видел этого мага на сеансе, Китайцев только разводил руками и поднимал глаза к небу. И уж по глазам Китайцева можно было видеть и смело сказать, что он чист, как хрусталь.

(М. Булгаков)

(*Не, ни* в наречиях и местоимениях, разграничение частиц *не, ни*.)

В лесу

Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом. Ни деревьев, ни кустов — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озерки и серые ручьи. Небо тоже было серое. Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришел вчера вечером. Ведь он не сбился с пути? Он шел так же, как и вчера.

Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли его три свертка со спичками, но не стал их пересчитывать.

Когда он дошел до небольшой ложбины, навстречу ему с камней и кочек поднялись белые куропатки, шелестя крыльями и крича. Как ни быстро вспорхнула куропатка, он успел схватить ее таким же быстрым движением.

Он развел костер и согрелся, выпив немного кипятка, потом устроил себе ночлег на каменном выступе, так же как и в прошлую ночь.

(По Д. Лондону)

(Разграничение частиц *не, ни*, правописание частиц.)

Муравьи

Медленно, нехотя, вопреки моему желанию мы не спеша продолжали с Костей приближаться к снующим взад и вперед муравьям, и с каждым шагом мне становилось все ясней и ясней, что все муравьи заняты делом, несмотря на то, что для всех это был выходной.

Незаметно мы очутились в самой муравьиной гуще. Рядом с нами, например, мы увидели целую бригаду муравьев, тащащих преогромную стрекозу. Хотя муравьи из этой бригады суетились, как девчонки, мешали друг другу, а главное, тащили стрекозу в противоположные стороны, несмотря на это, стрекоза каким-то чудом двигалась все же по направлению к муравейнику. Муравьи работали! Никто из них не отлынивал, никто не занимался посторонними делами, никто не лежал под кустом, никто не загорал, а главное, никто никем не командовал и никто ни на кого не кричал. Не на кого было кричать, потому что не было бездельников среди муравьев. Подобрал с земли сухую ветку, я молча взвалил ее на плечо и поволок к муравейнику. В это время то же самое случилось с Костей. Он посмотрел на меня и тоже подхватил ветку с другого конца и стал помогать, падая и спотыкаясь.

(По В. Медведеву)

(Не, ни в местоимениях и наречиях, правописание союзов, предлогов, частиц.)

Осень

Вечер был чудесный, один из тех ясных, блестящих вечеров, которые являются на исходе осени перед порою дождей и ненастья. Куда ни обращаешь взор, всюду как будто встречаешь быстро удаляющийся образ лета, которое время от времени оборачивается назад и бросает прощальную, меланхолически-задумчивую улыбку. Воздух, освеженный холодными утренниками и зорями, освобожденный от земных испарений первыми легкими морозами, получает остроту и звонкость и живительно возбуждает нервы; небо уходит как будто выше в глубину и не омрачается ни одной тучкой; побледневшие лучи его сообщают всем предметам необыкновенный блеск и яркость, особенно по вечерам, когда лучи делаются еще наклоннее; деревья с пожелтевшими листьями стоят от маковки до корня все золотые, как в сказках; бледно-желтое жнивье принимает янтарный отлив; поля и степи охватываются

пурпуром и темною, густою лазурью. Кровли отдаленных избушек, черные, сухие ветви дубов, опустелые скворечницы и колодезные шесты четкими линиями обозначаются теперь в чистом небе, как бы проникнутом зеленоватою сквозниною. Яркость красок заменяет теперь звуки, заменяет оживление и деятельность природы. Большая часть птиц уже улетела; по дорогам между полями не раздается скрип телег, тяжело навьюченных снопами; к нему не присоединяются ни ржание жеребенка, ни голоса и песни возвращающихся жниц и косарей. Земля как будто закончила свое дело и отдыхает. Тишина на земле и в небе ничем не нарушается; изредка в ясной глубине небесного свода покажется линия чутьдвигающихся к югу точек, журавлиный крик разнесется далеко-далеко в звонком воздухе.

(Д. Григорович)

(Разграничение частиц *не, ни*, правописание союзов.)

Чинк

Чинк — замечательный щенок! Он не был ни свиреп, ни даже внушителен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, но зато был самым шумливым щенком. Чинк никогда не оставался спокойным в продолжение хотя бы пяти минут. Он постоянно пытался проделывать самые нелепые и невозможные штуки. В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать суслика. Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил непременно поймать суслика. Но он сразу же натворил много глупостей. Еще за четверть мили до суслика он припадал к земле и полз на брюхе от кочки к кочке. Суслик сидел неподвижно до самого последнего момента, затем, внезапно пискнув, нырял в нору, бросив задними лапами целую горсть песка прямо в приоткрытую пасть Чинка. Но Чинк, уверенный в себе, не унывал.

(По Э. Сетону-Томпсону)

(Разграничение частиц *не, ни*, правописание производных предлогов, союзов.)

На вырубке вокруг старых черных пней было много красных цветов, и от них вся вырубка казалась красной. Были тут тоже цветы иванда-марьи, белые ромашки, синие колокольчики, лиловое кукушкино платье. Каких только цветов тут не было! Возле черных пней можно

было найти переспелую и сладкую-пресладкую землянику. Летним вечером дождик совсем не мешает, я пересидел его под елкой. Сюда же собирались от дождя комары. И как ни дымил я на них из своей трубки, собаку мою они очень мучили. Пришлось развести костер. Дым от еловых шишек повалил густой, и скоро мы выжили комаров и выгнали их на дождик. Не успели мы с комарами расправиться, дождик прекратился. Летний дождик — одно только удовольствие.

Пришлось все-таки под елкой просидеть еще в течение получаса и дожидаться, пока птицы выйдут кормиться.

Скоро на опушке моя собака остановилась, крепко обнюхала место и, искоса посмотрев на меня, пригласила следовать.

(По М. Пришвину)

(Разграничение частиц *не, ни.*)

Дедушка

С бьющимся сердцем Гаврик бросился в переулочек, чтобы как-нибудь обойти толпу, во что бы то ни стало пробраться к участку и перехватить дедушку. Неожиданно он увидел его. Но, боже мой, что стало в дедушкой! Навстречу мальчику, держась поближе к домам, покачиваясь на согнутых ногах, тяжело шаркая рваными чеботами и останавливаясь, шел дряхлый старичок с серебряной щетиной бороды. Если бы не кошелка, болтавшаяся в дрожащей руке старика, Гаврик ни за что бы не узнал дедушку. Но эта хорошо знакомая тростниковая плетенка, обшитая грязной холстинной тканью, сразу же бросилась в глаза и заставила сердце мальчика сжаться от ни с чем не сравнимой боли. Мальчик окликнул дедушку. Но старик даже не вздрогнул от этого неожиданного и испуганного окрика. Он медленно повернул к Гаврику лицо, не выражая ни радости, ни волнения — ничего, кроме спокойствия. Гаврик оглянулся, старик тоже посмотрел по сторонам.

(По В. Катаеву)

(Правописание служебных частей речи, *о—е* после шипящих.)

Том вышел на улицу, неся в руках ведро известки и длинную кисть. Он окинул взглядом деревянный забор, и радость в одно мгновение улетела у него из души, и там воцарилась тоска. Жизнь показалась ему бессмысленной. Со вздохом обмакнув кисть в известку, он

провел ее по верхней доске, потом проделал то же самое снова и остановился, чтобы посмотреть на свою работу. Как ничтожна белая полоска по сравнению с огромным пространством некрашеного забора! В отчаянии он опустился на землю под деревом, раскинувшим свои ветви над забором. Из ворот выбежал вприпрыжку Джим. В руке у него было жестяное ведро. Ввиду того, что ходить за водой к городскому насосу Том никогда не любил, он постоял некоторое время в нерешительности. Но все-таки сейчас он взглянул на это дело по-другому. Мальчик вспомнил, что у насоса всегда собирается много народу: белые, чернокожие, мулаты. Мальчишки и девчонки в ожидании своей очереди сидят, ссорятся, балуются. О чем они только не говорят! Он вспомнил также, что Джим никогда не возвращается домой раньше чем через полчаса. У Тома созрел план.

(По М. Твену)

(Правописание служебных частей речи, безударных гласных в корне слова, наречий, *и, ни* в суффиксах.)

Человек и лось

На опушке стоял лось, испуганно кося глазом, не понимая, что же случилось.

Внимание его привлек звук, который послышался сверху. Зверь вздрогнул, однако звук был тоже не страшный. Казалось, как будто несколько майских жуков, басовито гудя, кружили в листве зацветающей березы. И к гудению примешивался треск, похожий на вечерний скрип дергача на болоте. Зверь распушил напряженные мускулы, вышел на поляну, лизнул наст, кося глазом на небо. Вдруг эхо понеслось над деревьями, опережая лося, рванувшегося во весь дух.

Эхо увязло в гуще зеленой хвои. Сверкая и искрясь, осыпался иней с древесных вершин, потому что самолет сбил шапки снега. Тишина, тягучая и властная, овладела лесом. И в ней отчетливо слышалось, как тяжело хрустнул наст под ногами медведя, которого необычайный гул и треск выгнали на поляну.

Медведь остановился на опушке, чтобы понюхать следы лося, вкусно пахнущие, тяжело задышал, двигая впалыми боками, прислушался. Медленно ступая мягкими лапами, зверь направился к неподвижной фигуре.

(По Б. Полевому)

(Правописание союзов, окончаний существительных, приставок.)

Шутка

Электричка бежала быстро, за окном пролетала природа. Мишка пошел к окошечку. Папа тихонько встал и пошел на цыпочках в другое отделение, там тоже окошко было открыто, и никто в него не глядел. У папы был очень таинственный вид, и все кругом притихли и стали следить за папой. А он неслышными шагами пробрался к окошку, высунул голову и тоже стал смотреть вперед, туда же, куда смотрел Мишка. Потом папа медленно-медленно высунул правую руку, осторожно дотянулся до Мишки и вдруг с быстротой молнии сорвал с него шляпу. Папа тут же отпрыгнул от окошка и спрятал шляпу за спину. Я это хорошо видел, зато Мишка-то этого не видел. Он схватился за голову, не найдя там шляпы, испугался, отскочил от окна и с каким-то ужасом остановился перед мамой, потому что ничего не мог понять.

(По В. Драгунскому)

(Правописание союзов.)

Таинственный всадник

Путник ехал, не подгоняя своего коня ни хлыстом, ни шпорами, пока не исчез в туманной дали, едва освещенной месяцем. Почти в ту же самую минуту на окраине поселка появился другой путник и поехал по той же дороге.

Он, вероятно, тоже отправился в дальний путь. На нем был темный плащ с капюшоном, ниспадавший сзади свободными складками на круп лошади.

В отличие от первого, этот всадник куда-то торопился. Казалось, он хотел кого-то догнать. Время от времени он наклонялся вперед и внимательно всматривался вдаль, как будто ждал, что увидит силуэт, вырисовывающийся на фоне неба.

Вскоре второй всадник тоже исчез, и как раз в том же месте, где скрылся из виду его предшественник. Так показалось бы тому, кто наблюдал бы за ним из поселка. Но вот на окраине селения показался третий всадник, он стал продвигаться в том же направлении. На нем был ярко-красный плащ, скрывавший его фигуру. Из-под широкой полы виднелось охотничье ружье, лежащее поперек седла.

(По Т. Майн Риду)

(Правописание служебных частей речи.)

Пробуждение

Несмотря на раннее утро, Петя уже проснулся и был поражен, увидев себя в городской квартире.

Сухой луч солнца, пробившийся в щель, пересекал комнату, вследствие этого пыльный воздух был как бы косо распилен сверху донизу. Ярко освещенные пылинки, ворсинки, движущиеся и вместе с тем неподвижные, образовывали полупрозрачную стену.

Осенняя муха, пролетая сквозь нее, вдруг вспыхнула и тотчас же погасла.

В течение некоторого времени не слышалось ни криканья уток, ни истеричного крика курицы, снесшей за домом яйцо, ни глупой болтовни индюков, ни свежего чирикания воробья, качающегося чуть ли не в самом окне на тоненькой веточке, согнутой под ним в дугу. И сколько Петья ни вслушивался, он не мог услышать ни одного деревенского звука.

Совсем же другие звуки слышались снаружи и внутри квартиры. А из какой-то комнаты, в связи с тем, что окно было открыто настежь во двор, не прекращаясь ни на минуту, слышалось пение разносчиков.

(По В. Катаеву)

(Правописание предлогов, частиц.)

Ураган

Мальчики бросились бежать врассыпную, спотыкаясь о корни деревьев и путаясь в диком винограде. Взбесившийся ветер с неистовым воем пронесся в лесу, и все заголосило вслед за ним. Ослепительные молнии одна за другой сверкали почти непрерывно, раскаты грома не смолкали ни на миг. Хлынул неистовый ливень, и нараставший ураган гнал его над землей сплошным водопадом.

Мальчики что-то кричали друг другу, но воющий ветер и громовые раскаты совсем заглушали их крик. Вскоре они один за другим кое-как добрались до палатки и забились под нее.

Гроза бушевала в течение часа. Мальчики схватились за руки и, поминутно спотыкаясь и набивая себе синяки, бросились бежать под защиту дуба, стоявшего на берегу. При непрерывном сверкании молний мало-помалу все вырисовывалось с необычайной ясностью, отчетливо: гнущиеся деревья, бушующая река, смутные очертания утесов, видневшихся сквозь гущу тумана.

(По М. Твену)

(Основные правила орфографии.)

Диктант

Во время диктанта я сбоку посмотрел в тетрадь соседа и ужаснулся. В каждой фразе было по ошибке. Особенно не в ладу он был с запятыми и тире, он вставлял их произвольно, где хотел и как хотел, ломая спокойный, мерный бег фраз ненужными заграждениями. Он ставил на пути слов противотанковые рвы тире и колючую проволоку двоеточий; рваные, исковерканные фразы тяжело падали на бумагу, простреленные знаками препинания. Кроме того, он был не в ладу с родами.

Каждый абзац таил в себе невыставленную двойку. Я подумал о том, что надо спасать друга, и приблизил свою тетрадь к его тетради. Я щедро открывал ему маленькие тайны правописания, ему надо было только чуть повернуться, чуть-чуть скосить глаза. Впрочем, он мог бы и не косить: у него и так были узкие, раскосые глаза, они видели во все стороны. Но здесь он не увидел, нет, скорее, не захотел увидеть. Он чуть повернулся ко мне и сидел секунду, не двигаясь и как бы вцепившись глазами в мой лист. Но вдруг его взгляд оторвался от моего листа. Словно какая-то сила отрывала его от правильной орфографии, от легкого спасения, от нормальной оценки. Он отвернулся от меня и стал писать медленно, по-своему, отставая от диктовки, делая все ошибки, какие только можно было сделать.

(В. Амлинский)

(Основные правила орфографии.)

На охоте

Солнце только что поднялось над горизонтом, когда мы пришли на болото, а птицы уже давно проснулись и отыскивали корм. Мы пробирались осторожно по болотным зарослям, выслеживая пернатых пловцов на открытой воде. Птиц здесь было очень много. Прерывистое кряканье раздавалось с разных сторон, а время от времени среди хора птичьих голосов к нам доносились звуки какого-то протяжного, словно насмешливого, крика.

Несколько раз сквозь просветы в тростниках мы видели водяных курочек с выводками в пять-шесть птенцов. Когда мы приближались к ним, они переставали ловить ряску на открытой воде и прятались все дальше в тростники. Обычно, когда мы были невдалеке, курочка-

мать что-то громко кричала, как будто желая нас предупредить. Возможно, этим криком она также давала знать своим цыплятам об опасности и придерживала их около себя.

В течение утра мы застрелили на болоте пять курочек.

(Э. Сетон-Томпсон)

(Основные правила орфографии.)

Ненастье

Моя добрая лошадь бодро бежала по дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами. Усталая собака, как будто привязанная, ни на шаг не отставала от колес. Впереди лиловая туча медленно поднималась из-за леса. Надо мною и мне навстречу неслись длинные облака. В течение нескольких минут душный жар сменился холодом. Я перебрался через сухой ручей, весь заросший диковинными растениями. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника. Я продвигался вперед с трудом.

Сильный-пресильный ветер неожиданно загудел в вышине, крупные капли дождя резко застучали, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь лил ручьями в продолжение нескольких часов. Я поехал шагом и скоро остановился, ввиду того что не видел ни зги. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я конца ненастья. Моя лошадь тоже боялась блистающих по всему небу молний. Вдруг на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону, — та же фигура словно выросла из земли.

(По И. Тургеневу)

(Основные правила орфографии.)

Возле ручья Шура набрела на стадо коров, отдохавших после полуденного водопоя. Им было приятно в прохладной глубине облака, нежданно упавшего на землю; лежа на песке и стоя в мелководье ручья, впадавшего на этом месте в море, коровы вдумчиво терли свою жвачку и помахивали ушами. Вокруг этих искусанных мухами ушей метались взлохмаченные клочки потревоженного тумана. Какой-то бурый бычок вскочил перед Шурой и, как дурной, кинулся в белесую мглу, выгибая горбом худую спину и палкой вздымая хвост.

Шура уже подходила к дому, когда несколько холодных капель кольнули лицо. И вслед за тихим сиреневым нашествием тумана незаметно прокрался неторопливый дождь. Этот дождь сначала опробовал землю севом мельчайших капель, а потом, взыграв духом, дня четыре кряду заливал деревянно-шлакоблочный городишко, втиснутый в неширокую речную долину меж двумя грядами зеленых сопок. От дождя хилая речонка вздувается стремительной желтой водой с пугающими водоворотами. Наполняются вровень с краями высокие глинистые берега, сносит мосты, и может случиться даже наводнение, если прилив на море запрет к этому времени устье реки.

Дождь уже начал посыпать в окно горстями, когда Шура, усевшись возле подоконника, пила из кружки молоко. Крохотные водяные существа, пролетевшие километры пространства, приникли теперь к стеклам, заглядывая в дом.

(А. Ким)

(Основные правила орфографии.)

Лесник одной рукой поднял мешок, прикинул, сколько потянет, крутанул головой, как бы осуждая кого-то, что поспешил. Наклоняясь, нагреб еще полкороба, высыпал в мешок. Казалось, что этот похожий на сучковатое, когда-то сломанное бурей, но выдюжившее дерево человек все делает нескладно. Такое впечатление, очевидно, вызывала его неуклюжая фигура. Вглядевшись же повнимательнее, Петр увидел, что длинные руки лесника с узловатыми потрескавшимися пальцами действуют ухватисто. Из таких рук ничто не выскользнет, они сделают любую работу, не слишком, правда, красиво, зато прочно.

В хате находились еще три взрослые дочери лесника. Но он не попросил их помочь. И ни одна из девушек не шевельнулась. Две сидели на узкой деревянной кровати, покрытой лишь старым солдатским одеялом, третья — на лежанке.

Одеты они были по-разному, а обуты в бурки, сшитые из солдатской шинели. Из-под недлинных юбок выглядывали костлявые колени.

Девушки тоже бесцеремонно рассматривали его в течение некоторого времени, словно видели впервые.

Петр сидел на лавке, облокотясь на шаткий стол, застеленный рваной клеенкой, и наблюдал с любопытством за этой странной семьей.

(По И. Шамякину)

(Основные правила орфографии.)

Возвращение на родную землю

По пыльному проселку шел совершенно легендарный путник, один из тех, каких описывали с такою охотою наши русские романтики. И рваная шапчонка, и котомка за плечом, и длинная палка в руках, и длинная седая борода, и заветренное лицо, изборожденное глубокими морщинами, превращавшими его лицо в маску, и какая-то подозрительная таинственность во всей его фигуре и даже в каждой складке страннической одежки — все эти признаки настоящего таинственного странника как-то не вязались с веселым выражением его лица. Очевидно, ему было весело, несмотря на страннический посох, котомку, морщины и седую бороду. Даже, вероятно, нашлись бы завистники, которым казалось бы это веселое настроение обидным. Этот таинственный странник был не кто иной, как возвращавшийся из ссылки Илья Полуянов.

Странник шел, испытывая прилив самой преступной радости. Недавний изгнанник снова чувствовал себя человеком и в качестве такового замыслил целый ряд предприятий.

Чем дальше продвигался Полуянов, тем больше находил недостатков в крестьянском хозяйстве. И земля вспахана кое-как, и посевы плохи, и земля пустует, и скотина затошала. Особенно печальную картину представляли истощенные поля, требовавшие удобрений и не получавшие его. В этом благодатном краю и знать ничего не хотели о каком-нибудь удобрении. Он стоял посреди поля в продолжение нескольких минут и был похож на сумасшедшего.

(По Д. Мамину-Сибиряку)

(Основные правила орфографии.)

Опасное путешествие

В воздухе была духота, которая предвещала недоброе. Мальчики теснее прижались к огню, как бы ища у него дружеской помощи, хотя ночь была по-летнему горяча и удушлива. В течение нескольких минут они сидели молча в напряженном ожидании. Царила торжественная тишина. Кругом не слышно было ни звука. Позади костров все было проглочено черной тьмою. Вдруг дрожащая вспышка тускло озарила листву и исчезла. Потом в ветвях деревьев пронесся чуть-чуть слышный стон. Мальчики почувствовали у себя на щеках чье-то дыхание и затрепетали. И вдруг какой-то призрачный блеск превра-

тился в день и с необычайной ответственностью озарил каждую травинку, что росла у их ног. Озарил он и три перепуганных лица. По небу сверху вниз прокатился, спотыкаясь, рокошующий гром и мало-помалу умолк, утрюмо ворча в отдалении. Снова яростный огонь осветил весь окрестный лес, и в ту же секунду раздался громовой удар, как будто над головой у мальчишек раскололись вершины деревьев.

Но мало-помалу они привыкли, и страх сменился любопытством. В продолжение долгого времени осматривали они все окружающее, восхищаясь собственной смелостью и в то же время удивляясь ей. Потом им захотелось заглянуть наверх. Там было такое же запустение. Слева они нашли чулан, суливший им какую-то тайну, справа ничего не оказалось. Теперь они совсем приободрились и хотели спуститься вниз, чтобы начать работу.

(По М. Твену)

(Основные правила орфографии.)

Единственная узкая тропа, вмятая глубоко в сугробы, вела от калитки к реке, на деревню. Во дворе сугробы лежали вровень с навесами, и через открытую с осени дверь надувало снегу.

Александр Антонович проводил дни и ночи в одной комнате с маленькими окнами, выходившими на короткий участок гнилого осинника. По углам комнаты были рассованы остатки усадебного добра — кучерский армяк, замазанные темным воском улейные рамы, убранная оловянными бляшками шлея, рванный патронташ. По стенам, обитым еловой корой, висели порыжевшие фотографии в рамочках, волчьи лапы, шубки. На полке, вперемешку с изодранными книгами, валялись крылья и хвосты глухарей, расстрелянные патроны и целые вороха какого-то заплесневелого хлама.

Когда Александру Антоновичу надоело сидеть на примятой жесткой постели, он полез на чердак. Там оставался полчаса и приносил с собой охапку старых альбомов. Целыми днями он просиживал над выцветшими строками витиеватых стихшков, над рецептами всевозможных лекарств. Если иссякало любопытство, стихшки и письма сваливались в угол, или на полку, или в печь.

Иногда заходил Тит, бледнолицый белоусый мужичок, отряхивался, приседал на краешек кровати и долго молчал, поджав руками жи-

вот. Александр Антонович изредка покашливал, мирно и привычно ожидая, что он скажет, Тит вставал, подбирался к шлее, колул оловяшки ногтем, прикидывал на руке, сколько может весить сбруя.

(По К. Федину)

(Основные правила орфографии.)

ПУНКТУАЦИОННЫЕ ДИКТАНТЫ

БЕКАС

Бекас — это болотная птичка. Нос длинный, в полкарандаша. Этим носом бекас в грязи достает себе червячков.

Мясо у бекаса до того вкусное, что у охотников бекас — любимая птица.

Жил у нас под городом бекас. Охотники ходили к его гнезду учить молодых собак. Почует собака бекаса, вытянется и стоит и смотрит туда, где бекас сидит. Охотник, конечно, не видит бекаса, но по собаке знает, где он. Скажет: «Вперед!» И собака тихонечко подводит охотника к птице. На лету бекас виляет в разные стороны — очень трудно попасть.

Вот еще и потому, что трудно попасть, любят охотники бекасную охоту.

Нашего бекаса под городом мы все берегли и гнездышко его охраняли: на его гнезде мы учили собак. Однажды подвела меня собака к его гнезду. А рядом с гнездом лежал футлярчик от пенсне.

По этому футлярчику я догадался: это, наверное, мой знакомый улик здесь собаку и тоже, как я, заглянул бекасу в гнездо.

Встретив его сегодня на улице, я передал ему футлярчик.

(По М. Пришвину)

(Тире в простом предложении.)

Я был в том возрасте, когда для человека в мире живо все. Тогда человеку весь мир — сказка.

Я подрастал. Пришел тот возраст, когда у человека широко открылись глаза на мир, — влекущий к себе, прекрасный и таинственный.

Очень увлекательны были рассказы матросов. Пока слушаешь их, веришь, бывало, всем морским чудесам.

Наверное, уж я так устроен, что мне и до старости кажется: вся жизнь — сказка. К чему ни начнешь прислушиваться: за самым обыкновенным скрываются удивительные вещи. Начнешь разбираться, а там полно неизвестного: темные дебри маленьких и больших тайн. И еще мне казалось странным, почему люди выдумывают небылицы? Выдумывают каких-то чудовищ, глотающих корабли. А тому не удивляются, что живое морское чудовище — огромный зверина в сто тонн — кит — не может проглотить даже маленького человечка: такое у него узкое горлышко.

Я узнавал из книг, что существуют на самом деле летающие по воздуху рыбы, рыбы, ходящие посуху и даже залезаящие на деревья. И что на самом деле существует морской петух — кричащая рыба.

(По В. Бианки)

(Тире в простом предложении.)

Ночные совы

Ночные совы — птицы совсем особого полета. Это птицы домовитые, они не любят света, они ищут тьмы, таинственности, уединения. Поэтому субъекты, принадлежащие к досточтимому обществу сов, избегают центра. Они, напротив, избирают для жительства окраины, вроде глухой Петербургской, Аптекарского острова, поблизости какой-нибудь речонки Карковки.

Совы, известно, птицы осторожные. Избирает она гнездом своим старую дачу. Живет там безвыездно лето и зиму и убеждена, что живет по-барски. Жить по-барски — это идеал птичьей жизни, к которому она стремится.

Не все птицы, конечно, живут по дачным захолустьям. Большая часть из них, как уже было сказано, лепятся в захолустьях. Птицы имеют пристрастие к домам деревянным. Вращаться в тесном и замкнутом кружке своего птичьего общества — вот их главная цель, их предпочтение. Проникнуть в их заколдованный круг — все равно что погубить себя. Птицы что люди. У них, как и у людей, есть свои традиции, и каждая из птиц может похвалиться каким-нибудь своим дедушкой или дядюшкой.

(По В. Крестовскому)

(Тире в простом предложении, вводные слова.)

Последний снег

Кончался март, месяц ветров и оттепелей и первых солнечных, знойных, весенних дней.

Во дворе еще лежали плоские, твердые, спекшиеся на солнце сугробы снега; река еще не тронулась, и жители по-прежнему ходили к автобусу по льду. Но с каждым днем снега становилось все меньше. Как ни коробился, каким черным и невзрачным ни старался он казаться, прикидываясь то грязью, то камнем, хоронясь под заборами, по канавам, — солнце находило его везде. И он умирал мокрой смертью, растекаясь ручьями и уходя, как все умирающее, в землю.

В лесу пахло прелью и талой водой. Обнажалась земля с ветхим прошлогодним быльем, еще не богатая ничем, кроме буйных, томящих запахов...

Оля приносила домой первые подснежники и рассказывала о прилете птиц. В саду, в черных ветвях липы, обживались грачи, воротившиеся из-за моря. И высоко над полем, между небом и землей, лилась весенняя ликующая песнь жаворонка.

Москву омывали сырые южные ветры.

Площади города блистали, и последний снег вывозился с улиц на грузовиках-самосвалах. Сырые, липкие ломти снега, собранные горками вдоль тротуаров, похожи были на огромные кучи халвы. Москва начинала жить по-весеннему. Людней и шумней становилось на улицах. Кавказские мимозы — их привозили каждое утро на самолетах — продавались на всех углах. И уже девочки прыгали через веревку на высушенных солнцем кусочках тротуара, и самые франтоватые парни ходили без шапок.

(По Ю. Трифонову)

(Однородные члены предложения, однородные и неоднородные определения.)

Потемневшее от пыли голубое южное небо — мутно. Жаркое солнце смотрит в зеленоватое море точно сквозь тонкую серую вуаль. Оно почти не отражается в воде, рассекаемой ударами весел, паровых винтов и судов, бороздящих тесную гавань. Закованные в гранит волны моря подавлены громадными тяжестями, скользящими по их хребтам, они бьются о борта судов, о берега, бьются и ропщут, вспененные, загрязненные разным хламом.

Звон якорных цепей, грохот вагонов, подвозящих груз, металлический вопль железных листов, откуда-то падающих на камень мостовой, глухой стук дерева, дребезжание извозчичьих телег, свистки паровозов, то пронзительно резкие, то глухо ревущие, крики грузчиков, матросов и таможенных солдат — все эти звуки сливаются в оглушительную музыку трудового дня и, мятежно колыхаясь, стоят низко в небе. К ним вздымаются с земли новые волны звуков: то глухие, рокошующие, они сурово сотрясают все кругом, то резкие, гремящие, — рвут пыльный знойный воздух.

Гранит, железо, дерево, мостовая гавани, суда и люди — все дышит мощными звуками. Но голоса людей, еле слышные в нем, слабы и смешны. И сами люди, первоначально родившие этот шум, смешны и жалки. Их фигурки, пыльные, оборванные, согнутые под тяжестью товаров, лежащих на их спинах, суетливо бегают то туда, то сюда.

(По М. Горькому)

(Однородные члены предложения, обобщающие слова при однородных членах предложения.)

Огромный старый клен, возвышавшийся над всею южной частью сада, видный отовсюду, стал еще больше и виднее: оделся свежей, густой зеленью.

Выше и виднее стала главная аллея. Вершины ее старых лип покрылись узором юной листвы, поднялись и протянулись над садом светлой зеленой грядой.

А ниже клена лежало нечто сплошное, кудрявого, благоуханного, сливочного цвета.

И все это: огромная пышная вершина клена, светлая зеленая гряда аллеи, подвенечная белизна яблонь, груш, черемух, синева неба, и все то, что разрасталось и в садах, и в ложине, и вдоль боковых липовых аллей и дорожек, и под фундаментом южной стены — все поражало своей густотой, свежестью и новизной.

На чистом зеленом дворе от надвигающейся отовсюду растительности стало как будто теснее, дом стал как будто меньше и красивее. Он как будто ждал гостей: по целым дням были открыты и двери, и окна во всех комнатах: в белом зале, в синей старомодной гостиной, в маленькой диванной, увешанной овальными миниатюрами, и в сол-

нечной библиотеке, большой и пустой угловой комнате со старыми иконами и низкими книжными шкафами. И везде в комнаты глядели разнообразно зеленые, то светлые, то темные, то изумрудные деревья.

(По М. Горькому)

(Однородные члены предложения.)

Было начало апреля. Сумерки сгущались незаметно для глаза. Тополи, окаймлявшие шоссе, белые низкие домики с черепичными крышами по сторонам дороги, фигуры редких прохожих — все по-чернело, утратило цвета и перспективу. Все предметы обратились в черные плоские силуэты, но очертания их с прелестной четкостью стояли в смуглом воздухе. На западе, за городом, горела заря. Точно в жерло раскаленного, пылающего жидким золотом вулкана сваливались тяжелые сизые облака и рдели кроваво-красными, и янтарными, и фиолетовыми огнями. А над вулканом поднималось куполом вверх, зеленея бирюзой и аквамарином, кроткое вечернее весеннее небо.

Медленно идя по шоссе, с трудом волоча ноги в огромных калошах, Ромашов неотступно глядел на этот волшебный пожар. Как и всегда с самого детства, ему чудилась за яркой вечерней зарей какая-то таинственная, светозарная жизнь. Точно там, далеко-далеко за облаками и за горизонтом, пылал под невидимым отсюда солнцем чудесный, ослепительно-прекрасный город, скрытый от глаз тучами, проникнутыми внутренним огнем. Там сверкали нестерпимым блеском не только мостовые из золотых плиток, но и возвышались причудливые купола и башни с пурпурными крышами, сверкали брильянты в окнах, трепетали в воздухе яркие разноцветные флаги. И чудилось, что в этом далеком и сказочном городе живут радостные, ликующие люди, вся жизнь которых похожа на сладкую музыку, у которых даже задумчивость, даже грусть — очаровательно нежны и прекрасны. Ходят они и по сияющим площадям, и по тенистым садам, и между цветами и фонтанами, ходят, богоподобные, светлые, полные неопишуемой радости, не знающие преград в счастье и желаниях, не омраченные ни скорбью, ни стыдом, ни заботой...

(А. Куприн)

(Однородные члены предложения.)

Земля, скованная стужей, была тверда, точно камень. И все на ней, мертво окоченев, хрустело и шуршало под ногами: и побитые травы, и мох, и опавшая листва. Чуткое ухо издалека могло определить, что лесным бездорожьем бредут сотни людей.

Они шли вблизи от опушки. Выходя на участки, где было редколесье, они видели в правой стороне куски поля с потемневшими от дождей стожками, с голыми деревьями на пригорках. Подальше курились дымки. Вечерело. В глубине леса уже стояли густые сумерки, а на полянках горели в багрянце одинокие ели. Иногда сквозило такой стужей, что пронизывало до костей. Люди отворачивали лица, натягивали на уши пилотки, горбились в своих обтрепанных шинелях, жались друг к другу и еще сильнее стучали сапогами по мерзлой земле. Большинство солдат шли молча. Многие кашляли, задыхаясь, надрывая простуженную грудь.

Сумерки быстро сгущались. Вправо от извилистой дорожки, по которой двигался полк, совсем не стало видно полей. А слева открылось большое болото, заросшее камышом; кое-где на нем, примостившись на кочках, поднимались корявые березы. Они метались, ища защиты от смертного лесного сквозняка. Не стихая, шумел стылый камыш.

(М. Бубеннов)

(Однородные члены предложения.)

В море была крупная зыбь. С юга дул ласковый ветер, помогавший мне плыть по течению. Лежа на дне челна и поглядывая по сторонам, я не раз видел голубую вершину преогромной волны над головой. Мой челн, подпрыгнув и слегка пританцовывая, взлетал наверх и плавно опускался.

Мало-помалу я до того осмелел, что даже попробовал было грести. Но малейшее нарушение равновесия сейчас же сказывалось на поведении моего челна.

Перепуганный, мокрый, я опять лег на дно. Челн, казалось, сразу опомнился и с прежней осторожностью понес меня дальше. Я заметил, что каждая волна, представлявшаяся с берега или с борта корабля огромной ровной и гладкой горой, в действительности похожа на

цепь неровных холмов с остроконечными вершинами. Челнок, предоставленный самому себе, ловко лавировал, всякий раз выбирал долины, избегая крутых склонов и высоких вершин. Лежа на локтях в самом неудобном положении, я взмахивал веслом и направлял челн к острову.

(По Р. Стивенсону)

(Обособленные члены предложения.)

Серебряные кусты дикой маслины, окруженные кипящим воздухом, дрожали над пропастью. Крутая дорожка вела вниз, и Петя привык бегать по ней босиком. До первого поворота мальчик еще кое-как боролся с силой земного притяжения. Он подворачивал каблуки и хватался за сухие нитки корней, повисших над дорожкой. Но гнилые корни рвались. Мальчик был окружен облаком пыли, тонкой и коричневой, как порошок какао. Шляпа, полная ветра, колотилась за спиной, матросский воротничок развевался. И мальчик вдруг со всего маха вылетел на сухой и холодный песок берега, еще не обогретый солнцем. Песок этот был удивительной белизны. Вязкий и глубокий, сплошь истыканный вчерашними следами, он напоминал манную крупу. Он почти незаметно сходил в воду. И крайняя его полоса, ежеминутно покрываясь языками белоснежной пены, была сырой, лиловой и гладкой. Чудеснейший в мире пляж, растянувшийся под обрывами на сто верст, казался безлюдным в этот ранний час.

(По В. Катаеву)

(Причастные обороты.)

Я шел между двух молотков, когда за вторым от меня увидел стройное парусное судно с корпусом, напоминающим яхту. Оно было погружено в сон.

Ни души не заметил я на его палубе, но, подходя ближе, увидел с левого борта вахтенного матроса. Сидел он на складном стуле и спал, прислонясь к борту.

Я остановился неподалеку. Было пустынно и тихо. Звуки города сливались в один монотонный неясный шум, подобный шуму отда-

ленно едущего экипажа; вблизи меня — плеск воды и тихое поскрипывание каната единственно отмечали тишину. Я продолжал смотреть на корабль. Его коричневый корпус, белая палуба, высокие мачты, общая пропорциональность всех частей и изящество основной линии внушали почтение. Это было судно-джентльмен. Свет дугового фонаря мола ставил его отчетливые очертания на границе сумерек, в дали которых виднелись черные корпуса и трубы пароходов. Корма корабля выдавалась над низкой в этом месте набережной, образуя меж двумя канатами и водой внизу навесный угол.

(А. Грин)

(Обособленные члены предложения.)

Был печальный осенний вечер; солнце, закрытое тучами, из-за которых кое-где проскальзывали слабые лучи, склонялось к закату. Весь небосклон заслонили серые разорванные облака, слившиеся на горизонте в одну темную одноцветную завесу.

В воздухе можно было различить глазами ветер, срывавшийся из-за туч на землю и пролетавший над верхушками деревьев, сгибая их, обламывая ветви и снова улетаая куда-то ввысь.

Земля, облаченная в траурные одежды, лишенная зелени, казалась умершей или уснувшей, а быстро пролетавшие над ней странно разорванные, причудливо очерченные облака, то расплывавшиеся, то сталкивавшиеся вместе, то и дело меняли краски: то румянились, как бы от гнева, то становились синими от злости. Там, где под ними угадывалось солнце, они горели желтоватым пламенем, а в местах их разрыва небо светилось зеленоватыми огнями. Серые тучи, казалось, спешили на восток, чтобы там собраться вместе, как войско в бою, и двинуться вперед одной черной массой.

Но и внизу пейзаж не представлял приятного зрелища. Низкая болотистая долина была окружена черными стенами лесов. Кое-где виднелись одинокие деревья, наполовину высохшие или обгорелые, как бы в отчаянии поднимавшие кверху обнаженные ветви. Осенние ветры сорвали с них последние листья.

(Ю. Крашевский)

(Обособленные члены предложения, однородные члены предложения, неоднородные определения.)

Один в лесу

Он проснулся с первыми лучами солнца, дрожа от холода и внутреннего озноба. В кармане комбинезона нашел он зажигалку, сделанную ему на память другом. Он как-то совсем забыл о ней и о том, что можно и нужно разводить костер. Наломав с ели, под которой спал, сухих мшистых веток, он покрыл их хвоей и зажег. Желтые шустрые огоньки вырвались из-под сизого дыма. Смолистое серое дерево занялось быстро и весело. Пламя перебежало на хвою и, раздуваемое ветром, разгоралось со стонами и свистом.

Костер трещал и шипел, распространяя сухой благотворный жар. Алексею стало уютно, он достал из кармана гимнастерки несколько истертых писем, написанных одним и тем же круглым старательным почерком, вынул фотографию девушки в цветастом платье, сидевшей, подобрав ноги, в траве. Он долго смотрел на нее, потом снова бережно обернул в целлофан, заложил в письмо и, задумчиво подержав в руках, убрал обратно в карман.

(Б. Полевой)

(Обособленные члены предложения.)

Ночь была темная, по небу двигались пласты лохматых туч, море было спокойное и черное, как масло. Оно дышало влажным соленым ароматом и ласково звучало, плескаясь о борта судов и чуть-чуть покачивая лодку. На далекое пространство от берега подымались темные очертания судов, вонзая в небо острые мачты с разноцветными фонарями. Море было усеяно массой желтых пятен. Они красиво трепетали на его бархате, мягком, черном.

Лодка помчалась снова, бесшумно и легко вертясь среди судов. Вдруг она вырвалась из их толпы, а вырвавшись, полетела по морю, и море, бесконечное, могучее, развернулось перед ними и, поднявшись волнами к облакам с желтыми пуховыми каймами, отбросило от себя лодку. Облака ползли медленно, то сливаясь, то обгоняя друг друга, мешали свои цвета и формы, поглощая сами себя и вновь возникая в новых очертаниях, величественные и угрюмые. Казалось, что на краю моря их бесконечно много, что они всегда будут так равнодушно всползать на небо и бежать сломя голову, задавшись злой целью не

позволять ему никогда больше блеснуть над сонным морем миллионами своих золоченых звезд, живых и сияющих, возбуждая желания в людях, которым дорог их частый блеск.

(По М. Горькому)

(Обособленные члены предложения.)

В цирке

Однажды в праздничный вечер он стоял на галерее цирка, плотно прижавшись грудью к дереву перил, и, бледный от напряженного внимания, смотрел очарованными глазами на арену, где кувыркался ярко одетый клоун, любимец цирковой публики.

Окутанное пышными складками розового и желтого атласа тело клоуна, гибкое, как у змеи, мелькая на темном фоне арены, принимало различные позы: то легкие и грациозные, то уродливые и смешные; оно, как мяч, подпрыгивало в воздухе, ловко кувыркалось там, падало на песок арены и быстро каталось по ней. Потом клоун вскакивал на ноги и, смелый, довольный собой, весело смотрел на публику, ожидая от нее рукоплесканий. Она не скупилась и дружно поощряла его искусство громким смехом, улыбками, криками одобрения. Тогда он вновь извивался, кувыркался, прыгал, жонглировал своим колпаком; при каждом движении его золотые блески, нашитые на атласе, сверкали, как искры, а малыш с галереи жадно следил за этой игрой гибкого тела и, прищуривая свои черные глазки, улыбался тихой улыбкой неизъяснимого удовольствия.

(По М. Горькому)

(Обособленные члены предложения, однородные члены предложения)

За болотцем, которое он переполз, открылась поляна, пересеченная старой изгородью из посеревших от ветров жердей, лыком и ивовыми вязками прикрученных к вбитым в землю кольям.

Между двумя рядами изгороди кое-где проглядывала из-под снега колея заброшенной, нехоженой, дороги. Значит, где-то недалеко жилье!

Чувствуя близкий конец скитаний, Алексей пополз, не жалея сил и не отдыхая. Он полз, задыхаясь, падая лицом в снег, терял сознание

от напряжения, полз, торопясь скорее добраться до пригорка, с которого, наверное, должна быть видна деревня. Стремясь из последних сил к жилью, он не замечал, что, кроме этой изгороди да колеи, все отчетливее проступавшей из-под талого снега, ничто не говорит о близости человека.

Вот наконец и вершина земляного горба. Алексей, еле переводя дыхание и судорожно глотая воздух, поднял глаза. Поднял и тотчас же опустил.

Несомненно, еще недавно это было небольшой лесной деревенькой. И ни души, ни звука, ни дымка.

(Б. Полевой)

(Обособленные члены предложения, однородные члены предложения)

Он присел на корточки посреди мутного ручья, словно бескрайняя пустыня подавляла его своей несокрушимой силой, угнетала своим страшным спокойствием. Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружье с плеском упало в воду. Это заставило его опомниться. Он перешибил свой страх, собрался с духом и, опустив руку в воду, нашарил ружье, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на больную ногу, и медленно и осторожно пошел к берегу, морщась от боли.

Он шел не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл. Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет! На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк еще дальше к левому плечу и, хромя, стал спускаться вниз.

(Д. Лондон)

(Деепричастные обороты, сравнительные обороты)

В море

Море проснулось. Оно играло маленькими волнами, рождая их, украшая бахромой пены, сталкивая друг с другом и разбивая в мелкую пыль. Пена, тая, шипела и вздыхала, и все кругом было заполнено музыкальным шумом и песком. Тьма как бы стала живее...

...Челкаш греб медленно. Лодка колыхалась на волнах, шаловливо плескавшихся о ее борта, еле двигалась по темному морю, а оно играло все резвей. Двое людей мечтали, покачиваясь на воде и задумчиво поглядывая вокруг себя. Челкаш начал наводить Гаврилу на мысль о деревне, желая немного приободрить и успокоить его. Сначала он говорил, посмеиваясь себе в усы, но потом, подавая реплики собеседнику и напоминая ему о радостях крестьянской жизни, в которых сам давно разочаровался, забыл о них и вспоминал только теперь...

...Он вспоминал прошлое, забывая править лодкой, повернутой волнением и плывшей куда-то в море. Волны точно понимали, что эта лодка потеряла цель, и, все выше подбрасывая ее, легко играли ею, вспыхивая под веслами своим ласковым голубым огнем...

...Челкаш чувствовал себя овеванным примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшего с собой до его слуха и ласковые слова матери, и солидные речи крестьянина-отца, много забытых звуков и много сочного запаха матушки-земли, только что оттаявшей, только что вспаханной и только что покрытой изумрудным цветом озими... Он чувствовал себя одиноким, вырванным и выброшенным навсегда из того порядка жизни, в котором выработалась та кровь, что течет в его жилах.

(По М. Горькому)

(Обособленные члены предложения)

Вешнее солнышко приветливо глядело с голубого неба, по которому двигались перистые белоснежные облачки, и пригревало изрядно. В воздухе, полном бодрящей остроты, пахло свежестью, навозом и, благодаря соседству казарм, кислыми шами и черным хлебом. Вода капала с крыш, блистала в колдобинах и пробивала канавки на обнаженной, испускавшей пар земле с едва пробившейся травкой. Все на дворе словно трепетало жизнью. У сарая бродили, весело кудахтая, куры, и неугомонный пестрый петух с важным, деловым видом шагал по двору, отыскивая зерна и угощая ими своих подруг. У колдобин гоготали утки, стайка воробьев то и дело слетала из сада на двор и прыгала, чирикающая и ссорясь друг с другом. Голуби разгуливали по крыше сарая, расправляли на солнце сизые пе-

рья и ворковали о чем-то. На самом припеке, у водовозной бочки, дремала большая рыжая дворняга и по временам щелкала зубами, ловя блох...

(К. Станюкович)

(Обособленные члены предложения, однородные члены.)

Тонкая леска была спущена в воду под корень, шевелившийся от каждого движения волны.

Девочка ловила форель.

Она сидела неподвижно на камне, и река обдавала ее шумом. Глаза ее были опущены вниз. Но взгляд их, утомленный блеском, рассеянным повсюду над водой, не был пристален. Она часто отводила его в сторону и устремляла вдаль, где круглые горы, осененные лесом, стояли над самой рекой.

Воздух был еще светел, и небо, стесненное горами, казалось среди них равниной, чуть-чуть озаренной закатом.

Но ни этот воздух, знакомый ей с первых дней жизни, ни это небо не привлекали ее сейчас.

Широко открытыми глазами следила она за вечно бегущей водой, сиюсь представить в своем воображении те неизвестные края, куда и откуда бежала река.

Она запела. Сначала тихо, потом громче.

У нее был голос, приятный для слуха. Но пусто было вокруг. Лишь водяная крыса, испуганная звуками ее песни, близко плеснулась возле корня и поплыла к камышовым зарослям, волоча за собой зеленую тростинку. Тростинка была длинна, и крыса напрасно трудилась.

(По Р. Фраерману)

(Обособленные члены предложения.)

Карнавал на даче

Все дачники были приглашены к утреннему чаю. День, начавшийся так торжественно, закончился костюмированным балом. Самый лучший костюм был у Пети.

Это были настоящие рыцарские доспехи, искусно выклеенные из золотой и серебряной бумаги, натянутой на проволоочный каркас. Шлем, украшенный пышным султаном, выглядел совершенно так же,

как у рыцарей. Вместе с самой красивой девочкой они прошли под руку вокруг сада, увешанного фонариками. Невероятно яркие деревья, охваченные зелеными и красными облаками огня, вспухали в таинственной тьме сада. Под стеклянными колпаками в беседке ужинали взрослые. Мотыльки летали со всех сторон на свет и падали, обожженные огнем, на скатерть. Сквозь дыры в листе проникал лунный свет, и белки девчокиных глаз отливали каленой синевой. А на основном столе, вынесенном из кухни, стояли: бочонок кваса, казенное вино, миска жареной рыбы и пшеничный калач.

(По В. Катаеву)

(Обособленные члены предложения.)

Побег

Заметив, что пароход не остановился и не спустил шлюпки, матрос немного успокоился. Прежде всего он поспешил скинуть робу, мешавшую плыть. Отделаться от пиджака было легче всего. Перевернувшись несколько раз и отплевываясь от солоновато-горькой волны, матрос стянул пиджак.

Пиджак, раскинув рукава, плыл некоторое время, не желая расставаться с хозяином и норовя обвиться вокруг его ног.

Матрос пихнул его несколько раз, и пиджак начал медленно тонуть, качаясь и переходя из слоя в слой.

Больше всего возни было с сапогами. Они, словно наполненные клеем, липли к ногам. Матрос яростно сдирает эти флотские сапоги с ржыми голенищами, уличавшие его. Гребя руками, он танцевал в воде, то проваливаясь с головой, то высываясь из волны. Погрузившись с головой в волну, он стал тянуть сапог за скользкий каблук, мысленно ругаясь и проклиная все на свете. Ему удалось стянуть сапоги.

(В. Катаев)

(Деепричастные обороты.)

В то время как такие разговоры происходили в приемной и в княжнинной комнате, карета с Пьером (за которым было послано) и с Анной Михайловной (которая нашла нужным ехать с ним) въезжала во двор графа Безухова. Когда колеса кареты мягко зазвучали по соломе, настланной под окнами, Анна Михайловна, обратившись к

своему спутнику с утешительными словами, убедилась в том, что он спит в углу кареты, и разбудила его. Очнувшись, Пьер за Анной Михайловной вышел из кареты и тут только подумал о том свидании с умирающим отцом, которое его ожидало. Он заметил, что они подъехали не к парадному, а к заднему подъезду. В то время как он сходил с подножки, два человека в мещанской одежде торопливо отбежали от подъезда в тень стены. Приостановившись, Пьер разглядел в тени дома с обеих сторон еще несколько таких же людей. Но ни Анна Михайловна, ни лакей, ни кучер, которые не могли не видеть этих людей, не обратили на них внимания. Стало быть, это так нужно, решил сам с собою Пьер и прошел за Анной Михайловной. Анна Михайловна поспешными шагами шла вверх по слабоосвещенной узкой каменной лестнице, подзывая отставшего за ней Пьера, который, хотя и не понимал, для чего ему надо было вообще идти к графу, и еще меньше, зачем ему надо было идти по задней лестнице, но, судя по уверенности и поспешности Анны Михайловны, решил про себя, что это было необходимо нужно. На половине лестницы чуть не сбили их с ног какие-то люди с ведрами, которые, стуча сапогами, сбегали им навстречу. Люди эти прижались к стене, чтобы пропустить Пьера с Анною Михайловной, и не показывали ни малейшего удивления при виде их.

(Л. Толстой)

(Обособленные члены предложения, знаки препинания в сложно-подчиненном предложении.)

Дорога к своим

Среди шума леса Алексей услышал отдаленный звук работающих моторов. Забыв об усталости, свернул он с дороги, добрал по целине до густого елового подлеска и тут, зайдя в чащу, опустился в снег. С дороги его, конечно, трудно было заметить, ему же дорога была отчетливо видна, освещенная полуденным солнцем, уже стоявшим над зубчатым забором еловых вершин.

Алексей вспомнил, что на снегу заброшенной дороги ясно виден его одинокий след. Но уходить было поздно. Сначала мелькнул среди ветвей броневик, окрашенный известью. Покачиваясь и звеня цепями, он приближался к месту, где был след Алексея. На некотором расстоянии, фырча и лязгая гусеницами, шел еще один броневик.

Дождавшись, пока все стихнет, Алексей выбрался на дорогу. Он двигался теми же равномерными переходами, так же отдыхал, так же поел, пройдя половину дневного пути. Но теперь он шел по-звериному, осторожно. Встревоженный слух ловил каждый шорох, глаза рыскали по сторонам, как будто он знал, что где-то рядом крадется, прячется большой опасный хищник.

(Б. Полевой)

(Обособленные члены предложения.)

Изба Антона стояла у самой околицы и завершала собой правую линию села, выдавшуюся в этом месте несколько вперед. Она бросалась в глаза своею ветхостью: один бок ее, примыкавший к околице, почти сгнил дотла, отчего остальная часть здания покачнулась и села на ту сторону. Кровля от тяжести давившей ее когда-то соломы приняла совершенно другое направление. Она сползла наперед и грозила ежеминутным падением. Трубы не было; ее заменял глиняный горшок с выбитым дном для дыму. Деревянный петушок, красовавшийся, вероятно, в лучшие времена на макушке крыши, принял также свое направление во время всеобщего обвала и уныло свесился влево. Единственное оконце, заткнутое лохмотьями и облизанное кругом глиною, глядело невыразимо кисло. Изба со всех сторон подпиралась сучковатыми плахами, уподоблявшими ее согбенному старику-нищему, наступившему на костыли свои; словом, все в ней, как говорится, было и валко, и шатко, и на сторону. Невыразимо тяжело и грустно становилось на сердце, глядя на это жилище: даже Степан, сосед, вообще равнодушный ко всему житейскому, и тот не проходил мимо того, чтобы не оглянуть Антонову избенку со всех сторон и не покачать заботливо лысою головою.

(Д. Григорович)

(Обособленные члены предложения, сложные предложения, вводные слова.)

Дно долины было болотистое, вода пропитывала густой мох, словно губку. На каждом шагу она брызгала из-под ног, и подошва с хлюпаньем отрывалась от влажного мха. Стараясь идти по следам

Билла, путник перебирался от озера к озеру, по камням, торчавшим во мху, как островки.

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что еще немного — и он подойдет к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро. А в озеро впадает ручей, и вода в нем не мутная. По берегам ручья растет камыш — это он хорошо помнил — но деревьев там нет, и он пойдет вверх по ручью до самого водораздела. От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад. Он спустится по нему до реки и там найдет свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть — все нужное для того, чтобы добывать пропитание. А еще там есть мука — правда, немного.

(Д. Лондон)

(Сравнительные обороты, обособленные члены предложения.)

Однажды Ванька поднял свой велосипед с земли, подкачал шины, протер его тряпочкой, сам умылся из бочки и застегнул брюки внизу бельевыми защепками. И я понял, что приближается наш с ним праздник.

Сначала он объехал не торопясь вокруг двора, и машина шла под ним мягко-мягко, и было слышно, как приятно трутся о землю шины. Потом Ванька прибавил скорости, и спицы засверкали, и Ванька пошел выкомаривать номера, и стал петлять и крутить восьмерки, и разгонялся изо всех сил, и сразу резко тормозил, и машина останавливалась под ним как вкопанная. И он по-всякому ее испытывал, как летчик-испытатель, а я стоял и смотрел, как механик, который стоит внизу и смотрит на своего пилота. Во-первых, приятно было видеть, что машина вся блестит от краски, и, во-вторых, невозможно было догадаться, что она старая. И Ванька скакал так на этой машине, наверное, с полчаса, и я уже стал побаиваться, что он совсем забыл про меня. Нет, напрасно я так подумал про Ваньку. Он подъехал ко мне и предложил покататься.

(По В. Драгунскому)

(Сложносочиненные предложения, однородные члены предложения, вводные слова.)

Кругом все было по-прежнему, и солнце беспощадно жгло и болото, и чашу, и высокую вершину горы.

Мой спутник сунул руку в карман, достал свисток и несколько раз свистнул. Свист разнесся далеко-далеко. Я, конечно, не знал значения этого сигнала. Стараясь не шуметь, я вылез из кустарника и помчался в лес. Чаша осталась позади, и я бежал так быстро, как не бежал еще никогда. Я несея, не разбирая дороги, и с каждым шагом страх мой усиливался и превращался в ужас.

Положение мое было отчаянное. Я мчался вперед и очутился у подножия невысокой горы с двуглавой вершиной. В этой части острова вечнозеленые дубы росли не так густо и похожи были своими размерами не на кусты, а на обыкновенные лесные деревья. Изредка между ними возвышались одинокие сосны высотой в пятьдесят-семьдесят футов. Воздух здесь был свеж и чист. Но тут меня подстерегала опасность, и сердце мое снова замерло от ужаса.

(По Р. Стивенсону)

(Сложносочиненные предложения, однородные члены, вводные слова.)

Наутро мы поднялись очень рано. Взятые запасы продовольствия подходили к концу, и потому надо было торопиться. Наш утренний завтрак состоял из жареной утки, остатков лепешки, испеченной в золе, и кружки горячего-прегорячего чая.

Когда мы выступили в путь, солнышко только всходило. Светлое и лучезарное, оно поднялось из-за леса и яркими лучами осветило вершины гор, покрытые снегом.

Теперь, когда листва спала, сверху, с гор, было хорошо видно, где кончаются лиственные леса и начинаются хвойные. Долины кажутся серыми, а хребты темно-зелеными.

Здесь среди кустарниковой растительности еще можно видеть кое-каких представителей флоры, например, красно-ветвистый шиповник с сильно удлинненными плодиками, сохраняющимися на ветках его чуть ли не всю зиму; калину, дающую в изобилии светло-красные плоды, и лимонник с гроздьями красных ягод, от которых во рту остается легкий ожог, как от перца.

Как мы ни старались, но в этот день нам удалось дойти только до реки. До моря оставалось километров двадцать. Когда намеченный маршрут близится к концу, то всегда торопишься: хочется скорее закончить путь.

(По В. Арсеньеву)

(Сложноподчиненные предложения, обособленные члены предложения.)

С утра погода стояла хмурая, ветреная. Один раз прорвался солнечный луч, скользнул по воде, словно прожекторами, осветил сопку на берегу и скрылся опять в облаках. Вслед за тем пошел мелкий снег. Опасаясь пурги, я хотел было остаться дома. Но просвет на западе и движение туч к юго-востоку служили гарантией, что погода разгуляется. Дерсу так думал, и мы бодро шли вперед. Через полчаса снег перестал идти, мы расселись, и день выпал на славу — теплый и тихий.

Вода в горных ручьях была еще в движении, но по замирающему шуму уже заметно было, что скоро и она должна будет покрыться ледяной коркой и совсем замолкнуть. Там, где из расщелины в камнях понемногу сочилась вода, теперь образовались большие ледяные натеки; они постоянно увеличивались и казались замерзшими водопадами.

Мы шли берегом моря и разговаривали. Впереди, шагах в полтора от нас, бежала моя собака Альпа. Вдруг я заметил два живых существа: одно была Альпа, а другое — животное, тоже похожее на собаку, мохнатое и коротконогое. Оно бежало около береговых обрывов неловкими и тяжелыми прыжками и, казалось, хотело обогнать собаку. Поравнявшись с Альпой, мохнатое животное стало в оборонительное положение. Я узнал росомаху — самого крупного представителя из семейства хорьковых.

(По В. Арсеньеву)

(Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, обособленные члены предложения.)

По-летнему быстро стемнело. Теплая, влажная ночь загустела в лесу. Теперь, когда гром боя отодвинулся на юг и зарева уже далеких пожаров были еле-еле видны за сеткой ветвей, отчетливо слышны стали все ночные шумы летнего душистого цветущего леса: неистовый и надсадный

треск кузнечиков на опушке, гортанное курлыканье сотен лягушек в соседнем болоте, редкое кряканье дергача и вот это все заглушающее, все заполняющее, царствующее во влажной полутьме соловьиное пение.

Лунные белые пятна вперемишку с черными тенями ползали по траве у ног Алексея, все еще сидевшего под березой на мягком, теперь уже сыром мху. Он опять достал из кармана фотографию, положил ее на колени и, смотря на нее, освещаемую луной, задумался. Над головой в ясном темно-синем небе один за другим тянулись на юг темные маленькие силуэты ночных бомбардировщиков. Алексей вздохнул, убрал фотографию в карман гимнастерки, пружинисто вскочил, стряхивая с себя колдовское очарование ночи, и, хрустя валежником, соскочил в свою землянку, где уже сладко и заливисто храпел его товарищ, побогатырски раскинувшись на узком солдатском ложе.

(Б. Полевой)

(Сложноподчиненные предложения, обособленные члены, однородные члены предложения.)

Кот

Утром, когда свет из столовой через приоткрытую дверь виднеется еще только бледной щелочкой, я знаю, что у самой двери в темноте сидит и дожидается меня кот Васька. Он знает, что столовая без меня пуста, и боится: в другом месте он может продремать мой вход в столовую. Он давно сидит тут и, как только я вношу чайник, с добрым криком бросается ко мне.

Когда я сажусь за чай, он садится мне на левую коленку и следит за всем: как я колю сахар щипчиками, и как режу хлеб, и как намазываю масло. Мне известно, что соленое масло он не ест, а принимает только маленький кусочек хлеба, если ночью не поймал мышь.

Когда он уверится, что ничего вкусного нет на столе — корочки сыра или кусочка колбасы — то он опускается на моей коленке, потопчется немного и засыпает.

После чая, когда встаю, он просыпается и отправляется на окно. Там он поворачивается головой во все стороны, вверх и вниз, считая пролетающих в этот ранний утренний час плотными стаями ворон. Из всего сложного мира жизни большого города он выбирает себе только птиц и устремляется весь целиком только к ним.

(М. Пришвин)

(Сложноподчиненные предложения.)

Синий лапоть

Через большой лес проводят шоссе с отдельными путями для легковых машин, для грузовиков, для телег и для пешеходов. Сейчас, пока для этого шоссе только лес вырубил коридором, хорошо смотреть вдоль по вырубке: две зеленые стены леса и небо в конце. Когда лес рубили, то большие деревья куда-то увозили, мелкий же хворост собирали в огромные кучи. Хотели увезти и хворост для отопления фабрики, но не управились, и кучи по всей широкой вырубке остались зимовать.

Осенью охотники жаловались, что зайцы куда-то пропали, и некоторые связывали это исчезновение зайцев с вырубкой леса: рубили, стучали и распугали. Когда же налетела пороша и по следам можно было разгадать все заячьи проделки, пришел следопыт Родионич.

Родионич, в отличие от всех охотников, зайца называл не «косым чертом», а всегда «синим лаптем»; удивляться тут нечему: ведь на черта заяц не более похож, чем на лапоть, а если скажут, что синих лаптей не бывает, то я скажу, что ведь и косых чертей тоже не бывает.

Рано утром, на самом рассвете, вышли мы на охоту без собак: Родионич был такой искусник, что лучше всякой гончей мог нагнать зайца на охотника.

(По М. Пришвину)

(Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, двустоичие в бессоюзном сложном предложении.)

Осенний сад

На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь — велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень, и, умывшись и позавтракав горячими картошками и черным хлебом с крупной сырой солью, с наслаждением чувствуешь под собой скользкую кожу седла, проезжая по деревне на охоту. Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору. Если

же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо. К тому же наша деревня славилась богатством. Старики и старухи жили в ней подолгу.

(По И. Бунину)

(Сложноподчиненное предложение.)

Однажды осенью мне пришлось стать в очень неприятное и неудобное положение: в городе, куда я только что приехал и где у меня не было ни одного знакомого человека, я очутился без гроша в кармане и без квартиры.

Продав в первые дни все то из костюма, без чего можно было обойтись, я ушел из города в местность, называемую Устье, где стояли пароходные пристани и в навигационное время кипела бойкая трудовая жизнь, а теперь было пустынно и тихо.

Шлепая ногами по сырому песку и упорно разглядывая его с желанием открыть в нем какие-нибудь остатки питательных веществ, я бродил одиноко среди пустынных зданий и торговых ларей и думал о том, как хорошо быть сытым...

...Наступил вечер, шел дождик, с севера порывисто дул ветер. Он свистел в пустых ларях и лавчонках, бил в заколоченные досками окна гостиниц, и волны реки от его ударов пенились, шумно плескались на песок берега, высоко взметывая свои белые хребты, неслись одна за другой в мутную даль, стремительно прыгая друг через друга. Казалось, что река чувствовала близость зимы и в страхе бежала куда-то от оков льда, которые мог в эту же ночь набросить на нее северный ветер. Небо было тяжело и мрачно, с него неустанно сыпались еле-еле видимые глазом капельки дождя; печальную элегию в природе вокруг меня подчеркивали две обломанные и уродливые ветлы и опрокинутая вверх дном лодка у их корней.

(По М. Горькому)

(Сложноподчиненное предложение.)

Когда утром я вышел на палубу, остров показался мне совсем другим, чем вчера. Хотя ветер утих, мы все же значительно продвинулись за ночь вперед и теперь стояли в штиле, в полумиле от низкого восточ-

ного берега. Большую часть острова покрывали темные леса. Однообразный серый цвет прерывался кое-где в ложбинах желтизной песчаного берега и зеленью каких-то деревьев, похожих на сосны. Эти деревья росли то поодиночке, то купами и поднимались над уровнем леса, но общий вид острова был все же очень однообразен и мрачен. На вершине каждого холма торчали острые голые скалы. Эти холмы удивляли меня странной формой своих очертаний. Гора была на триста или четыреста футов выше остальных и казалась самой странной: отвесные склоны и срезанная плоская вершина, как пьедестал для статуи.

Океан так сильно качал наше судно, что вода хлестала за борт. Руль хлопался о корму то справа, то слева, и весь корабль прыгал, стонал, трещал, как игрушечный.

(Р. Стивенсон)

(Сложноподчиненное предложение, однородные члены.)

В сумерки, отдыхая у подножия сосновых лесов, за которыми начинается пустынный подъем, я смотрел в необъятную глубину подомной с тем особым чувством гордости и силы, с которым всегда смотришь с большой высоты. Еще можно было различить огоньки в темнеющей долине далеко внизу, на побережье тесного залива, который, уходя к востоку, все расширялся и, поднимаясь туманно-голубой стеной, обнимал полнеба. Темнело быстро, я шел, приближался к лесам — и горы вырастали все мрачней и величавее, а в пролеты между их отрогами с бурной стремительностью валился косыми, длинными облаками густой туман, гонимый бурей сверху. Он срывался с плоскогорья, которое окутывал гигантской рыхлой грядой, и своим падением как бы увеличивал хмурую глубину пропастей между горами. Он уже задымил лес, надвигаясь на меня вместе с глухим, глубоким и нелюдимым гулом сосен. Повеяло зимней свежестью, понесло снегом и ветром... Наступила ночь, и я долго шел под темными, гудящими в тумане сводами горного бора, склонив голову от ветра.

Каждую минуту мне кажется, что перевал в двух шагах от меня, а каменистый подъем не кончается. Я весь дрожу от усталости, и одежда моя промокла, а ветер так и пронизывает ее насквозь.

(По И. Бунину)

(Сложноподчиненное предложение, обособленные члены предложения.)

Осенью

Осень началась солнечными днями.

По воскресеньям Турбин с утра уходил в поле, туда, где видны были на горизонте станция и один за другим уходящие вдаль телеграфные столбы. Его тянуло туда, потому что в ту сторону поезд должен был унести его на родину.

Низкое солнце блестело ослепительно. Белый, холодный туман затоплял реку. Белый дым таял в солнечных лучах над крышами изб и уходил в бирюзовое небо. В барском парке, прохваченном ночью сыростью, стояли холодные синие тени и пахло прелым листом и яблоками; на полянах, в солнечном блеске, сверкали паутины и неподвижно рдели светло-золотые клены. Резкий крик дроздов иногда нарушал тишину. Листья, пригретые солнцем, слабо колеблясь, падали на темные, сырые дорожки. Сад пустел и дичал; далеко виден был в нем полуоткрытый, покинутый шалаш садовника.

Не спеша, Турбин всходил на гору. Село лежало в широком котловане. Ровно тянулся ввысь дым завода; в ясном небе кружили и сверкали белые голуби. На деревне всюду резко желтела новая солома, слышался говор, с громом неслись через мост порожние телеги...

А в открытом поле все блестело; к северу горизонт был темен и тяжел и резко отделялся грифельным цветом от желтой скатерти жнивья. Издалека можно было различить фигуры женщин, работающих на картофельных полосах, медленно едущего по полю мужика. Золотистыми кострами пылали в лощинах лесочки.

На месте срубленного леса белела щепа, среди обрубленных сучьев и поблекших листьев возвышались три длинные, тонкие березки с уцелевшими макушками. Их очертания так хорошо гармонировали с открытыми далями.

(По И. Бунину)

(Сложноподчиненное и сложносочиненное предложение.)

Тяжелые вопросы

После отъезда Сергея Таня осталась крайне взволнованная и пораженная. Она знала, что ее решимости и сдержанности не хватит, знала, что томить дольше Сергея не будет, наконец, скажет ему истину, скажет, что только его ждала в течение долгих лет и что теперь уже не отпустит от себя.

А между тем ничего этого не случилось; объяснение произошло, и результат его был совсем неожиданный: из обвиняемого Сергей превратился в обвинителя.

Она сама виновата во всем, она испортила жизнь и себе, и ему, отравила и его, и свою молодость.

Счастливая, полная жизнь возможна была давно, и она уничтожила эту возможность, отказалась от этой жизни. Однообразное уединение, существование среди бестелесных туманных мечтаний, вечное ожидание волшебной сказки, в которую часто поневоле не верилось. Сергей сказал ей, что она не любила его.

Ее сердце ныло, ее мысли путались, она чувствовала себя пораженной, она должна была прийти в себя, очнуться, понять, что такое случилось, что значили эти странные слова и что такое в них заключается.

Она бродила из угла в угол, потом, наконец, легла в постель, закрыла глаза, но не спала, а долго лежала в полузабытьи.

Мало-помалу это полузабытье перешло в сон. Таня спала, как спит человек после чрезмерной работы. Она не слыхала в своем крепком сне и как к ней стучались, и как ее звали, и как опять приходили и звали.

(По Вс. Соловьеву)

(Сложноподчиненное предложение.)

Он все-таки пришел в себя, совершенно закоченев на морозе, и сразу же вспомнил, где он и что ему надо. Его последняя цель жила в нем, даже когда исчезло сознание, он только не знал, сколько прошло времени и на что он еще способен. В первую минуту он даже испугался, подумав, что опоздал: над дорогой лежала тишина и ниоткуда не доносилось ни звука. В поле мело, вокруг шуршал ветер, лейтенанта до плеч занесло снегом; руки его так загубели, что невозможно было пошевелить пальцами. Боли в раненой ноге теперь почему-то не чувствовалось, наверное, там что-то отболело. Он берег простреленные свои легкие как нечто самое лучшее, от чего всецело зависели последние часы его жизни. Сознание его, как канатоходец на проволоке, все время балансировало. Завтра поедут немцы, и он, вместо того чтобы встретить их с гранатой в руках, предстанет перед ними жалким замерзшим трупом.

Сознание снова начало ускользать, и тут уже не могло помочь никакое его усилие. Но все же и на этот раз что-то превозмогло в нем смерть и вернуло его истерзанное тело к жизни. Он сразу же задвигался, стараясь во что бы то ни стало вырваться из снежной западни...

Нет, он не встал, потому что встать он не мог, и не воскреснул, хотя, наверное, мог бы еще кричать. Он лишь содрогнулся, когда в утренней тишине грохнул одиночный выстрел и пуля вонзилась в его окровавленное тело. Она ударила ему в плечо. Медленно, очень осторожно, превозмогая охватившую его новую боль, он поворачивался на бок, высвобождая из-под тела гранату.

(По В. Быкову)

(Сложноподчиненное и сложносочиненное предложение, двоестие в бессоюзном сложном предложении.)

Из воспоминаний Шаляпина

В один поистине прекрасный день ко мне приехал Дягилев и сообщил, что предлагает мне ехать в Париж, где он хочет устроить ряд симфонических концертов, которые ознакомят бы французов с русской музыкой. Я с восторгом согласился принять участие в этих концертах, уже зная, как интересуется Европа русской музыкой и как мало наша музыка известна в Европе.

Когда я приехал в Париж и остановился в отеле, где жил Дягилев, я сразу понял, что затеяно серьезное дело и что его делают с восторгом. Дягилев сообщил мне, что интерес парижан к его предприятию очень велик и что хотя помещение для концертов снято в Большой опере, но положительно нет возможности удовлетворить публику, желающую слушать русскую музыку.

Успех концертов был солиден, и это подало нам мысль показать в будущем сезоне русскую оперу, например, «Бориса Годунова». Мы ставили спектакль целиком, что невозможно в России вследствие цензурных условий. Сначала мы устроили генеральную репетицию, пригласив на нее избранное общество Парижа. Так же великолепно, как генеральная репетиция, прошел и первый спектакль. Артисты, хор, оркестр и декорации — все было на высоте. Минуты великого счастья переживал я благодаря искусству, страстно любимому мною. Любовь — это всегда счастье, что бы мы ни любили, но любовь к искусству — величайшее счастье нашей жизни!

(По М. Горькому)

(Сложноподчиненное предложение, тире в простом предложении.)

Темная осенняя ночь давным-давно окутала село Комково. Погода стояла ветреная, ненастная; мелкий дождь падал пополам со снегом; холодный ветер гудел протяжно в отдаленных полях и равнинах. Но буря, слякоть и темнота нисколько не вредили празднику, и гулянка, которой год целый ждали обыватели, была в полном разгаре. Со всех сторон слышались нестройные песни, восклицания, хохот; правда, время от времени их заглушал суровый голос бури, которая с ревом и свистом пробегала по обвалившимся плетням и лачугам, но, тем не менее, песни и крики раздавались громче, когда ветер пронесся мимо и буря на минуту стихала. Почти в каждой избушке светились огоньки, и длинная нить их, отражавшаяся багровыми полосами в лужах, давала знать, что внутри домов точно так же продолжалась пиршество. Словом, жители села веселились на славу.

(По Д. Григоровичу)

(Сложноподчиненные предложения, вводные слова.)

Муравьи

Я устал на охоте за лисицами, и мне захотелось где-нибудь отдохнуть. Но лес был завален глубоким снегом, и сесть было некуда. Случайно взгляд мой упал на дерево, вокруг которого расположился гигантский муравейник, засыпанный снегом. Я взбираюсь вверх, сбрасываю снег, разгребаю сверху этот удивительный муравьиный сбор из хвоинок, сучочков, лесных соринки и сажусь в теплую ямку в муравейнике. Муравьи, конечно, об этом ничего не знают: они спят глубоко внизу.

Несколько повыше муравейника, где в этот раз я отдыхаю, кто-то содрал с дерева кору, и белая древесина, довольно широкое кольцо, была покрыта густым слоем смолы.

Колечко прекращало движение соков, и дерево неминуемо должно было погибнуть. Бывает, такие кольца на деревьях делает дятел, но он не может сделать так чисто.

Скорее всего, подумал я, кому-нибудь нужна была кора, чтобы сделать коробочку для сбора ягод.

Отдохнув хорошо на муравейнике, я ушел и вернулся случайно к нему, когда стало совсем тепло и муравьи проснулись и поднялись наверх.

Я увидел на светлом пораненном смолистом кольце дерева какое-то темное пятно и вынул бинокль, чтобы рассмотреть подробней. Оказалось — это были муравьи: им зачем-то понадобилось пробиться вверх через древесину, покрытую смолой.

(М. Пришвин)

(Сложноподчиненное предложение, двоеточие в бессоюзном сложном предложении, вводные слова.)

Ранней весной в половодье Волга до того переполняется водой, что ей уже некуда принимать в себя воду притоков.

Когда прибывает вода, то, конечно, она сначала заливает места более низкие, и земля становится похожа на тело, покрытое бесчисленными глазками и жилками. А после, когда много прибудет воды, все превращается в море с бесчисленными островами. Мало-помалу и острова исчезают, и только самые высокие места не заливаются и остаются островами на все время разлива Волги. Вот на эти-то острова, покрытые лесом, со всех сторон сплываются звери: лоси, медведи, лисицы, всякие зайчики, горностайчики.

Мы приехали сюда еще по морозу и в ожидании весны поставили свой дом на колесах на возвышенное место.

Когда было холодно, мы согревали изнутри свой домик двумя керосинками, и спать было очень тепло. Когда же кончились морозы и разлилась вода, в небольшом домике спать можно было и без керосинки. А когда стали одеваться деревья, мы надули две наши резиновые лодки, над ними раскинули палатку и спали в этих лодках, как на мягких кроватях. Когда же стало совсем тепло, всей гнусной силой своей напали на нас комары. Осенью, когда комары стали пропадать, мы опять выбрались в палатку.

(М. Пришвин)

(Сложноподчиненное предложение.)

Он почувствовал, что больше не может, что никакая сила не сдвинет его с места и что, если теперь он сядет, ему уже больше не подняться. С тоской огляделся он кругом. Рядом, на обочине дороги, стояла курчавая молоденькая сосенка.

Он тут же упал на колени, срубил кинжалом деревце, отрезал ветки, обмотал рогатину носовым платком, бинтами и тотчас же попробовал двинуться в дорогу. И пошел, считая шаги и устанавливая себе новые нормы передвижения.

Вероятно, со стороны было бы странно видеть человека, бредущего таким непонятным способом в глухом лесу,двигающегося по глубоким сугробам со скоростью гусеницы, идущего от зари до зари и проходящего за этот срок не больше пяти километров. Никто, кроме сорок, не наблюдал за ним. Сороки же, за эти дни убедившиеся в безобидности этого странного трехногого существа, при его приближении не улетали, а только неохотно соскакивали с дороги и, повернув голову набок, насмешливо смотрели на него своими любопытными черными глазами-бусинками.

(Б. Полевой)

(Сложноподчиненное предложение, обособленные члены предложения.)

Живая ночь

Стало быстро темнеть, пришли тучи летние, грянул первый гром, и лягушки, какие только были в лужах, заволновались так сильно, что от них заволновалась вода.

После того как пролил теплый дождь, Петя занялся рыбой: он поставил в торфяном пруду сети на карасей и место, где были у него сети, заметил по маленьким березкам. Там на берегу около сетей стояло десять маленьких березок. Веточки их еще были голые, без листочков.

Солнце садилось пухлое, и, когда село, началась живая ночь: пели все соловьи, все лягушки орали... Но так часто на свете бывает, что, когда всем хорошо, бедному человеку приходит в голову бедная мысль и не дает ему радоваться. Пете тоже не спалось, и вот пришло ему в голову, что пришли воры и унесли сети. Вот почему Петя на рассвете бежит к своим сетям и уже издали видит, что там, где он сети поставил, теперь стоят люди — верно, воры.

В ужасной злобе бежит он туда и вдруг останавливается, улыбается, ему стыдно: это не люди — это за ночь березы оделись в зелень и как будто люди стоят.

(М. Пришвин)

(Сложноподчиненное предложение, двоеточие в бессоюзном сложном предложении.)

На другой день погода была пасмурная, по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и воздух казался потемневшим, точно предрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид.

Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке. Утром, расплатившись, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю, и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа, лужи стоячей воды и в особенности царившая кругом тишина — все свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы снова вот-вот разразиться дождем с еще большей силой.

К полудню мы дошли до верховьев реки и сделали привал. В то время, когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы вдруг показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налета, уселся на сухоствольной лиственнице и стал приглядываться.

(По В. Арсеньеву)

(Сложноподчиненное предложение, однородные члены предложения.)

День был ясный, теплый, улицы кое-где уже просохли, а местами на них еще лежал лед, и от него во все стороны ползли ручьи. Каждая куча льда была похожа на огромное, разбитое о камни мостовой гниющее черное чудовище. Яркий блеск весеннего солнца резал Никите глаза, он шурил их и торопливо шел по улицам все прямо и ни о чем не думая. Сердце у него билось испуганно, торопливо, и в нем шевелилось что-то неприятное, точно большой червяк заполз туда. Тошно было ему, и когда он вышел из города в поле, то глубоко и облегченно вздохнул, передвинул картуз с уха на ухо и остановился, не зная, что ему делать.

Далеко перед ним на горизонте стоял синий лес. Никита посмотрел туда и подумал, что там, должно быть, тихо и ни одной души человеческой нет среди голых, безлистных деревьев. Ему захотелось

пойти туда, в тишину, и, свернув в сторону с дороги, он пошел к лесу. В лесу было сыро. Поджав одну ногу, он с минуту постоял, как гусь, и вдруг повернул назад, в город. Никита подумал, что, если зайти в деревню и постоять там, ноги согреются. Через несколько минут он уже стоял в темном углу храма, прислонясь спиной к теплым изразцам печи, и слушал священника.

(По М. Горькому)

(Сложноподчиненное предложение.)

Деревня, куда направлялись люди и которая, по словам паромщика, находилась, во-первых, в четырех верстах, а во-вторых, была незначительна. Ее составляли десяток изб, криво и косо лепившихся по обеим сторонам пустынной улицы. Низменное положение улицы на дне лощины должно было подвергать ее весною совершенному потопу: она превращалась в одну стоячую лужу, в которой почти до исхода мая весело барахтались утки и ребятишки. Теперь не было следа воды или грязи, но зато из конца в конец лежал сплошной слой рыжеватой пыли.

Благодаря ли пыли, заглушавшей шаги, или тому, наконец, что народонаселение, от людей до животных, находилось в поле, люди не были встречены лаем собак. В деревне, которую, как оказалось потом по расспросам, прозывали Пустой Кожух, царствовало мертвое молчание; перелетали разве воробьи, чирикавшие за плетнями или делавшие вид, что купаются в пыли; иногда появлялся общипанный, бесхвостый петух самонадеянного вида; но и тот оставался недолго; сделав два-три величественные шага, он со всех ног бросался вдруг под ворота, как будто приходила ему неожиданно блестящая мысль и он спешил сообщить ее курицам, глухо кудахтавшим в соседнем огороде.

(Д. Григорович)

(Сложноподчиненное предложение, вводные конструкции, обособленные члены предложения.)

ена, я, направляясь к своей кровати, вдруг подумал, что неплохо было бы съесть яблоко. Быстро выскочил я на палубу. Вахтенные стояли на носу и глядели в море, надеясь увидеть остров. Рулевой, наблюдая за наветренным углом парусов, тихонько насвистывал. Все было тихо, только вода шелестела за бортом.

Оказалось, что в бочке всего одно яблоко. Чтобы достать его, мне пришлось влезть в бочку. Сидя там в темноте, убаюканный плеском воды и мерным покачиванием судна, я чуть было не заснул. Вдруг кто-то грузно опустился рядом с бочкой на палубу. Бочка чуть-чуть качнулась: он оперся о нее спиной. Я уже собирался выскочить, как вдруг человек этот заговорил. Я узнал его, и, прежде чем он успел произнести несколько слов, я решил не вылезать из бочки ни за что на свете. Я лежал на дне, дрожа и вслушиваясь, задыхаясь от страха и любопытства. С первых же слов я понял, что жизнь всех честных людей на судне зависит от меня.

(Р. Стивенсон)

(Сложноподчиненное предложение, деепричастные обороты.)

Из растворенного настежь окна видны горы. Утром они розовые, как сочная арбузная мякоть, потом выпцветают, желтеют, становятся совсем желтыми. И весь день они желтые, как дыня. Странно видеть эти желтые горы: они кажутся раздетыми.

Я сижу в узкой, полутемной комнате и жду Сашу. Саша — мой товарищ по университету, он работает в здешней газете. Где он только не работал за последнее время: в Молдавии, на Алтае, на Дальнем Севере и вот наконец здесь, в южной республике. Сюда он приехал с женой. Она биолог или гидрогеолог, а может быть, мелиоратор — словом, изучает пустыню. Она была, помнится, высокая, статная. Сейчас она где-то в экспедиции, и я ее не видел. Сашка здорово изменился. Во-первых, он, что называется, посолиднел, во-вторых, он увлекается какой-то чепухой, — например, собиранием спичечных этикеток, и, в-третьих, в нем открылось качество, совершенно неизвестное прежде: он стал изучать здешний ландшафт. По словам Саши, в этом городе, разрушенном ужаснейшим землетрясением, жестокий удар нанесен местному ландшафту.

(По Ю. Трифонову)

(Водные слова и словосочетания.)

Однажды (это было прошлым летом) во время моего урока Ромке (Ромка — мой верный пес) мы вышли на поляну. На ту же полянку вышел тигровый кот. Ромка был слева от меня, а кот — справа, и так про-

изошла эта ужасная встреча. В одно мгновение кот обернулся, пустился наутек, а за ним ринулся Ромка. Я не успел ни свистнуть, ни крикнуть.

Между тем вокруг на большом пространстве не было ни одного дерева, на которое кот мог бы взобраться и спастись от собаки, — кусты и полянки без конца. Я иду медленно, как черепаха, разбирая следы Ромкиных лап на земле, по краям луж и на песчаном бережочке. Много перешел я полянок, мокрых и сухих, перебрел два болотца, и наконец вдруг все открылось: Ромка стоит на поляне неподвижный, с налитыми кровью глазами; против него — тигровый кот: спина горбатым деревенским пирогом, хвост медленно поднимается и опускается. Нетрудно мне было догадаться, о чем они думали.

Долго раздумывать, однако, мне было некогда. Я решил начать усмирение зверей с разговора по-хорошему. Я воспользовался моментом, когда Ромка покосился, успел поднять руку над своей головой и так сделать, как будто рублю голову и ему и коту. Ромка струсил, и втайне, конечно, радуясь этому, провыл с переливом обыкновенную котовую победную песню.

(По М. Пришвину)

(Вводные слова, словосочетания и предложения.)

Все мы, знаете, не видим и не слышим очень много из того, что нас окружает. А когда человек специализируется на чем-нибудь, он прежде всего начинает замечать то, что относится к его специальности. Так, штурман — водитель кораблей — внимательно смотрит на звезды и, так сказать, «читает» их, потому что привык ориентироваться по ним. Летчик слушает и тонко понимает шум мотора, который нас часто раздражает. А художник в свете и цвете видит такое, что совершенно ускользает от нашего взгляда и даже кажется нам неправдоподобным.

Орнитолог, конечно, видит и слышит везде прежде всего птиц. Я вот, например, могу идти с вами и разговаривать, хоть в лесу, хоть в городе. Вы ничего не заметите, а я замечаю многое. Вот синица пискнула, мелькнули в чаще голубые перья на крыле сойки или крикнул, пролетая над крышами, грач. Я обращал внимание внучки на птиц, на их крик, полет. Но, конечно, она не могла еще знать всех птиц, встречающихся нам.

(В. Бианки)

(Вводные слова.)

Когда утром ветер размел туман, а лес, посеребранный за ночь, седой и веселый, засверкал на солнце мгlistым инеем и, как будто радуясь этому его внезапному преобразению, защелкала, запела, зачирикала птичья братия, почуявшая грядущую весну, сколько ни прислушивался Алексей, не мог он уловить шума боя — ни стрельбы, ни даже гула канонады.

Белыми дымчатыми струйками, колюче посверкивая на солнце, сыпался с деревьев снег. Кое-где на снег с легким стуком падали тяжелые весенние капли.

Ночной буран совершенно замел дорогу. Он преградил ее косыми, островерхими сугробами. Глаза резала однотонная сверкающая голубизна. Ноги вязли в пухлом снегу, еще не улежавшемся.

К полудню, когда тени под деревьями стали черными, а солнце заглянуло через вершины на просеку дороги, Алексей сумел сделать около тысячи пятисот шагов и устал так, что каждое новое движение доставалось ему с трудом. Тянуло лечь, забыться, не шевелиться ни одним мускулом.

(Б. Полевой)

(Сложноподчиненное предложение, обособленные члены предложения.)

С утра шумно и обильно лился дождь, но к полудню тучи иссякли, их темная ткань истончилась, и, разорванную на множество дымных кусков, ветер угнал ее в море, а там она вновь плотно свилась в синевато-сизую массу, положив густую тень на море, успокоенное дождем.

На востоке небо темно, в темноте рыщут молнии, а над островом ослепительно пылает великолепное солнце.

Если смотреть на остров издали, с моря, он должен казаться подобным храму в праздничный день: весь чисто вымыт, щедро убран яркими цветами, всюду сверкают крупные капли дождя.

Тихо, как всегда бывает тотчас же после дождя; чуть слышен тонкий звон ручья, невидимого среди камней, под корнями молочая, ежевики и пахучего, запутанного ломоноса. Внизу мягко звучит море.

Золотые стрелы дрока поднялись в небо и качаются тихонько, отягченные влагой, бесшумно стряхивая ее с причудливых своих цветов.

На сочном фоне зелени горит яркий спор светло-лиловых глициний, рыжевато-желтая парча цветов молочая смешана с темным бархатом ирисов и левкоев — все так ярко и светло, что кажется, будто цветы поют, как скрипки, флейты и страстные виолончели.

Влажный воздух душист и хмелен, как старое, крепкое вино.

(По М. Горькому)

(Основные правила пунктуации.)

Когда Алексей переполз моховое болото с зелеными кочками, вытаявшими из-под снега, судьба приготовила ему еще подарок: на сеновале сыром и мягком мху увидел он тоненькие ниточки стебельков с редкими, острыми, полированными листочками, и между ними, прямо на поверхности кочек, лежали багровые, чуть помятые, но все еще сочные ягоды клюквы. Алексей наклонился к кочке и прямо губами стал снимать с бархатистого, теплого, пахнущего болотной сыростью мха одну ягоду за другой. Он очистил так несколько кочек, не чувствуя ни льдистой сырости внешней воды, хлюпавшей в унтах, ни жгучей боли в ногах, ни усталости — ничего, кроме ощущения сладковатой и терпкой кислоты во рту.

Забравшись на ночь под шатер старой ели, он поел ягод, пожевал коры. Заснул он тревожным сном. Несколько раз казалось, что кто-то в темноте бесшумно подкрадывается к нему. Он открывал глаза, настораживался так, что начинало звенеть в ушах, выхватывал пистолет и сидел, окаменев, вздрагивал от звука упавшей шишки, от шелеста подмерзавшего снега, от тихого журчания маленьких подснежных ручейков.

(Б. Полевой)

(Основные правила пунктуации.)

К вечеру все стихло, и рыже-красная полоса неба повисла над горизонтом. Там село солнце, а чуть левее от него искусственно низко над морем повис нарождающийся месяц, такой же рыже-красный, с задраным кверху низким краем, на котором, казалось, вот-вот появится черт из гоголевской «Ночи перед Рождеством».

Тучи и облака изменили направление и ползли обратно — в горы, сначала по пляжу — от воды вверх, потом — по улице, по крышам домов и прибрежной зелени. Потом еще выше, цепляясь за верхушки деревьев, взбираясь по полянам и тропкам, скалам и ущельям. Вершины гор задерживали тучи, но они упрямо вздымались вверх и ползли дальше, в глубь хребта, уходя в море. А море освобождалось от тумана и туч. Море светлело, несмотря на вечерний час.

По морю прошла бледная, увеличивающаяся к горизонту дорога. Где-то совсем рядом с морем, не очень стройные женские и мужские голоса пели песню. А море в эту пору завораживало. И особой красотой своей, и ласковым прибоем, и особой послегрозовою свежестью, когда запахи моря как бы смешались с запахами пресной дождевой воды, и смывшей пыль прибрежной зелени, и насытившихся влагой цветов, и горной хвои. Бурлили горные реки и речонки, неся воду и запахи гор в море. Ведь и реки, и ручьи, и дожди, как бы ни были они малы, поят море.

(По С. Баруздину)

(Основные правила пунктуации.)

Бывало, проснешься ранним летним утром — увидишь тонкую щелочку в ставнях. Она водянисто-белая — валишься назад на подушки: не стоит и растворять ставни, за которыми заранее видишь всю досадную картину: и свинцовое небо, и рябую лужу, и потемневший гравий, и коричневую кашицу опавших соцветий под кустами сирени, и преждевременно блеклый древесный листок, плоско прилипший к мокрой садовой скамейке. А щурились ставни от ослепительно-росистого сверканья — одним махом комната раскалывалась на свет и тень. Пропитанная солнцем березовая листва поражала взгляд прозрачностью, которая бывает у светло-зеленого винограда; еловая же хвоя бархатно выделялась на синеве, и эта синева была такой насыщенности, какою мне довелось насладиться только много лет спустя в горной зоне.

С детства утренний блеск в окне говорил мне одно: есть солнце — будут и бабочки. Началось все это, когда мне шел седьмой год. На

персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона — до сих пор обаяние этих гласных звуков наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное, бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах, с попугайчьим глазком над каждой из парных черно-палевых шпор, свешивалось с наклоненной малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, все время судорожно хлопало своими громадными крыльями.

(По В. Набокову)

(Основные правила пунктуации.)

Была лунная ночь, одна из тех, которые бывают только на юге; такая ночь, когда серебристый диск луны плавно скользит по сапфировому небу, а горы в прозрачном воздухе вырисовываются так ясно, что кажется, можно коснуться их рукой; когда ветерок затихает и большие листья деревьев замирают в неподвижности, словно прислушиваясь к удивительному хору ночных голосов.

Это была такая ночь.

Всадник, доехав до рощи, соскочил с лошади и привязал ее к дереву. Затем он снял с седла длинную веревку, сплетенную из конского волоса, свернул ее кольцом и, надев на руку, бесшумно прошел через рощу к реке.

Прежде чем выйти из-под прикрытия деревьев, он посмотрел на луну, ярко светившую в вышине. Потом он поглядел на открытое место, отделявшее его от воды. Не задерживаясь здесь, он спустился по извилистой, но, очевидно, хорошо знакомой тропинке. Некоторое время человек внимательно всматривался в заросли на противоположном берегу, по-видимому проверяя, не прячется ли там кто-нибудь. Убедившись, что в зарослях никого нет, он взял веревку и, сделав несколько круговых движений, перекинул ее через реку. Петля захлестнула колышек на носу челна, и человек перетаскил его к себе; он прыгнул в него, взял весла, которые лежали на дне, и, вставив их в уключины, переправился на другой берег, подведя челн к месту, где он стоял раньше.

(Т. Майн Рид)

(Основные правила пунктуации.)

Над горами появились облака — сначала легкие и воздушные, затем серые, с рваными краями. И море сразу же изменило краски — стало темнеть.

Цепляясь за лесистые вершины гор, облака опускались все ниже и ниже, захватывали ущелья и лощины, превращались в тяжелые, непроглядные тучи. Только горы, казалось, сдерживали их сейчас, но и горы ничего не могли сделать: сизая пелена ползла от гор к морю.

Тучи шли от гор, опускались все ниже и ниже, к морю. Они, как бы нехотя, заволакивали воду дымкой — от берега и дальше. Они ползли уже не только по склонам, где приютились домики верхних улиц, а и затянули туманом улицу нижнюю, главную. Водители включили фары и все чаще давали сигналы. И поезда шли сейчас, нервозно гудя, с зажженными фонарями.

Море темнело от берега. Тихое, вроде бы затаившееся, с гладкой поверхностью и чуть слышным прибоем, оно пошло то белыми, то черными пятнами, то непонятными разводами, как будто в него выбросили с воздуха другую воду.

Ожидание длилось час. В горах ударил гром, и хлынули потоки дождя, а море бесновалась. Оно заливало берег, билось о бетонную набережную, о лестницы и глыбы скал, оно гремело и вздрагивало, охало и восторгалось, плакало и ревело.

Небо над морем стало не серым и не черным, а каким-то неестественно бурым. Молнии резали небо то слева, то справа, то впереди, то сзади, то где-то над самым берегом. Море поглощало их, проглатывало вместе с бурым небом и ударами грома.

(По С. Баруздину)

(Основные правила пунктуации.)

Среди болота вилась дорога, на которой остались еще свежие следы недавнего урагана, которые не успели еще смыться водой, высохнуть или зарастить травой.

По этой дороге можно было угадать, что делалось здесь вчера, а может быть, еще и сегодня. Пронеслась по ней страшная буря: она была вытоптана и убита, как будто по ней прошло множество народа и целые стада животных; взрыли ее колеса, изрезали острия пик; по-

всюду валялись деревья, части сломанных повозок, клочки одежды, обрывки бечевки. Видно было, что здесь стоял огромный военный лагерь или прошла какая-то громадная толпа людей. На изъезженной дороге птицы питались остатками пищи: клевали рассыпавшееся зерно, пили из каких-то луж.

Вдали, на холме, виднелись обгоревшие стены, а ниже, в долине, одиноко торчали черные балки, и разрушенные постройки указывали на остатки человеческого поселения, в котором сейчас не было ни одной души.

Над всей этой пустынной местностью господствовало глухое молчание, и только ветер, пролетая, приносил откуда-то отголоски жалобного собачьего воя. Стая ворон и воронов носилась в воздухе, то припадая к земле, то с шумом и громким карканьем устремляясь вверх и кружась над опустошенной долиной.

(Ю. Крашевский)

(Основные правила пунктуации.)

Жаркий час

В полях тает, а в лесу еще снег лежит плотный, нетронутый, и деревья стоят в снежном плену. Тонкие стволы пригнулись к земле, примерзли и ждут с часу на час освобождения. Наконец приходит этот жаркий час, самый счастливый для неподвижных деревьев и страшный для зверей и птиц.

Пришел жаркий час, снег незаметно подтаивает, и вот в полной лесной тишине как будто сама собой шевельнется еловая веточка и закачается. А как раз под этой елкой, прикрытой ее широкими ветками, спит заяц. В страхе он встает и прислушивается: веточка не может же сама собой шевельнуться...

Зайцу страшно, а тут на глазах его другая, третья ветка шевельнулась и, освобожденная от снега, подпрыгнула. Заяц метнулся, побежал, опять сел столбиком и слушает: откуда беда, куда ему бежать?

И только стал на задние лапки, только оглянулся, как прыгнет вверх перед самым его носом, как выпрямится, как закачается целая береза, как махнет рядом ветка елки!

И пошло, и пошло; везде прыгают ветки, вырываясь из снежного плена, весь лес кругом шевелится, весь лес пошел.

И мечется обезумевший заяц, и встает всякий зверь, и птица улетает прочь из леса.

(М. Пришвин)

(Основные правила пунктуации.)

Зима легла неожиданно и крепко. Ночью пошел снегопад, а на рассвете по всем землям заметалась волчья вьюга. Сухими снегами она наглухо замела здешнее полесье и холмистые поля с небольшими древними деревеньками; она уничтожила все дороги и тропы, как будто хотела, чтобы люди проложили себе какие-то новые пути в заснеженном мире. И в лесах, и в полях — всюду установилось, точно навек, печальное, стесняющее грудь зимнее безмолвие. Казалось, неурочная зима похоронила под снегами всякую жизнь на земле.

Вот среди поля, где особенно вольготно зиме, стоит одинокий заиндевевший куст шиповника. Разгребши под его поникшими ветвями свежий снег — перед тобой чудо: здесь, как в нише, не только живут, но и цветут разные травы. Зелено блестит, весь в бисерных снежных крупинках, волосистый стебель пастушьей сумки, обвешанный вокруг мелкой и нежной белой цветенью. Рядом — невысокий, но крепкий лядвенец; живые золотистые цветы сбились на нем стайкой. В глубине ниши сверкают хрустальные розетки бесстрашного, цветущего всю зиму морозника...

Эти травы, внезапно захваченные зимой, терпеливо дождутся, когда всепобеждающая весна освободит их, даст им солнце и тепло. И тогда они сделают то, что им положено законом жизни: вынесут семена и разбросают их по земле.

(По М. Бубеннову)

(Основные правила пунктуации.)

Алиса сидела со старшей сестрой на берегу и маялась: делать ей было совершенно нечего, а сидеть без дела, сами знаете, дело нелегкое. Раз-другой она, правда, сунула нос в книгу, которую сестра читала, но там не оказалось ни картинок, ни стихов.

С горя она начала подумывать (правда, сейчас это тоже было дело не из легких — от жары ее совсем разморило), что, конечно, не-

плохо бы сплести венок из маргариток, но плохо то, что тогда нужно подниматься и идти собирать эти маргаритки. Вдруг совсем рядом появился Кролик. Тут, разумеется, еще не было ничего такого необыкновенного. Кстати, потом, вспоминая обо всем этом, она решила все-таки немножко удивиться. Когда кролик достал из кармана настоящие часы и, едва взглянув на них, опрометью кинулся бежать, тут Алиса так и подскочила. Сгорая от любопытства, она со всех ног помчалась вдогонку за Кроликом и, честное слово, чуть-чуть его не догнала.

(Л. Кэрролл)

(Основные правила пунктуации.)

Передо мной серело пустынное поле. Один сторожевой курган стоял вдалеке и, казалось, зорко глядел на равнины. С утра в степи было по-весеннему холодно и ветрено; ветер просушивал колеи грязной дороги и шуршал прошлогодним бурьяном. Но за мной, на западе, картинно рисовалась на горизонте гряда меловых гор. Темнея пятнами лесов, как старинное, тусклое серебро чернью, она тонула в утреннем тумане. Ветер дул мне навстречу, охлаждал лицо, руки, степь увлекала, завладевала душой, наполняла ее чувством радости, свежести.

За курганом блеснула круглая ложбина, налитая весенней водой. Есть что-то чистое и веселое в этих полевых апрельских болотцах. Над ними выются звонкоголосые чибисы, серенькие трясогузки щеголевато и легко перебегают по их бережкам и оставляют на иле свои тонкие, звездообразные следы, а в мелкой, прозрачной воде их отражается ясная лазурь и белые облака весеннего неба. Курган был дикий, еще ни разу не тронутый плугом. Он расплывался на два холма и, словно поблекшей скатертью из мутно-зеленого бархата, был покрыт прошлогодней травой. Седой ковыль тихо покачивался на его склонах.

Время его навсегда проходит; в вековом забытии он только смутно вспоминает далекое былое и прежних людей, души которых были роднее и ближе ему, лучше нас умели понимать его шепот.

(По И. Бунину)

(Основные правила пунктуации.)

В начале января вдруг ударили морозы. Целую неделю стояло над Москвой безоблачное, сине-ледяное небо, чуть опаленное морозной дымкой.

Улицы были опрятны и сухи, и казалось, если приставить ладонь к глазам и смотреть только на крыши домов и небо, что не зима в городе, а лето: и небо голубое, ни одного облачка, и так горячо, весело горят на солнце карминные крыши.

Но опустились глаза — сразу дохнет зима, да такой глубокой, матерой зимищей, когда и не верится, что бывают на земле жаркие дни, растет трава и люди купаются в реке. По тротуарам бегут пешеходы, закутанные до носа, обуянные одним стремлением: поскорей добежать до дому, нырнуть в метро. Троллейбусы и трамваи ходят совсем слепые, с белыми мохнатыми окнами. Из широких дверей метро облаком пара вырывается теплый воздух. Вечером, когда это облако освещено вестибюльными огнями, кажется, как будто подземная станция горит, густыми клубами выбрасывая дым.

Двадцать восемь ниже нуля.

Но по-прежнему, хоть и на морозе, кипит, ни на минуту не утихая жизнь могучего города. На тротуарах немолкнувший прибой толпы. Милиционеры с малиновыми лицами так же величественно и бесстрашно стоят на посту, так же неукоснительно свистят.

(Ю. Трифонов)

(Основные правила пунктуации.)

Такого нестерпимого жаркого лета не могли припомнить даже самые старые люди. С половины июня до конца июля ни разу не освежило дождем воздуха; раскаленная земля трескалась, превращалась в камень или пыль, которая лежала тяжелым рыжеватым пластом на дорогах. Каждое утро солнце восходило багровым шаром и, подымаясь выше в сверкающем, безоблачном небе, совершало свой круг, никому не давая отдохнуть от зноя. Все живущее словно умаялось и повесило голову. Цветы, не защищенные лесом или тенью рощ, пересохли; горох пожелтел преждевременно; проходя полем, слышно было, как лопались его стручья, рассыпая, словно дробь, свои зерна. Трава, скошенная утром, начинала к полудню пучиться, подымалась

ворохом и звонко хрустела, когда брали ее в руки. Стада упорно жались к ручьям и речонкам; во всякое время дня коровы и лошади неподвижно стояли в воде; можно было бы принять их за окаменелых, если бы не двигали они хвостами, стараясь отогнать мух и оводов, которые роями носились и жужжали в воздухе.

Во всей природе, которая как будто изнемогала и тяжело переводила дыхание, одни насекомые бодрствовали; чем горячее жарило солнце, тем больше их появлялось и тем громче раздавались жужжание и шорох. Там, где полуиссохшие ручьи впадали в речки, роями стояли коромысла, блистая на солнце своими кисейными глянцевиными крылышками и зелеными, словно стеклянными головками; запыленные шмели и бесчисленные миллионы всяких мух и мошек облепали каждого, кто только останавливался.

(Д. Григорович)

(Основные правила пунктуации.)

С начала этого лета я, Мишка и Костик очень пристрастились к водной станции. Мы раньше не умели плавать, а потом постепенно научились.

Ох, хорошо лежать ясным утречком на водной станции на сыроватых деревянных дорожках, вдыхать свежий запах реки и слышать, как на высоких мачтах трещат под ветром разноцветные шелковые флажки. Вода хлупает и полощется где-то под тобой в дощатых щелях. Хорошо так лежать, и молчать, и загорать, раскинув руки, и смотреть из-под локтя, как недалеко от станции, чуть-чуть повыше по течению, рабочие-каменщики чинят набережную и бьют по камню молотками, и звук долетает до тебя немножко позже удара, такой тонкий и нежный, как будто кто-то играет молоточками на серебряном ксилофоне. И особенно хорошо, когда накалишься как следует, бухнуться в воду, и наплаваться вдосталь, наныряться досыта, до отвала. А потом пойти к ребятам, втянув живот до позвоночника, и выпатив грудь, и распирая бедра, и напружинив руки, а ноги ставя непременно носками внутрь, потому что здесь иначе не ходят.

(По В. Драгунскому)

(Основные правила пунктуации.)

День между тем клонился к вечеру; солнце село; золотые хребты туч, бледнея на дальнем горизонте, давали знать, что скоро наступят сумерки. Подошва горы, плоские песчаные берега, монастырь и отдели окутались тенью; одна только река, отражавшая круглые облака, обгагранные последними вспышками заката, вырезывалась в тени алой сверкающей полосой. Осенний ветер повеял холодом и зашипел в колесах дороги. Время от времени он изменял свое направление, и тогда слышались с реки отрывистые крики народа, толкавшегося на берегу и ожидавшего паромы, который чуть видимою точкой чернелся на бледневшей поверхности воды, влача за собою огненную, искристую полосу света. Шум ярмарки умолкал; толпа в городе постоянно редела; запирались лавки; купцы и покупатели расходились во все стороны, и все тише да тише становилось на улицах, на площади, между рядами подвод, укутанных и увязанных на ночь в рогожи. Вниз по горе тишина делалась еще заметнее; тут исчезали все признаки ярмарки; кое-где разве попадался воз непроданного сена и его хозяин, недовольное лицо которого оживлялось всякий раз, как кто-нибудь проходил мимо, или встречалась ватага подгулявших мужиков и баб, которые, обнявшись крепко-накрепко, брели, покачиваясь из стороны в сторону и горланя несвязную песню.

(Д. Григорович)

(Основные правила пунктуации.)

Время между тем шло своим чередом, совершая в природе обычные, неуловимо неизменные перевероты. Давно ли, кажется, поля, луга и рощи дышали таким оживлением? Все это миновало! Первыми вестниками наступающих холодов были ласточки: они отлетали с первыми морозными утренниками. За ними в похолодевшем воздухе пронеслись длинные белые нити тенетника; потом в светлом, хотя уже бледно-зеленоватом небе, пролетели журавли, возбуждая отдаленным криком своим громкие возгласы деревенских мальчишек.

Давно ли, наконец, Антонова роща, одетая с макушки до корня зеленью клена, березы, орешника и разного рода кустарников, наполнялась веселым треском, свистом и пением каждый раз, как проникал в нее первый солнечный луч? Давно ли, кажется, было все это! Из-

редка кое-где тоскливо чиликнет краснобрюхий снегирь или вдруг в стороне зашуршуют листья и через дорогу пугливо пробежит заяц.

Все остальное, куда ни обращаются глаза, носит ту же печать опустения. Окрестность словно состарилась: колеи, которыми изрыты дороги, кажутся глубокими морщинами; речка, так долго отражавшая в последнее время свинцовые, серые тучи, усвоила навсегда как будто цвет их, отвечающий, впрочем, общему тону печали, которым окутались не только окрестности, но и небо.

Куда девался также веселый вид деревни, когда, бывало, приходящем солнце ослепительно сверкают соломенные крыши избышек; когда старые ветлы, бросая через реку на луг длинные густые тени, постепенно зарумяниваются, покрываясь багрянцем заката; когда весь деревенский люд, высыпая в эту пору на улицу и — то уходя в сизую тень, бросаемую избышками, то выступая на свет — начинает петь песни и водить хороводы, играя на солнце ярко-алыми и синими платками и рубашонками. Куда все это делось! Антоновки узнать невозможно. Она как будто состарилась. Стены избышек, вымоченные непрерывными дождями, так же почти черны, как улица, которая превратилась в грязь, замесилась и стала непроходимой; старые ветлы обнажили свои головастые пни, и ветви на них торчат кверху, как волосы на голове взъерошенного человека. Солома на крышах сделалась совсем серой и едва-едва отделяется на сером небе.

Небо пока не шлет еще дождя, но в отдалении начинают клубиться тяжелые, мрачно-сизые тучи.

(Д. Григорович)

(Основные правила пунктуации.)

КОМПЛЕКСНЫЕ ДИКТАНТЫ

Деревья в плену

Весна сияла на небе, но лес еще по-зимнему был засыпан снегом. Были ли вы зимой в молодом лесу? Конечно, не были: туда и войти невозможно. Там, где летом вы шли по широкой дорожке, теперь через эту дорожку в ту и другую сторону лежат согнутые деревья, так что зайцу только под ними можно пробежать.

Вот что случилось с деревьями: береза вершиной своей, как ладоною, забирала падающий снег, и такой от этого вырос ком, что вершина стала гнуться. В оттепель падал опять снег и прилипал к тому кому. Вершина с тем преогромным комом вся гнулась и наконец погрузилась в снег и примерзла так до самой весны. Под этой аркой всю зиму проходили звери и люди изредка на лыжах.

Но я знаю одно простое волшебное средство, чтобы идти по такой дорожке, самому не сгибая спины. Я выламываю себе хорошую увесистую палочку, и стоит мне только этой палочкой хорошенько стукнуть по склоненному дереву, как снег валится вниз, дерево прыгает вверх и уступает мне дорогу. Медленно так я иду и волшебным ударом освобождаю множество деревьев.

(М. Пришвин)

Только что поднялось усталое сентябрьское солнце; его белые лучи то гаснут в облаках, то серебряным веером падают в овраг. На дне оврага еще сумрачно, оттуда поднимается белесый туман; крутой глинистый бок оврага темен и гол, а другая сторона, более пологая, прикрыта жухлой травой, густым кустарником в желтых, рыжих и красных листьях; свежий ветер срывает их и мечет по оврагу.

На дне, в репях, кричат щеглята, я вижу в серых отрешках бурьяна алые чепчики на бойких головках птиц.

На куст боярышника опустилась стая чижей, куст облит солнцем, чижи рады солнцу и щебечут еще веселей; по ухваткам они похожи на мальчишек-школьников.

На ольхе сидит снегирь, отбившийся от стаи, красный, важный, как генерал, и сердито поскрипывает, качая черным носом.

Чем выше солнце, тем больше птиц и веселее их щебет. Весь овраг наполняется музыкой, ее основной тон — непрерывный шелест кустарника под ветром; задорные голоса птиц не могут заглушить этот тихий, сладко-грустный шум. Я слышу в нем прощальную песню лета, он нашептывает мне какие-то особенные слова, и они сами собою складываются в песню. А в то же время память восстанавливает картины прожитого.

(По М. Горькому)

Дай руку, дорогой читатель, и войдем со мною в лес. Смотри: сначала — сквозистые места, среди которых попадаются отбросы: иногда рваный матрац со сломанными ржавыми пружинами. Вот частый ельник, а вот бугры, выстланные бурными иглами. Дальше — песчаная проплешина, окруженная акациями. Со всех этих мест видна еще проезжая аллея.

При дальнейшем продвижении вперед — не налево, куда лес простирается без конца, и не направо, где он прерывается молоденьким березнячком, свежо и по-детски папахивающим Россией, — лес становился реже, обрывался по песчаным косогорам, и внизу зажигалось столбами широкое озеро. Солнце разнообразно озаряло противоположные скаты, и, когда от наплыва облака воздух смежался, как великое веко, и медленно прозревал опять, один берег всегда отставал от другого. Песчаной каймы на той стороне почти не было, деревья все вместе спускались к густым тростникам, а повыше можно было найти горячие склоны, поросшие кашкой.

Когда я по утрам приходил в этот лесной мир, образ которого я собственными средствами как бы приподнял над уровнем тех нехитрых воскресных впечатлений (бумажная дрянь, толпа пикнирующих), когда в эти жаркие будни я направлялся в его южную сторону, в глушь, я испытывал не меньшее наслаждение, чем если бы в этих местах находился первобытный рай.

(По В. Набокову)

Полдень. Солнце жжет невыносимо. На небе, раскаленном и сверкающем так, что смотреть больно, ни облачка. Отблеск отвесных солнечных лучей на глинистой пашне невольно заставляет щуриться и отворачиваться; но всюду, куда ни устремляются утомленные глаза, стелется сыпучая раскаленная почва. Воздух недвижим. Хотя пора теперь самая рабочая и весь народ, от мала до велика, в поле, однако ж окрестность погружена в мертвое, тяжелое молчание; сколько ни прислушивайся — живого звука почти не услышишь. Все живущее как словно плашмя припало куда-то, забилося, завалилось и боится поднять голову, чтоб не спалить волос и не обжечь носа. Слышно только время от времени, как в

ближайших межах и по окраине дороги лопаются назревшие стручья и постреливают своими сухими, как дробь, зернами. В настоящее время житье лишь оводам да мухам: зной так силен, что даже лошадиные хвосты движутся вяло; овод безнаказанно может припадать к шкуре своей зеленой стеклянистой головкой и вонзять свое жало в ребро, спину и ноздри животного; бедная клячонка стоит неподвижно: растопырив ноги, свесив костлявую голову к пыльной, поблекшей траве, она ко всему бесчувственна и ни о чем не думает; равнодушие ее не нарушается даже присутствием двух-трех грачей, которые, как словно почуяв скорую добычу, бог весть откуда вдруг явились, плавно расхаживают и так лоснятся на солнце, что кажутся вспотевшими до последнего перышка. Но если так злы мухи и оводы, то, наоборот, самые свирепые собаки (кроме бешеных, разумеется) смирны теперь: забившись куда-нибудь под навес, да там еще под телегу, они безотрадно вращают вокруг глазами и переносят из стороны в сторону длинный язык, с которого каплет слюна.

(По Д. Григоровичу)

Весь день в воздухе стояла мгла: небо было затянуто паутиной слоисто-перистых облаков; вокруг солнца появились «венцы»; они суживались все более и более и наконец слились в одно матовое пятно. На одной из елей сидела ворона головой к северо-востоку. Это было самое выгодное для нее положение, при котором ветер скользил по перу. Наоборот, если бы она села боком к ветру, то холодный воздух проникал бы под перо, и она стала бы зябнуть.

К вечеру небо покрылось тучами, излучение тепла от земли уменьшилось, и температура воздуха повысилась. Это был тоже неблагоприятный признак.

Но опасения наши оказались напрасными: ночь прошла благополучно. Утром, когда я проснулся, то прежде всего взглянул на небо. Тучи на нем лежали параллельными полосами в направлении с севера к югу.

Мы проворно собрали свои котомки и пошли вверх по реке. Я рассчитывал в этот день добраться до Сихотэ-Алиня, но вследствие непогоды этого нам сделать не удалось.

Около полудня в воздухе вновь появилась густая мгла. Горы делались темно-синими и угрюмыми. Часа в четыре хлынул дождь, а вслед за ним пошел снег, мокрый и густой. Тропинка сразу забелела; теперь ее можно было далеко проследить среди зарослей и бурелома. Ветер сделался резким и порывистым.

(По В. Арсеньеву)

Один

Мальчик шмыгнул в ворота, стал пробираться через двор. Проходя здесь час назад, Петя не испытывал особенного беспокойства. Тогда он чувствовал себя под надежной защитой друга, ловкого и опытного. Избавленный от необходимости думать самому, он был лишь послушным спутником, лишенным собственной воли.

Теперь мальчик был совершенно один. Он мог рассчитывать только на себя и ни на кого больше. И тотчас же в отсутствие Гаврика мир стал вокруг Пети грозным, полным скрытых опасностей.

Опасность пряталась в каменных арках внутренней галереи, среди зловещих ящиков и поломанной мебели. Она неподвижно стояла посреди двора за шелковицей, ободранной зубами лошадей.

Все вещи вокруг мальчика приобретали преувеличенные размеры.

Петя спустился в подвал. Ужас охватывал мальчика всякий раз, когда его ресницы задевала паутина, казавшаяся крылом летучей мыши.

Вверху что-то оглушительно щелкнуло, и вниз полетело колесо сбитой водосточной трубы, увлекая за собой куски кирпича. Петя в нерешительности оглянулся. Но он был совершенно один, и не с кем было посоветоваться.

(В. Катаев)

Вечером погода ухудшилась. Люди забились в палатки и согревались горячим чаем. Часов в одиннадцать вечера вдруг густо повалил снег и вслед за тем что-то сверкнуло на небе. Послышался резкий удар грома.

Эта гроза со снегом продолжалась до двух часов ночи. Молнии сверкали часто и имели красный оттенок. Раскаты грома были могучие и широкие; чувствовалось, как от них содрогались земля и воздух.

Явление грозы со снегом было так ново и необычно, что все с любопытством посматривали на небо, но небо было темное, и только при вспышке молнии можно было рассмотреть тяжелые тучи, двигавшиеся в юго-западном направлении.

Один удар грома был особенно оглушителен. Молния ударила как раз в той стороне, где находилась скалистая сопка. К удару грома примешивался еще какой-то сильный шум: произошел обвал. Между тем гроза стала удаляться, но молнии еще долго вспыхивали на небе, отражаясь широким пламенем на горизонте, и тогда особенно отчетливо можно было рассмотреть контуры отдаленных гор и тяжелые дождевые тучи, сыпавшие дождем попеременно со снегом.

Издали долго еще доносились ни на минуту не прекращающиеся раскаты грома.

(По В. Арсеньеву)

Горячий юго-западный ветер, весь день иссушающе дувший на летнее пространство полей, к вечеру заметно утих; клонившееся к закату солнце в подернутом реденькой дымкой небе утратило свою пылающую прыть и не пекло, как прежде. В кущей тени жиденького куста шиповника на месте ржаной, истоптанной скотом и человеческими ногами нивы стало прохладнее и, в общем, терпимо, если бы не донимавшая Агеева жажда. В который раз старший лейтенант поднес к губам обшитую войлоком флягу, встряхнул — единственная капля из нее упала на его небритый подбородок и щекочуще скатилась за расстегнутый воротничок гимнастерки. Ни во фляге и нигде поблизости воды не было. Наверное, с полдня он лежал здесь на разостланной телогрейке и томился в тягостном ожидании, которому, казалось, не будет конца. Сначала усилием воли он подавлял нетерпение, стараясь думать о чем-нибудь постороннем, но постепенно его все больше разбирала злость на Молоковича.

Время от времени Агеев нетерпеливо поднимался и, стоя на одной ноге, опершись на винтовку, выглядывал из-за спутанных, склоненных к земле стеблей переспелой ржи. За рожью и широко раскинувшимся полем картофеля виднелись окраинные домики, изгороди, местами скрытые начавшей жухнуть от засухи, но все еще густой летней зеленью садов и огородов. Агеев раздосадованно опустил на телогрейку, поудобнее устраивая раненую ногу.

(В. Быков)

Тихо занималось морозное лесное утро. На кромке старой гари, заваленной колодинами и густо заросшей подлеском, появилось лосиное стадо. Выйдя первым на гать, старый лось-вожак остановился и высоко поднял могучие рога. Несколько минут лось стоял с оцепеневшими мускулами, как изваяние, чуть поводя ушами, напряженно прислушиваясь к чуткой зимней тишине. Все стадо тоже высоко и осторожно держало горбоносые морды. Над дальней кромкой гари взмыл тяжелый краснобровый глухарь. По ворсистым заиндевелым спинам лосей прокатилась дрожь. Но лоси тут же успокоились: вокруг стояла такая крепкая тишина, что ни одно дерево не решалось шевельнуть веткой, чтобы сбросить лишней иней. Старый лось смело шагнул вперед и одним поворотом сухой, губастой головы забрал в пасть вершину молодой осинки. За ним двинулось на гать все стадо, жадно хрустя промерзлыми ветками сочного подлеска.

Около часа стадо медленно бродило по раздолью гари. Затем старый лось остановился на маленькой полянке, оглянулся вокруг, шумно потянул ноздрями морозный воздух и, помедлив еще немного, тяжело опустился в снег. Поодаль, среди мелкого березняка, опустились остальные лоси.

Утро разгоралось над всем лесом. Отдохнув, старый лось встал и пошел на кромку гари, за которой черной зубчатой стеной поднимался нетронутый еловый лес.

(По М. Бубеннову)

Печальная картина расстилалась перед нами.

Дошатый забор, ограждавший почти весь двор, местами покривился набок, местами совсем повалился и выказывал то поблекший кустарник, то потемневшие купы полыни с отощавшими стеблями и верхушками; с одной стороны тянулся непрерывный ряд сизых, однообразных амбаров и конюшен с высокими кровлями, осененными круглыми окнами, из которых торчало хлопьями серое дикое сено. Далее возносились над забором скирды убранного хлеба, покрытые бедною соломою; между ровными их рядами виднелась речонка какого-то синего, мутного цвета, за нею стлалось неоглядное, словно пустырь, поле; на нем ни сохи, ни птицы — чернела

только гладко взбороненная почва. Остальную часть двора занимали барский сад и палисадник с выглядывавшими из-за них бельведерами и крышами флигелей. Листья с деревьев осыпались и темными гудами лежали в аллеях и близ огады. Кое-где мелькала березка с сохранившеюся на ней зеленью, казавшеюся издалека как бы забрызганной золотисто-рыжеватою охрой. Сучья, стволы растений, кровли и все окрестные предметы как-то резко, бойко вырезывались на бледном, почти белом небе, что придавало картине вид холодный и суровый. Воздух был неподвижен, сух и прохватывал все тело нестерпимым ознобом.

(Д. Григорович)

По лицу его нельзя было угадать, о чем он думал. В одном его глазу, широко открытом и мертво обтянутом веками, застыло изображение островка и блекло-голубого пятнышка неба. Другой глаз — поменьше и помутней — оживлялся вздрагиванием рыжеватых реденьких ресниц. Желтые бритые щеки свисали на подбородок, и нижняя часть лица была похожа на мешочек, набитый не слишком туго мякиной.

Однако зыбкие черты одутловатого лица странно сочетались с уверенной осанкой человека. В ней было что-то отчетливое и упрямое. Может быть, перед его необыкновенными глазами простирались прерии, может быть, он видел себя окруженным песками Африки.

Но, странно, в осанке человека сквозили не только вызов и решимость.

Солнце взошло недавно. Поднявшись над ольшаником, первый луч упал на крышу мельницы и пополз книзу. Вдоль берегов, куда еще не проникало солнце, пруд лежал исчерна-зеленый, и камыши на нем щетинились неподвижно. Посредине он был гладко-розов, и только круглый островок хоронил в своих ветвях холодную черную тень.

Возле бетонного парапета одиноко высился человек. Он стоял, сложив на груди руки и приподняв голову в огромной, как у ковбоя, шляпе. Вероятно, он казался себе очень высоким: поблизости ничего не было, кроме перил. Человек был недвижим, как все вокруг в этот ранний безветренный час. Не отрываясь, он смотрел прямо перед собой, на поверхность пруда, на островок, на камыши.

В нем чудилось также нечто возвышенное, почти молитвенное. Человек растворился в природе, сливаясь с беззвучием утра, гладью и неподвижностью воды.

Луч солнца, осветивший мельницу, дополз наконец до человека на камне и озарил его лицо. Стало видно, что человек умилен, и что он молится, и что в душе он поет.

(По К. Федину)

Когда человек слишком мечтает, его ждут жестокие разочарования. Так со мной и случилось.

Погрузившись в розовое облако воспоминаний о чудесных сказках, я, сам уж не знаю как, забрел на незнакомую улицу. Вдруг я остановился, пораженный звуками, каких до этого никогда еще не слышал.

Я огляделся по сторонам: улица была вымощена и чисто подметена. Мне стало совершенно ясно, что ничего интересного здесь не найдешь.

По обеим сторонам этой чистенькой улицы выстроились красивые деревянные домики, прятавшиеся в зелени садов, как птичьи гнезда.

Вечерело. В глубине улицы, за деревьями большого парка, садилось солнце. Сквозь ветви сияло яркое багровое небо. Горячие длинные лучи заката пылали в стеклах окон, даже камни мостовой стали ярко-красными.

Со всех сторон лились потоки света, и, казалось, вся улица была охвачена игрой волшебного пламени; в розовом ароматном воздухе дремали ветви, окутанные золотой прозрачной пылью; все напоминало сказочные города героев, волшебниц и других чудесных существ.

В мягкой задумчивой тишине плыли звуки, ласковые, светлые, как вечер. Такой музыки я никогда еще не слышал.

Из-за изгороди акации и сирени выглядывал домик с зелеными ставнями, и из его открытых окон неслись звуки, похожие на солнечные лучи, целующие гладь спокойного озера.

Я сразу же догадался, что вступил в пределы волшебного царства, и, понятно, решил отправиться на разведку таинственной страны, чтобы своими руками потрогать ее бесчисленные чудеса и насладиться ими.

(По М. Горькому)

В доме Одинцовой

Усадьба, в которой жила Анна Сергеевна, стояла на пологом открытом холме, в недалеком расстоянии от желтой каменной церкви с зеленой крышей, белыми колоннами. За церковью тянулось в два ряда длинное село с кое-где мелькающими трубами над соломенными крышами. Господский дом был построен в одном стиле с церковью, в том стиле, который известен у нас под именем александровского; дом этот был также выкрашен желтой краской, и крышу имел зеленую, и белые колонны, и фронтоны с гербом. Губернский архитектор воздвигнул оба здания с одобрения Одинцова, не терпевшего никаких пустых и самопроизвольных, как он выражался, нововведений. К дому с обеих сторон прилегали темные деревья старинного сада, аллея стриженных елок вела к подъезду.

Приятели встретили в передней два рослых лакея в ливреях, один из них тотчас же побежал за дворецким. Дворецкий, толстый человек в черном фраке, немедленно явился и направил гостей по устланной коврами лестнице в особую комнату, где уже стояли две кровати со всеми принадлежностями туалета. В доме, видимо, царствовал порядок: все было чисто, всюду пахло каким-то приличным запахом, как будто в министерских приемных.

Полчаса спустя Базаров с Аркадием сошли в гостиную. Это была просторная, высокая комната, убранная довольно роскошно, но без особенного вкуса. Тяжелая дорогая мебель стояла в обычном чопорном порядке вдоль стен, обитых темно-коричневыми обоями с золочеными разводами.

(По И. Тургеневу)

Было солнечное утро. Полтора человека, оставшихся от полка, шли густым лесом, спеша поскорей удалиться от места переправы. Среди этих ста пятидесяти человек каждый третий был раненый. Пятых тяжелораненых, которых чудом удалось перетащить на левый берег, меняясь, несли на носилках двадцать здоровых бойцов, выделенных для этого Серпилиным.

Несли умирающего Зайчикова. Он то терял сознание, то, очнувшись, смотрел на синее небо, на качающиеся над головой верхушки берез. Мысли путались, и ему казалось, что все качается: и спины не-

сущих его бойцов, и деревья, и небо. Он с усилием прислушивался к тишине; ему то чудились в ней звуки боя, то вдруг, придя в себя, он ничего не слышал, и тогда ему казалось, что он оглох, — на самом же деле это просто была настоящая тишина.

В лесу было тихо, только поскрипывали деревья, да слышались шаги усталых людей, да иногда позвякивали котелки. Тишина казалась странной не только Зайчикову, но и всем остальным.

Выслав вперед и по сторонам дозоры и оставив Шмакова двигаться с тыловым охранением, Серпилин сам шел в голове колонны. Он с трудом передвигал ноги, но шедшим вслед за ним казалось, что он шагает легко и быстро, уверенной походкой человека, знающего, куда он идет, и готового идти так много дней кряду. Эта походка нелегко давалась Серпилину: он был немолод и сильно утомлен последними боями, но он знал, что нет ничего неважного и незаметного.

Солнечный предуюльский день был чудо как хорош! Солнце, пробиваясь через покачивающиеся ветви деревьев, шевелилось на земле тяжелыми желтыми пятнами. Среди прошлогодней хвои зеленели кустики земляники. Бойцы то и дело нагибались за ними. Синцов шел и не уставал замечать красоту леса.

(По К. Симонову)

В самой глухой чаще работал мужик. Он держал обеими руками топор и рубил сплеча высокие кусты хвороста, глушившие в этом месте лес непроходимой засекой. Шагах в пяти от него стояла высокая телега, припряженная к сытенькой пегой клячонке; поодаль, вправо, сквозь обнаженные сучья дерев виднелся полунагой мальчонка, карабкавшийся на верх старой осины, увенчанной галочьими гнездами. Судя по опавшему лицу мужика, сгорбившейся спине и потухшим серым глазам, смело можно было дать ему пятьдесят лет от роду; он был высок, сухощав, с редкою бледно-желтой бородою, в которой нередко проглядывала седина, и такими же волосами. Одежда на нем соответствовала как нельзя более его наружности: все было до крайности дрябло и ветхо, от низенькой меховой шапчонки до коротенького овчинного полушубка, подпоясанного лыковой бечевкой. Стужа была сильная; несмотря на то, пот обильными ручьями катился по лицу мужика; работа, казалось, приходилась ему по сердцу.

Кругом в лесу царствовала тишина мертвая, на всем лежала печать глубокой, суровой осени: листья с деревьев попадали и влажными грудями устилали застывавшую землю; всюду чернелись голые стволы деревьев, местами выглядывали из-за них красноватые кусты. В стороне яма со стоячею водою покрывалась изумрудною плесенью: по ней уже не скользил водяной паук, не отдавалось кваканье зеленой лягушки; торчали одни лишь мшистые сучья, облепленные тиной, и гнилой, недавно свалившийся ствол березы, перепутанный длинными косматыми травами. Вдали ни птичьего голоса, ни песни возвращающегося стада; кроме однообразного стука топора ничто не возмущало спокойствия леса.

(Д. Григорович)

Мы шли по левому берегу реки. Вдруг впереди, на валежнике, показалась белка. Она сидела на задних лапах и, заложив хвостик на спинку, грызла кедровую шишку. При нашем приближении белка схватила свою добычу и бросилась на дерево. Оттуда, сверху, она с любопытством посматривала на людей. Кстати, два слова о белке. Этот представитель грызунов имеет удлиненное тело и длинный пушистый хвост. Небольшая красивая головка украшена большими черными глазами и небольшими закругленными ушами, оканчивающимися пучками длинных черных волос, расположенных веерообразно. Общая окраска белки пепельно-серая, хвост и голова черные, брюшко белое. Изредка встречаются отдельные экземпляры с желтыми подпалинами.

Белка — животное то оседлое, то кочевое, смотря по тому, изобилует ли избранный ею для поселения район пищею. Она заблаговременно усматривает, в чем будет недород и в чем избыток, и заранее перекочевывает то в дубняк, то в кедровники. Весь день она пребывает в движении и даже в ненастную погоду выходит из своего гнезда. Она, можно сказать, не выносит покоя и только в темноте лежит на боку, свернувшись и закинув хвост на голову. А утром белка уже на ногах. Кажется, движение ей так же необходимо, как вода, пища и воздух.

(По В. Арсеньеву)

Он шел теперь вдоль свекловичного поля. Низкая толстая ботва пестрела путаными белыми и черными пятнами под ногами. Простор поля, освещенного луной, точно давил Ромашова. Подпоручик взо-

брался на небольшой земляной валик и остановился над железнодорожной выемкой.

Эта сторона была вся в черной тени, а на другую падал свет, и казалось, на ней можно было рассмотреть каждую травку. Выемка уходила вниз, как темная пропасть; на дне ее слабо блестели отполированные рельсы. Далеко за выемкой белели среди поля правильные ряды остроконечных палаток.

Немного ниже гребня выемки, вдоль полотна, шел неширокий уступ. Ромашов спустился к нему и сел на траву. От голода и усталости он чувствовал тошноту вместе с ощущением дрожи и слабости в ногах. Большое пустынное поле, внизу выемка — наполовину в тени, наполовину в свете — смутно-прозрачный воздух, росистая трава — все было погружено в чуткую, крадущуюся тишину, от которой гулко шумело в ушах. Лишь изредка на станции выкрикивали маневрирующие паровозы, и в молчании этой странной ночи их отрывистые свистки принимали живое, тревожное и угрожающее выражение.

Ромашов лег на спину. Белые, легкие облака стояли неподвижно, и над ними быстро катился круглый месяц. Пусто, громадно и холодно было наверху, казалось, что все пространство от земли до неба наполнено вечным ужасом и вечной тоской.

(А. Куприн)

Летом 1900 года во Владивосток прибыл никому не известный двадцативосьмилетний поручик В. Арсеньев. Прodelав долгий путь через всю Россию, он ничуть не сетовал на превратности этого трудного путешествия и откровенно радовался тому, что его мечта попасть на берега Великого океана наконец сбылась. Он настойчиво добивался назначения на Дальний Восток, рассчитывая найти там достойное поле деятельности, и теперь жизнь его резко разделилась надвое: позади оставались детство, юность, впереди ждали походы, занятия этнографией.

Как бы там ни было, о том, что В. Арсеньев родился в Петербурге, иногда забывают, считая его коренным дальневосточником. Он решил во что бы то ни стало перебраться на Дальний Восток. Приехав во Владивосток, шагнув в тайгу, окинув дали, открывшиеся взгляду, Арсеньев, по его словам, почувствовал, как будто попал на другую планету, и захлебнулся нахлынувшими воспоминаниями.

Всю жизнь Арсеньев последовательно стремился к тому, чтобы стать профессиональным ученым-этнографом, добивался научного признания и скептически относился к литературному поприщу. На склоне лет он как-то признался, что в молодости был совсем неумелым в литературном деле и никогда не думал о таком поэтическом произведении, как книга о Дерсу Узала. Когда же эта книга стала достоянием широкой публики, Арсеньева снова, что называется, настигла писательская судьба, и важнейшую роль сыграл здесь М. Горький.

В письме из Италии, замечая, что читал книгу с наслаждением, М. Горький писал: «Не говоря о ее научной ценности, конечно, несомненной и крупной, я увлечен и очарован был ее изобразительной силой».

(По И. Кузьмичеву)

Однажды утром, уже одевшись, Сергей Иванович подошел к окну, чтобы посмотреть, какова погода и надевать ли галоши, и увидел голубя. Голубь был похож на борца: могучая спина и крохотная голова. Он сидел на узеньком железном отливе и, склонив голову набок, косым, шпионским взглядом засматривал в комнату.

День был сырой, ветреный, всю ночь шел мокрый снег, окна запотели, и голубь не много смог увидеть через стекло.

Он увидел грязную вату между рамами, пролежавшую там ползими и успевшую почернеть от копоти; две поллитровые стеклянные банки на подоконнике, и на одной банке он увидел блюдце, на котором лежал кусочек масла в вощеной бумаге; и веревочную авоську, прицепленную к замку форточки и висевшую между стеклами, в которой хранилось несколько сморщенных сосисок. И еще он увидел старое, заметно опухшее со сна лицо Сергея Ивановича, его немигающий взгляд, его седые брови. А Сергей Иванович увидел то, что привык видеть по утрам в течение многих лет: семиэтажную пропасть, кирпичную, с дождевыми потоками изнанку дома, и внизу, на дне пропасти, — туманный, заваленный серым снегом двор, беззвучную суетню людей, бегущих по утренним своим делам кто куда, и голубя, дымчато-синего, с розоватым отливом. Станный неожиданный гость! Никто поблизости не держал голубей, и вдруг — пожалуйста.

(По Ю. Трифонову)

Открыв глаза, я повернулся и сладко заложил руку под щеку, намереваясь еще поспать. Между тем сознание тоже просыпалось, и, в то время как тело молило о блаженстве покоя, я увидел в дремоте Молли, раскалывающую орехи. Вслед нагрянуло все: холодными струйками выбежал сон, и в оцепенении неожиданности, так как после провала воспоминание явилось в потрясающем темпе, я вскочил, сел, встревожился и стал протирать глаза.

Был вечер, а может быть, даже ночь. Огромное лунное окно стояло передо мной. Электричество не горело. Спокойная полутьма простиралась из дверей в двери, где роскошь была погружена в сон. Лунный свет проникал в глубину, как бы осматриваясь. В этом смещении сумерек с неприветливым освещением все выглядело иным, чем днем, подменившим ясность призрачной лучистой тревогой. Линия света, отметив по пути блеск бронзовой ручки, колено статуи, серебро люстры, расплывалась в сумраке — одна на всю мрачную даль. Сверкала неизвестная точка зеркала или металлического предмета.

Устав, я присел и, сидя, рвался идти, но выдержал, пока не превозмог огорчения одиночества, лишившего меня сообразительности. Я пустился на поиски выключателя и, когда вышел, услышал негромко доносящуюся прекрасную музыку.

Как вкопанный я остановился, сердце мое забилося. Все заскакало во мне, и обида рванулась слезами. Взволнованный, как будто это была моя музыка, как будто все лучшее, обещанное ее звуками, ждало только меня, я бросился, стыдясь, сам не зная чего, надеясь и трепеща, разыскивать проход вниз.

(По А. Грину)

Маленькое помещение, состоявшее из трех комнат, занимала Екатерина. Ничего роскошного нельзя было найти в этих комнатах, но между тем всякий, кто входил сюда, не мог не обратить внимания на окружавшую его обстановку, всякому она казалась чем-то особенным, никогда не виданным, и поражала несравненно больше царской роскоши. Причина такого впечатления заключалась в изяществе, в сочетании простоты и художественного вкуса. Между человеком и той обстановкой, в которой живет он, всегда есть много общего.

В течение нескольких лет, которые, переехав из Гатчины, Екатерина провела в Смольном, она мало-помалу свила здесь теплое гнездышко, всецело отражавшее ее образ. Она любила все красивое, все изящное. Но ведь красивое и изящное можно найти и в самых дорогих, и в самых дешевых предметах. У нее не было возможности окружать себя предметами дорогими, да и к тому же она находила это излишним: все, что принадлежало ей, было очень дешевым и в то же время прелестным. В ее светленьких комнатах оказывался, однако, и излишек: в них постоянно было много цветов. Был такой же излишек в другом, а именно — в книгах. Цветы и книги составляли слабость Екатерины, и в связи с этим на них она иногда решалась тратить частицу своих маленьких средств, которые, раздавались ею бедным людям. К тому же, все, кто знал и любил Екатерину, знал также ее слабость к цветам и книгам, и нередко находила она, возвращаясь из церкви, какое-нибудь новое красивое растение, присланное ей от друзей ее, или пакет с только что вышедшими как за границей, так и в России книгами. Часто она не могла даже узнать, откуда ей такой подарок, но она догадывалась, конечно, что почти всегда он идет от Павла Петровича.

(По Вс. Соловьеву)

На следующий день, когда я проснулся, солнце было уже высоко. Мои спутники напились чая и ждали только меня. Собаки тотчас же переплыли на другую сторону, но, видя, что мы не переходим, вернулись обратно. Надо было переходить реку вброд. Очевидно, брод был наискось. Вода в реке стояла еще довольно высоко, и течение было быстрое. Положим, что лошади и люди могли бы переплыть. Оставалось только одно средство — сделать плот и на нем переправиться. Часов в семь мы закончили переправу, основательно устав и промокнув. Мулы, напуганные во время наводнения, сначала не хотели идти в воду.

На другом берегу высилась большая терраса.

Когда на западе угасли последние отблески вечерней зари и все кругом погрузилось в ночной мрак, мы могли наблюдать весьма интересное явление из области электрометеорологии: свечение моря и в то же время исключительную яркость Млечного Пути. Море было тихое. Нигде ни единого всплеска. И вся обширная гладь воды как-то тускло светилась. Иногда вдруг рядом вспыхивало море, точно мол-

ния пробегала по всему океану. Вспышки эти исчезали в одном месте, появлялись в другом и замирали где-то на горизонте. На небе было так много звезд, что оно казалось сплошной туманностью; из всей этой массы особенно явственно выделялся Млечный Путь. Играла ли тут роль прозрачность воздуха или действительно существовала какая-нибудь связь между этими двумя явлениями — боюсь сказать. Мы долго не ложились спать и любовались то на небо, то на море. На другое утро караульные сообщили мне, что свечение морской воды длилось всю ночь и прекратилось только перед рассветом.

(По В. Арсеньеву)

Неудачный день

Маленький восьмилетний Тема стоял над сломанным цветком и с ужасом вдумывался в безвыходность своего положения.

Всего несколько минут тому назад он, проснувшись, помолился Богу, напился чаю, причем съел с аппетитом два куска хлеба с маслом — одним словом, добросовестным образом исполнивши все лежавшие на нем обязанности, вышел через террасу в сад в самом веселом, беззаботном расположении духа.

Он шел по аккуратно расчищенным дорожкам сада, вдыхая в себя свежесть начинающегося летнего утра, и с наслаждением осматривался.

Любимый папин цветок, над которым он столько возился, наконец расцвел! И что это за роскошный, что это за прелестный цветок! Никогда никто, конечно, подобного не видел. Папа говорит, что когда садовник увидит, то у него слюнки потекут. Но самое большое счастье во всем этом, конечно, то, что не кто другой, а именно он, Тема, первый увидел, что цветок расцвел.

Боже мой, но как же это случилось? Может быть, можно поправить? Но цветок по-прежнему лежит на земле...

Что из того, что когда-нибудь будет опять сверкать такое же веселое утро, которое он не испортит? Тогда будет другой мальчик — счастливый, умный. Чтобы добраться до этого другого, надо пройти бездну, разделяющую его от этого другого, надо пережить что-то ужасное. О, что бы он дал, чтобы все вдруг остановилось, чтобы всегда было это свежее утро. Боже мой, отчего он такой несчастный? Он будет строг и беспристрастен к себе.

(По Н. Гарину-Михайловскому)

Погода между тем как будто собиралась разгуляться; свинцовое небо прояснилось; это делалось особенно заметным вправо от дороги к селу. Белый господский дом и церковь, расположенные на горе, вдруг ярко засияли посреди темных, покрытых еще густою тенью деревьев и избушек; в свою очередь сверкнуло за ними дальнейшее озеро; с каждой минутой выскакивали из мрака новые предметы: то ветряная мельница с быстро вращающимися крыльями, то клочок земли, который как бы мгновенно загорался; правда, слева все еще клубились сизые хребты туч, и местами косая полоса ливня сливала сумрачное небо с отдаленным горизонтом; но вот и там мало-помалу начало светлеть... Сквозь туманную мглу просияла пестрая радуга, ярче — и вот она обогнула собою полнеба; луч солнца, неожиданно пробившись сквозь облако, заиграл в бороздах, налитых водою, и вскоре вся окрестность осветилась белым светом осеннего солнышка. В то же время и сама дорога как бы немножко повеселела. Чем ближе продвигалась она к городу, тем более было заметно на ней оживления. Нередко начинали уже попадаться тучные, укутанные возы с мукою, рожью, огурцами и разными другими хозяйственными принадлежностями. Кое-где встречались бабы, тащившие за веревку костлявую коровенку. Из проселков то и дело сворачивали телеги, наполненные мужиками и бабами, горланившими песни. Наконец-то заблестали вдалеке маковки церквей, глянули кровли, здания, а там выставилась из-за горизонта и вся гора, по скату которой расползался город. На песчаных отмелях широкой реки, огибавшей гору, белелся монастырь.

(Д. Григорович)

Разморенный жарким днем, наевшись недожаренной, недосоленной рыбы, бакенщик Егор спит у себя в сторожке. Даже печки нет, вырезана только половина пола, навалены в сенях кирпичи и сырая глина. По бревенчатым стенам висит пакля, рамы новые, стекла не замазаны, тонко звенят, отзываются парходными гудками, и ползают по подоконникам муравьи.

Просыпается Егор, когда садится солнце и все вокруг наполняется туманным блеском, а река становится неподвижно-золотой. Он зевает

со сладкой мукой, замирая, выгибаясь и напрягаясь чуть не до судорог. Почти не открывая глаза, торопливо вялыми руками свертывает папиросу и закуривает. А закурив, страстно затягивается, издавая губами всхлипывающий звук, с наслаждением кашляет со сна, крепко дерет твердыми ногтями грудь и бока под рубахой. Глаза его увлажняются, хмелеют, тело наливается бодрой мягкой истомой.

Накурившись, он идет в сени и так же жадно, как курил, пьет холодную воду, пахнущую листом, корнями, оставляющую во рту приятный вкус. Потом берет весла, керосиновые фонари и спускается вниз, к лодке.

Лодка его, набитая мягкой осокой, набрала воды, осела кормой и отяжелела. Егор думает, что надо бы вылить воду, но выливать лень, и, вздохнув, поглядев на закат, потом вверх и вниз по реке, он напрягается больше, чем нужно, и спихивает лодку с берега.

Плес у Егора небольшой. Ему нужно зажечь фонари на четырех бакенах, два из которых стоят наверху, два — внизу. Каждый раз он долго соображает, куда ловчее сначала грести: вверх или вниз. Он и сейчас задумывается. Потом, устраиваясь, стучит веслами, уминает осоку, толкает ногами фонари и начинает выгребать против течения. «Все это ерунда», — думает он, разминаясь, разогреваясь, гребя резкими рывками, быстро валясь назад и выпрямляясь, поглядывая на темнеющие, розовеющие, отраженные в спокойной воде берега.

(По Ю. Казакову)

Изумруд

Четырехлетний жеребец Изумруд — рослая беговая лошадь серебристо-стальной масти — проснулся около полуночи. Рядом с ним, слева и справа и напротив через коридор, лошади мерно и часто жевали сено, вкусно хрустя зубами и изредка отфыркиваясь от пыли.

Один клочок сена, попавший Изумруд в рот, отличался особенным, необыкновенно нежным вкусом. Жеребец долго пережевывал его, и когда проглотил, то некоторое время еще слышал у себя во рту тонкий душистый запах каких-то увядших цветов и пахучей сухой травы.

Опустив голову в кормушку, Изумруд все старался удержать во рту и вновь вызвать и усилить странный вкус, будивший в нем этот тонкий, почти физический отзвук непонятого воспоминания.

В конюшне стало совсем светло. Лошади хорошо знали, что сейчас будут засыпать овес, и от нетерпения громко кряхтели у решёток. Жадный и капризный конь по кличке Онегин бил копытом о деревянную настилку и, закусывая верхними зубами за окованный железом изжеванный борт кормушки, тянулся шеей, глотал воздух. Изумруд чесал морду о решетку.

Из оконца тянулся вниз четырехугольный веселый солнечный столб, и в нем клубились миллионы золоченых пылинок, разделенных длинными тенями от оконного переплета.

(По А. Куприну)

В плену

В первые минуты страха, причинявшего физическую боль, я решил, что погиб окончательно и бесповоротно, что нет никакой надежды на спасение.

Я сел на лавку и, опустив голову на подоконник, заоченел в каком-то тупом бездумье. В виски молоточками стучала кровь, и мысль повторяла, сбиваясь все на одно и то же: «Конец, конец!» Потом, навертевшись до одури, от какого-то неслышного толчка острие сознания попало в нужную извилину мозга, и мысли в бурной стремительности понеслись безудержной чередой.

Мимо окна погнали стадо. Тесно сгрудившись, колыхались овцы, шелкал бичом пастух. Маленький теленок бежал, подпрыгивая, и смешно пытался на ходу ухватить вымя коровы.

Эта деревенская картина заставила еще больше почувствовать тяжесть положения, к чувству страха примешивалась злая обида.

(По А. Гайдару)

Вообще главная черта ума Сперанского, поразившая князя Андрея, была несомненная, непоколебимая вера в силу и законность ума. Видно было, что никогда Сперанскому не могла прийти та обыкновенная для князя Андрея мысль, что нельзя все-таки выразить всего того, что думаешь, и никогда не приходило сомнение в том, что не вздор ли все то, что я думал, и все то, во что я верую? И этот-то особенный склад ума Сперанского более всего привлекал к себе князя Андрея.

Первое время своего знакомства со Сперанским князь Андрей питал к нему страстное чувство восхищения, похожее на то, которое он когда-то испытывал к Бонапарту. То обстоятельство, что Сперанский был сын священника, которого можно было глупым людям, как это и делали многие, пошло презирать в качестве кутейника и поповича, заставляло князя Андрея особенно бережно обходиться со своим чувством к Сперанскому и бессознательно усиливать в самом себе.

(Л. Толстой)

На восток картина еще богаче и разнообразнее: за самой стеной, которая вправо спускается с горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой, как чешуею, зелеными черепицами; немного левее этой башни являются бесчисленные купола церкви Василия Блаженного, семидесяти приделами которой дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно.

Она, как древний Вавилонский столп, состоит из нескольких уступов, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужного цвета главой, чрезвычайно похожей (если простят мое сравнение) на хрустальную граненую пробку старинного графина. Кругом нее рассеяно по всем уступам ярусов множество второклассных глав, совершенно не похожих одна на другую; они рассыпаны по всему зданию без симметрии, без порядка, как отрасли старого дерева, пресмыкающиеся по обнаженным корням его.

Витые тяжелые колонны поддерживают железные кровли, повисшие над дверями и наружными галереями, из коих выглядывают маленькие темные окна, как зрачки стоглазого чудовища. Тысячи затейливых иероглифических изображений рисуются вокруг этих окон; изредка тусклая лампада светится сквозь стекла их, загороженные решетками, как блещет ночью мирный светляк сквозь плющ, обвивающий полуразвалившуюся башню. Каждый придел раскрашен снаружи особенною краскою, как будто они не были выстроены все в одно время, как будто каждый владетель Москвы в продолжение многих лет прибавлял по одному, в честь своего ангела.

(М. Лермонтов)

На другой день погода была пасмурная, по небу медленно ползли тяжелые дождевые тучи, и воздух казался потемневшим, точно предрассветные сумерки. Горы, которые еще вчера были так живописно красивы, теперь имели угрюмый вид. Мои спутники знали, что если нет проливного дождя, то назначенное выступление обыкновенно не отменяется. Только что-нибудь особенное могло задержать нас на биваке. Утром, расплатившись, мы выступили в путь по уже знакомой нам тропе, проложенной местными жителями по долине реки.

В природе чувствовалась какая-то тоска. Неподвижный и отяжелевший от сырости воздух, казалось, навалился на землю, и от этого все кругом притаилось. Хмурое небо, мокрая растительность, грязная тропа, лужа стоячей воды и в особенности царившая кругом тишина — все свидетельствовало о ненастье, которое сделало передышку для того, чтобы снова вот-вот разразиться дождем с еще большей силой.

К полудню мы дошли до верховьев реки и сделали привал. В то время когда мы сидели у костра и пили чай, из-за горы вдруг показался орлан белохвостый. Описав большой круг, он ловко, с налета, уселся на сухоствольной лиственнице и стал приглядываться.

(По В. Арсеньеву)

Темная звездная ночь давным-давно обняла небо.

Выйдя за околицу, Карп несколько раз шмыгнул босою ногою по траве; нога его осталась почти сухою; воздух, не освеженный росой, был тяжел, душен, точно перед грозой; нигде, однако ж, не видно было признака тучи, только зарницы, вспыхивая поминутно, обливали окрестность красноватым светом.

Дорога на Оку шла все время по берегу маленькой речонки; сделав крутой поворот, речка протекала дном плоской долины и впадала в Оку. Местами бока долины суживались, местами расходились, образуя по обеим сторонам речки пространные луговины.

Приближаясь к луку, Карп услышал лошадиное фырканье, сопровождаемое визгом и глухими ударами копыт. При блеске зарниц различил он табун, который только что выгнали в ночное.

Вскоре шум табуна начал удаляться и, наконец, совсем пропал.

Карп услышал шум небольшой мельницы, которую также содержал богатый мельник. Мельница находилась при впадении речки в Оку. Миновав плотину и пройдя вдоль забора, ограждавшего мельничный двор, за которым раздался сиплый лай собаки, Карп продолжал путь другим берегом реки.

С одной стороны бок долины неожиданно изменился: склон ее подымался круче и весь, сверху донизу, покрыт был густым орешником. Немного далее лес, как словно насильственно раздвинутый, оставлял с вершины холма донизу совершенно голую почву, покрытую рядами ям и бугров, которые, каждый раз как вздрагивала зарница, придавали перелеску особенно мрачный, пустынный характер.

(Д. Григорович)

Как-то я пошел искать ягод жимолости. Густые кусты ее окружали маленькое деревянное строение с дерновой завалинкой; в этом домике на краю двора жили повариха-корейка и ее муж. Обычно я набирал сигарообразные лиловые ягоды в кулечек из старой газеты. Вяжущий, терпкий вкус этих ягод и яркие пятна сока, проступавшие сквозь газетную бумагу, я запомнил навсегда.

Итак, я пошел за жимолостью. В серебристых кустах, наверное, было тихо, и какая-нибудь спугнутая пичужка с беззвучным возмущением вспорхнула откуда не помню. Не помню я никаких особых обстоятельств и не знаю до сих пор причины, почему в тот день я решился войти в раскрытую настежь дверь хибарки. Напрасно мы думаем, что наша судьба строится по иным законам, нежели судьба простого полевого цветка или пчелы на нем. Искусство возносить к небу, радостно покачивая, нежный венец из лепестков, или выбирать хоботком нектар из благоухающего тайничка, или писать акварельные этюды приходит к нам само по себе из непостижимых глубин вполне законными извечными путями. И горький сок неудач, скопившийся по капле в нашей душе, кто-то другой впитает в себя, как сладкий нектар, а потом сотворит из него мед.

Я вошел в домик, от робости став почти невидим и невесом, и остановился позади хозяина, сидевшего на полу. Обычно этот человек, жилистый и темный, как кедровый корень, медленно ходил возле кухни и медленно занимался своими делами: собирал щепки, размеренно водил

пилой-ножовкой, разрезая на чурки длинные жерди, неторопливо и точно взмахивая топором, колол дрова и таскал в ведрах воду. На голову он всегда глубоко напяливал старую соломенную шляпу.

Теперь же покрытая серым мохом коротко остриженных волос его голова была обнажена. Перед человеком на полу стоял подрамник с натянутой на него тканью, прислоненный к табурету. Возле босых ног его, желтея, лежала деревянная лакированная коробочка, в которой находились продолговатые корытца, похожие на пеналы, и в этих пеналах была краска. Рядом с коробкой белело блюдо с налитой водой, на край этого блюдечка опиралась кисточка. В руке человек держал такую же кисточку.

Обмакнув в блюдо кисть и побулькав ею в воде, он мягкими движениями руки размыл черную краску, а затем, чуть наклонившись вперед, нанес по полотну два неуловимо легких удара концом кисти. Два неровных черных пятна расплылись по белизне, впитываясь в ткань. Через несколько секунд эти пятна превратились в пару горящих первобытным гневом глаз. Так, начинаясь с глаз, передо мной вскоре возник тигр, полосатый и упругий, желтый, как лимон, с широко раскрытой страшной пастью. Он выползал, подобно змее, из-за высокого обломка скалы.

И сразу же вся остальная часть полотна перестала быть всего лишь белой поверхностью ткани — нет, это была уже бездонная глубина, высь и бескрайняя ширь мира, о котором так еще мало знал, но громадность которого и чудесное разнообразие которого уже начинал постигать: и Долина гейзеров затерялась где-то там, и неведомая скалистая стена, и длинные хвосты туманов вились по зигзагам ущелий, и скакали всадники по гремящим мостам, и маленькие гномы ворошили кирками алмазную осыпь.

(А. Ким)

Как архитектор, давший чертежи плана и фасада большого здания подрядчикам, а сам отлучившийся до полного почти окончания работ, иногда не может узнать, приехав, своего детища и приходит в отчаяние от тех нелепых форм, какие получились у подрядчиков, — так Меншиков, сопровождавший великих князей, ничего не мог понять, приблизясь к мосту, из того, что происходит там, на горе.

Оттуда доносилась канонада, оттуда шли раненые, и уже гораздо более батальона на взгляд столпилось около перевязочного пункта, а между тем через мост только еще переходила тяжелая артиллерия колонны Павлова.

На четырехверстном подъеме к тому месту, какое Меншиков наметил для прорыва, как-то тоже совершенно непостижимо и бессмысленно, точно муравьи, кишели серошинельные солдатские массы, облепившие весь подъем.

Одни медленно тащились в гору, другие поспешно бежали в овраги каменоломни и оттуда, видно было по дымкам, стреляли вверх.

Между тем видно было и то, как неприятельские гранаты рвались почти на середине подъема, и трудно было решить, делают ли они непозволительные перелеты, или совсем недалеко от крутых ребер спуска с плато поставлены английские орудия.

Когда выезжал с северной стороны сюда Меншиков, он думал все-таки предоставить великим князьям это не испытанное еще ими удовольствие осмотреть только что взятые после горячего боя неприятельские позиции; но теперь его мысли шарахались оторопело: сражение по многим признакам было как будто уже проиграно — застать врасплох англичан, видимо, не удалось, и он не знал, ни что ответить царским сыновьям на их вопросы об этом, ни где найти для них безопасное и в то же время не слишком удаленное от боя место.

(С. Сергеев-Ценский)

Корреспондент лондонской газеты писал как очевидец об отступлении русской армии в 1855 году так: «Судьба сражения еще колебалась, когда прибывшие к нам французы атаковали левый фланг неприятеля. С этой минуты русские не могли уже надеяться на успех, но, несмотря на это, в их рядах незаметно было ни малейшего колебания и беспорядка. Поражаемые огнем нашей артиллерии, они смыкали ряды свои и храбро отражали все атаки союзников, напиравших на них с фронта и фланга. Недолго длилась страшная схватка, в которой солдаты дрались то штыками, то прикладами. Нельзя поверить, не бывши очевидцем, что есть на свете войска, умеющие отступать так блистательно, как русские.

Преследуемые всею союзною полевой артиллерией, батальоны их отходили медленно, поминутно смыкая ряды и по временам бросаясь в штыки на союзников. Это отступление русских Гомер сравнил бы с отступлением льва, когда, окруженный охотниками, он отходит шаг за шагом, потрясая гривой, обращает гордое чело к врагам своим и потом снова продолжает путь, истекая кровью от многих ран, ему нанесенных, но непоколебимо мужественный, непобежденный.»

Очевидец, кто бы он ни был, не мог, конечно, видеть всего поля сражения, как не мог видеть его любой из командующих боем.

Но о том, что русские полки, сбитые с английской позиции благодаря превосходству оружия и сил интервентов, не оставили в руках у них не только ни одного из шестидесяти четырех введенных в дело орудий, но даже ни одного зарядного ящика, ни одной простой повозки с целыми колесами, — об этом говорят многие очевидцы с обеих сторон.

Кому же приписать честь этого отступления, о котором восторженно отзываються даже враги?

(С. Сергеев-Ценский)

За грибами

В субботу ранним утром, еле-еле ощутимым за серой пеленою широкого, спокойного дождя, я пошел в лес за грибами. Нашелся и товарищ, молодой офицер, зять хозяйки соседней дачи, который называл меня то Володей, то Сашей, хотя меня зовут и не так, и не эдак. Его же звали Валерой. Он снабдил меня длинной офицерской плащ-палаткой, сам тоже укрылся такой же накидкой, только с капюшоном, а обулся в резиновые рыбацкие сапоги.

Дождь шел, как и вчера, небольшая речонка Каширка, огибавшая деревню, разлилась, и, когда мы подошли к броду, мне оказалось невозможно перейти, не залив сапоги. Тогда спутник любезно подставил свои закорки, чем я и воспользовался не без тайной радости: в армии я был всего лишь солдатом, и мне даже присниться не могло, что когда-нибудь удастся прокатиться на спине у офицера. Перейдя речку, мы вскарабкались по мокрому крутому склону горки и оказались в березовом мелколесье.

Между деревьями вились, сплетаясь и расплетаясь, узкие тропинки, выбитые скотиной, — деревенское стадо обычно гонят через этот

лесок. Длинные травяные гривки между тропинками блестели, густо осыпанные дождевыми каплями, в траве торчали желтые валуи, смачные и осклизлые. Валуев было столько, что даже становилось как-то неприятно: безобидные вполне грибы, которые даже солят, вызывали теперь какое-то брезгливое чувство. Много было и сыроежек — серых, розовых, густо-малиновых.

Мне стало весело: я уже знал, предчувствовал, что будут сегодня у меня грибы.

Первый почин я сделал тут же, в мелком лесу, перевитом глиняными лентами коровьих тропинок. Еще издали я увидел высокий гриб с коричневой шляпкой. Он стоял одиноко, в стороне от тесной компании жирных валуев, и в его осанке угадывалось то благородство, которое свойственно белым грибам.

(По А. Киму)

Хлебное поле

Мы пересекли лес и вышли на его край, светлый и высокий, с легкими кронами стройных нестарых берез, меж которыми легко пробивались струйки дождя. Край этот выходил округлым мысом на хлебное поле, теперь, под дождем, темно-золотистое, почти охристое, поникшее и тихое. Окруженная широким и ровным полем, выдвинутая опушка березового леса была чудесным местом для белых грибов. В ясную погоду здесь солнце легко проходит сквозь негустую крону и хорошо прогревает землю, всю оплетенную сеткой березовых корневищ, к которым особенно тяготеют белые грибы. Это было красивое место, увидев которое, ты чувствуешь, как в душе рождаются, словно смутные стихи, самые неистовые грезы и где испытываешь настоящую тоску, почему-то не видя их вокруг.

Левее хлебного поля шла старая широкая просека, одним своим краем совпадая с прямой, словно по линейке отрезанной, границей поля. Мы перешли эту просеку по зеленой, плотной, словно ухоженный газон, мокрой траве. Пока добирались до следующего леса, стеной стоящего за просекой, косые струи дождя легко и мягко постегивали наши грубые плащи, щекотали лицо, и я испытал, глядя на золотисто-бурое большое поле, и на темную зелень мокнущего за ним леса, и на дальние леса, расположенные на буграх, дымчато-голубые

за дождевой пеленой, — ощущение удивительной свежести, чистоты и какой-то особенной упругости полнокровного летнего мира.

Все ближе подходили мы к лесу, и все выше поднималась его неровная темная стена. Еще минута — и мы войдем в мокрый, хлещущий отяжелевшими влажными ветвями подлеска лес, словно в огромный сумрачный дворец, и двери, пропустившие нас, затворяются за нами, скрыв за собой просторное поле, и курчавую, плотную зелень дальних лесов, и серое, но все же светоносное летнее небо. Перед крайними деревьями леса, темные глубины которого были уже видны и как бы обещали какие-то диковинные, мрачноватые тайны, по границе просеки тянулась заросшая неглубокая канавка, уже изрядно зализанная временем. Мой спутник сначала повел меня вдоль этой канавки, не углубляясь в чащу, рассказывая мне на ходу, как много грибов попадалось ему здесь когда-то.

(А. Ким)

Солнце едва-едва взошло, все вокруг купалось в густой, прохладной росе, над озером сгустилось облако сырого тумана, но все было обильно напоено множеством самых разнообразных запахов, неприятно и резко пахли лиловые цветы, плотно подступавшие к дому с трех сторон.

Прилетели и бесцеремонно уселись на рябину воробьи, жившие под карнизом крыши; пес Тимошка равнодушно отмахнулся от них. К этим беспокойным жильцам, всегда ожесточенно и без толку переругивающимся друг с другом, он относился как к неизбежному злу. В общем-то в Тимошкином хозяйстве все шло своим ходом, ничто не требовало незамедлительного вмешательства; поведив еще носом, усиленно принюхиваясь и ни на секунду не забывая о главной необходимости поздороваться с Васей, Тимошка весело сбегал с крыльца и, заглушая чужой раздражающий запах ночных пришельцев, соседского кота и ежа, на уголке хозяйски-привычно поднял ногу. Здесь запах цветов был совсем уж невыносим, Тимошка даже страдальчески оскалился. Чтобы спрямить путь к хозяину, он хотел перескочить через клумбу розовых, отяжелевших от обильной росы гвоздик, но, тотчас же вспомнив, сколько неприятностей пришлось перенести из-за этих цветов от хозяйки, он обогнул веранду и по свежему следу Васи ринулся к озеру,

мотая ушами, плавно и мягко срезал углы; как вкопанный остановился он перед скамейкой. Вася сидел в пижаме, закинув ногу за ногу, и не отрываясь смотрел на молодые розоватые стволы берез, поднимавшиеся из тумана на противоположном берегу. Тимошка вскочил на скамейку и сел рядом, плотно прижавшись к теплому боку Васи.

(А. Прокурин)

Она брела по дикому полю, непаханому, нехоженному, косы не знавшему. В обувь ее сыпались семена трав, и колючки цеплялись за полупальто старомодного покроя, отделанное сереньким мехом.

Оступаясь, соскальзывая, по обледенелой щебенке поднялась она на железнодорожную линию, зачистила по шпалам, и шаг ее был суетливый, сбившийся.

Насколько охватывал взгляд — немая степь кругом, предзимне взывшаяся рыжеватой шерсткой.

В глазах ее стояли слезы, оттого все плыло перед нею и качалось морем, и, где начиналось небо, где кончалось море, она не различала. Хвостатыми водорослями шевелились рельсы. Дышать ей становилось все труднее, сердце то частило, то отваливалось в беззвучье, и казалось, что поднималась она по бесконечной шаткой лестнице.

У карликового километрового столба она остановилась, подышала холодом, реющим над степью, вытерла глаза рукой. Полосатый столбик порябил и утвердился перед нею. Шевеля губами, она повторила цифру, значущуюся на столбике, опустилась с линии и на сигнальном кургане, сделанном пожарными или в древнюю пору, отыскала памятник с пирамидой.

И сыпучие семена, и трава, замерзшая, сухая, что лежала в бурых щелях старчески потрескавшейся земли, и жестяной звук почти уже пустых наперстков, царапанье колючек о деревянный столбик пирамиды рождали в душе мелодию беспредельной, вечной, всегда заново переживаемой, никогда и никем до конца не испитой и неразгаданной человеческой печали, а пепельным тленом отливающая степь и угрюмо нависающий над нею древний хребет, устало и глубоко вдавшийся в равнину, и бельма солончаков, все так же холодно и немо отсвечивающие вдаль, делали эту печаль еще пространственной, так что уж ни краю ни дна в ней не ждалось и не виделось.

Скорбно шелестели немощные травы, похрустывал костлявый татарник, звучало вечное утешение над вечным покоем.

Она развязала платок, прижалась лицом к памятнику и ощутила лицом еще вовсе не остывшую плоть земли.

(В. Астафьев)

Тихо тянулись дни, тихо вставало горячее солнце и обтекало синее небо, распростершееся над Волгой и ее побережьем. Медленно ползли снегообразные облака в полдень, и иногда, сжавшись в кучу, темнили лазурь и рассыпались веселым дождем на поля и сады, охлаждали воздух и уходили дальше, дав простор тихому и теплomu вечеру.

Если же вдруг останавливалась над городом и Малиновкой (так звали деревушку Райского) черная туча, разрешалась продолжительной, почти тропической грозой — все робело, смущалось, весь дом принимал, как будто перед нашествием неприятеля, оборонительное положение.

Пока ветер качал и гнул к земле деревья, столбами нес пыль, метя поля, пока молнии жгли воздух и гром тяжело, как хохот, катался в небе, бабушка не смыкала глаз, не раздевалась, ходила из комнаты в комнату, заглядывала к внукам, крестила их и крестилась сама, и тогда только успокаивалась, когда туча, истратив весь пламень и треск, бледнела и уходила вдаль.

Утром восходило опять радостное солнце и играло в каждой повисшей на листьях капельке, в каждой луже, заглядывало в каждое окно и било в стекла и щели счастливого приюта.

(По И. Гончарову)

Васек, как звали его и отец с матерью, и бабка с дедом, и все соседи, и погодки, с которыми он с утра до темной ночи пропадал на улице, белоголовый пятилетний мальчуган, взбрыкивая, слепой от восторга, неся навстречу солнечному ветру верхом на ореховой палке, а сзади, визжа, подстегивал ее гибкой хворостиной. Опушка березового леса была не то что наполнена, а словно налита до краев солнечным светом, воздух от этого был какой-то золотистый. Отражаясь от осле-

пительно белых стволов берез, солнечный свет на легком сухом ветру дробился, разлетался радужными осколками; было больно смотреть, не прищурив глаз. И Ваську больно глазам, и он несется по лесу, почти зажмурившись, вслепую, но солнце прорывается и сквозь веки; белые стволы берез мелькают попеременно с радужными пятнами света, и по высокой и сочной майской траве повсюду развешаны большие ярко-синие лесные колокольчики; в упоении жизнью Васек не щадит их, рубит хворостиной на бегу, и они, переламываясь в стебле, опадают лиловыми пятнами в густую, сочную зелень.

Васек круто заворачивает и удивленными, сразу широко раскрывшимися глазами осматривается. Он успел забежать довольно далеко; он был в низине, толсто устланной опавшей прошлогодней лиственной с пробивающейся сквозь нее острой и редкой травой. Солнце тут до земли не доходило, солнечный ветер всюду бушевал где-то там, над плотно сомкнувшимися кронами кленов, ясеней, а у земли была тишина, и даже ветер сюда не прорывался. Васек слегка повернул голову, и холодная дрожь сладко облила его с головы до ног. Вывороченное из земли дерево, судорожно выставившее вверх причудливо перевитые корни, поначалу показалось ему огромным живым существом, готовым вот-вот броситься на него. Отец рассказывал, что в лесу водятся и волки, и дикие кабаны, и даже медведи; вывороченные, вставшие дыбом корни и показались ему вначале медведем.

(П. Проскурин)

Заря только что занимается; широкая пристань темным пологом стелется по крутому и равнинному берегу Волги. Кругом ни голоса, ни признака жизни. Тишина между длинными рядами хлебных амбаров и закровов, высоко поднимающих свои черные рогожные макушки над светлою рекою; тишина на судах, барках и расшивах, стиснутых вдоль берега... Только алые флагера на длинных мачтах, обступивших целым лесом пристань, разносят робкий шепот. Там и здесь, вдоль покатых бревенчатых спусков, между амбарами и шалашами, на грудах рогож, кулей и досок, спят, развалившись, вповалку бурлаки; положив молодецкую голову на бок товарищу, укутавшись лохмотьями овчины, не чувствует ни один ни студеной росы, окропляющей

его смуглое загорелое лицо, ни холодного предрассветного ветра. Лощманы и приказчики также покоятся на своих судах.

Но вот сизый туман, окутывающий Волгу и далекий берег с луговой стороны, понемногу алеет и подбирается выше; в чистом небе уже тухнут одна за другой звезды, уступая багровому зареву горизонта. Уже открываются понемногу песчаные отмели, разбросанные по реке, обгаемые восходом; за ними белеют и искрятся луга, упитанные росой, прорезывается сизый бор в чуть видной синеве... Но все та же мертвая тишь кругом, и только алые флюгера на высоких мачтах вытягиваются прямее в холодном, сыром воздухе.

Золотое зарево распускается все выше; с ближайшей приречной слободы долетели крики петухов. Пронзительный свист послышался; крик лощманов, смешиваясь постепенно с шумом сбрасываемых досок, с гамом толпы, с песнями, мало-помалу наполнил пристань какою-то дикою, нескладною сумятицею.

(По Н. Некрасову)

Была глубокая осень. Тульчанинову случилось охотиться в тех же местах. День был мрачный; резкий, холодный ветер с маленьким дождем пробирал до костей; под ногами хрустели сухие сучья. Полуобнаженные деревья тоскливо качались, издавая жалобные стоны. В воздухе вместо резвых птиц кружились сорванные ветром желтые листья и, дрожа, падали на сырую землю. В лесу в такую пору бывает обыкновенно грустно. Охота шла неудачно, да и увядающая природа неприятно действовала на Тульчанинова. В самом унылом расположении духа вышел он из лесу и увидел стадо, собравшееся в кучу: тощие животные жались друг к другу и жалобно мычали. Ветер донес до его слуха детский плач. Осмотревшись, он заметил вдали шалаш из прутьев и пошел к нему. Шалаш походил на клетку: листья отвалились, сучья иссохли, ветер дул в широкие скважины. Заглянув в одну из них, Тульчанинов ужаснулся: на мокрых, полусгнивших листьях лежал, скорчившись, пастух, стараясь отогреть свои босые ноги и руки. К пастуху жалась вымокшая собачонка, тоже вся дрожа от холода; закинув голову кверху, она тихонько выла. Шорох за шалашом заставил ее вздрогнуть.

(По Н. Некрасову)

То лето я жил в городе. В наших комнатах, за полуспущенными гардинами, в прохладе каменных стен было нежарко, но город изнемогал.

Садилось солнце, жар стихал, приходила бледная, робкая ночь. Сидя с Алексеем, моим другом, поздним вечером на балконе, мы любовались далями; все слегка затуманено, сухая, бело-пыльная дымка стояла над городом; некоторые улицы внизу, пустынные уже, смутно белели недвижными лентами; и наш переулок, обвеянный за день известковой пылью от строившихся домов, дремал и мерещился мне белесоватым каналом.

В один из таких вечеров, после полуночи, я ушел от него в комнату к себе. Я прилег и спал смутно, полубодრствуя; но через полчаса проснулся; в промежутках между портьерами чуть-чуть брезжило. Я встал и прошел в комнату Алексея. Там никого не было — дверь на балкон открыта. Я тихо подошел к двери — Алексей стоял ко мне спиной и смотрел вдаль, на город.

Бледно-зеленый, девственный, тихий рассвет. Гардины висят беззвучными складками.

Странное чувство охватило меня: вдруг, беспричинно и наверняка, я почувствовал, что у Алексея какая-то случилась беда. Он стоял такой большой, положив свою некрасивую ладонь поперек на влажные перила, и думал о чем-то, наверное, важном для себя.

(По Б. Зайцеву)

Когда Володя пришел домой, все были в гостиной. Мать его, высокая и полная женщина, с нежным и кротким лицом, сохранившим еще следы былой красоты, в сбившемся чуть-чуть набок черном кружевном чепчике, прикрывавшем темные, начинавшие серебриться волосы, как-то особенно горячо и порывисто обняла сына после того, как он поцеловал эту милую белую руку с красивыми длинными пальцами, на одном из которых блестело обручальное кольцо. Она, видимо, была расстроена, и ее большие бархатные черные глаза были красны от слез. Хорошенькая Маруся, с роскошными косами, обыкновенно веселая и светлая, как вешнее утро, была сегодня грустна и задумчива. Костя,

долговязый и неуклюжий подросток, глядел на брата с каким-то боязливым почтением и в то же время с грустью. А старая няня Матрена, уже успевшая обнять и пожалеть своего любимца в прихожей, стояла у дверей простоволосая, понурая и печальная, с любовно устремленными на Володю маленькими слезящимися глазками.

Одно только лицо в гостиной совсем не имело скорбного вида — напротив, скорее веселый и довольный.

Это был дядюшка-адмирал, совсем сухонький старичок с гладко выбритым морщинистым лицом, коротко стриженными усами-щеточками и небольшими глазами, глубоко сидящими в своих впадинах.

(По К. Станюковичу)

Близится рассвет

Еще предрассветные сумерки окутывают своей таинственной серой пеленой со всех сторон океан, и горизонт туманен. Еще луна и мириады звезд глядят сверху. Но месяц становится как будто бледнее, и звезды мигают слабее и будто стали задумчивее.

Но вот на востоке занимается заря, в первые минуты нежная и робкая, еле-еле пробиваясь розово-лиловой полоской. Краски становятся разнообразнее и причудливее. Она расплывается, захватывая все большее и большее пространство, и наконец весь горизонт пылает в блеске громадного зарева, сверкая пурпуром и золотом. Небо над ним, передернутое розово-золотистой дымкой, сияет в нежных переливах всех цветов радуги. Луна и звезды становятся еще бледнее и кажутся умирающими.

Что-то могучее и волшебное, не передаваемое даже в гениальных картинах, представляет собою в действительности эта незабываемая картина пробуждения океана, эти снопы пламени, золота и волшебных цветов, предшествующие восходу солнца.

Вот и оно, ослепительно, медленно обнажаясь от своих блестящих риз, величаво выплывает золотистым шаром из-за пылающего горизонта. И все вокруг мгновенно осветилось, все радостно ожило, словно бы преображенное: синеющий океан, и небо, высокое, голубое, нежное. Луна и звезды исчезли перед блеском этого чудного, дышащего свежестью, радостного и победоносного утра.

(К. Станюкович)

На Васильевском острове, тогда еще бедно обстроеном, стоял одноэтажный деревянный домишко, довольно жалкий и старый. В комнатке с кривым полом бледно-зеленоватыми стенами и небольшими покрытыми льдом окнами на ветхом диване у овального стола сидела старушонка, закутанная в ситцевый платок. На голове ее был чепчик, сверх чепчика была еще надета шерстяная шапочка. В руках ее было вязанье, и она быстро-быстро шевелила спицами. Несмотря на огромную изразцовую печь, возле которой стоял диван, руки старушки посинели от холода, глаза слезились, может быть, и оттого, что она поставила себе свечку под нос. Всякий раз, когда петля спускалась, старушка ворчала про себя. Против нее сидела семнадцатилетняя девушка; черты лица у нее были нежные, глаза и волосы черные. Склонив голову, она прилежно шила. В ее чистеньком, но полинялом ситцевом платье и во всей обстановке комнаты обнаруживалась нищета. Кроме дивана, стола и стула, на котором сидела девушка, в комнате был еще старый-престарый комод; на нем красовался чисто вычищенный самовар. По перегородке, отделявшей другое окно комнаты, стояло три стула, а у замерзшего окна — маленький столик.

Тихо было в холодной комнате, уныло и монотонно стучали стенные часы, изредка заглушаемые сухим кашлем, выходившим из-за перегородки, где был также огонь.

(По Н. Некрасову)

Роскошный тропический день оканчивался. Палящий зной спадал, и от притихшего океана веяло нежной прохладой.

Солнце быстро катилось к закату и скоро зажгло пылающим заревом далекий горизонт, расцвечивая небо волшебными переливами всевозможных красок и цветов, то ярких, то нежных, и заливая блеском пурпура и золота и полосу океана, и обнаженные верхушки вулканических гор высокого зеленеющего острова, резко очерченного в прозрачной ясности воздуха.

Пуская черные клубы дыма из своей белой трубы, «Коршун» приближается к пенящимся бурунам, которые волнистой серебряной лентой белеют у острова. Это могучие океанские волны с шумом разбиваются о преграду, поднявшуюся благодаря вековой работе

маленьких полипов из незримых глубин океана, об узкую надводную полоску кольцеобразного кораллового рифа у самого острова.

Замедлив ход, «Коршун» пролетел через узкий проход рифа, оставил океан сзади и очутился в затишье лагуны, гладкой, как зеркало, и голубой, как бирюза. Эта лагуна, окруженная со всех сторон, представляет собой превосходную гавань, в глубине которой, утопая весь в зелени и сверкая под лучами заходящего солнца красно-золотистым блеском своих выглядывающих из-за могучей листвы белых хижин и красных зданий набережной, приютился маленький город — столица королевства на островах.

(К. Станюкович)

Поднявшись с гнездовья, большой коршун-белохвост вылетел на обозрение местности.

Внимательно просматривая поверхность степи, примечая все, что шевелилось внизу, коршун летел молча, степенно помахивая крыльями, медленно набирая высоту, чтобы шире и дальше видеть степь, и одновременно приближался, перемещаясь плавными витками, к своему излюбленному месту охоты — к территории закрытой зоны. С тех пор как этот обширный район был огорожен, здесь заметно прибавилось мелкой живности и разного рода пернатых, потому что лисы и другое рыскающее зверье уже не смели проникать сюда беспрепятственно. Зато коршуну изгородь была нипочем.

Третьего дня засек он сверху маленького зайчонка, и, когда кинулся на него камнем, зайчишка успел заскочить под проволоку, а коршун чуть не напоролся с размаху на шипы. Едва уклонился, взмыл круто и яростно вверх, задевая перьями острое жало шипов.

Не осталось не замеченным коршуном и то, что проследовавшие по степи человек на верблюде, два еле-еле тащавшихся трактора и рыжая лохматая собака стояли теперь у колючей проволоки снаружи, точно бы не могли ее преодолеть... Рыжая собака раздражала коршуна своим праздным видом и тем, что околачивалась возле людей, но он ничем не выказал своего отношения к рыжей собаке — не опустится же он до такой степени... Он просто кружил над этим местом, зорко поглядывая, что будет дальше, что собирается делать эта рыжая собака, виляющая хвостом возле людей.

(По Ч. Айтматову)

В окно летел морозный воздух; клубящийся пар точно выливался в комнату, в которой от него уже стало холодно. Большая низкая лампа с непрозрачным абажуром, стоявшая на письменном столе, горела ясно, но освещала только поверхность стола да полпотолка, образуя на нем дрожащее круглое пятно света; в остальной комнате все было в полумраке. В нем можно было разглядеть шкаф с книгами, большой диван, еще кое-какую мебель, зеркало на стене и высокую фигуру, бесконечно метавшуюся по комнате из одного угла в другой. Иногда Алексей останавливался у окна; холодный пар лился ему на разгоряченную голову, на открытую шею. Он продолжал перебирать бесвязные воспоминания, припоминая сотни мелких подробностей, путался в них и не мог понять, что именно в них важного.

Знал он только одно: до двенадцати лет, когда отец отправил его в гимназию, он жил совершенно иною жизнью и помнил, что тогда было лучше.

Алексей думал об отце и в первый раз после многих лет почувствовал, что любил его, несмотря на всю его немудреность. Ему хотелось бы теперь хоть на минуту перенестись в свое детство, в деревню, в маленький домик и приласкаться к этому человеку просто, по-детски.

(По В. Гаршину)

Есть порты симпатичные, с которыми просто-таки жаль расставаться, как жаль бывает подчас расставаться с недавним знакомым, к которому вы, несмотря на короткое знакомство, успели уже привязаться, и есть порты несимпатичные, откуда моряки уходят с тем же приятным чувством, с каким вы оставляете злых и вздорных людей. К таким симпатичным портам принадлежит и Гонолулу, и, когда ранним прелестным утром «Коршун» тихим ходом выбрался из лагуны, проходя мимо стоявших на рейде судов, все — и офицеры и матросы — смотрели на этот маленький городок, утопавший в зелени и сверкавший под лучами солнца, с нежным чувством, расставаясь с ним не без сожаления. Так уж нежны и приветливы были там и солнце, и небо, и зелень, и эти добрые простодушные жители.

Долго еще смотрели моряки на этот городок. Уже корвет вышел из лагуны, и, застопорив машину, оделся всеми парусами, и под северным ветерком, слегка накренившись, пошел по Тихому океану, взяв курс по направлению южных островов Японии, а матросы все еще нет-нет да и оторвутся от утренней чистки, чтобы еще раз взглянуть на приютившийся под склонами городок.

(По К. Станюковичу)

В один прекрасный предыюльский день везде было жарко, а на полянке в саду, где стояла копна недавно скошенного сена, было еще жарче, потому что место было закрыто от ветра густым-прегустым вишняком. Все почти спало: люди наелись и занимались послеобеденными занятиями; птицы примолкли. О домашних животных нечего и говорить: скот прятался под навес; собака, вырыв себе под амбаром яму, улеглась туда и, полузакрыв глаза, прерывисто дышала, высунув розовый язык чуть ли не на пол-аршина; иногда она, очевидно от тоски, происходившей от жары, так зевала, что при этом даже раздавался тоненький визг. Одни куры, не боясь жары, кое-как убивали время, разгребая лапами сухую землю, в которой, как они отлично знали, не было уже ни одного зернышка; да и петуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда он принимал преглупый вид и во все горло орал.

(По В. Гаршину)

На степной речке Рохле приютился город Бельск. В этом месте она делает несколько крутых излучин, соединенных протоками; все сплетение, если смотреть в ясный летний день с высокого правого берега реки, кажется целым бантом из голубых лент. Этот высокий берег подымается над уровнем Рохли сажен на пятьдесят и точно срезан огромным ножом так круто, что взобраться от воды наверх, туда, где начинается бесконечная степь, можно, только хватаясь за кусты, густо покрывающие склон. Оттуда, сверху, открывается вид верст на сорок. Направо к югу и налево на север тянутся холмы правого берега Рох-

ли, круто спускающиеся в долину, как тот, с которого мы смотрим, или отлогие; некоторые из них белеют своими обнаженными от почвы меловыми вершинами и скатами; другие покрыты чахлой и низкой травой. Прямо на восток тянется безграничная, слегка поднимающаяся степь, то желтая от сенокосов, на которых густо разросся негодный молочай, то зеленеющая хлебами, то лилово-черная от поднятой недавно целины, то серебристо-серая от ковыля.

Отсюда она кажется ровною, и только привычный глаз рассмотрит на ней едва уловимые линии отлогих, невидимых, глубоких ложин и оврагов, да кое-где виднеется небольшим возвышением старый, распаханый и вросший в землю курган.

(В. Гаршин)

Розовый куст, на котором расцвела роза, рос в небольшом полукруглом цветнике перед деревенским домом. Цветник был очень запущен; сорные травы густо разрослись по старым, вросшим в землю клумбам и по дорожкам, которых уже давно никто не чистил и не посыпал песком. Деревянная решетка с колышками, обделанными в виде четырехгранных пик, когда-то выкрашенная зеленой масляной краской, теперь совсем облезла, рассохлась и развалилась; пики растащили для игры в солдаты деревенские мальчишки.

А цветник от этого разрушения стал нисколько не хуже. Остатки решетки заплели хмель, повилика с крупными белыми цветами и мышинный горошек, висевший целыми бледно-зелеными пучками, с разбросанными кое-где бледно-лиловыми кисточками цветов.

Колючие чертополохи на жирной и влажной почве цветника достигали таких размеров, что казались чуть не деревьями. Желтые коровьяки подымали свои усаженные цветами стрелки еще выше их. Крапива занимала целый угол цветника; она, конечно, жглась, но можно было и издали любоваться ее темною зеленью, особенно когда эта зелень служила для нежного и роскошного бледного цветка розы.

Она распустилась в хорошее майское утро; когда она раскрывала свои лепестки, улетающая утренняя роса оставила на них несколько чистых, прозрачных слезинок. Роза точно плакала. Но вокруг нее все было так хорошо, так чисто и ясно в это прекрасное утро, когда она в

первый раз увидела голубое небо и почувствовала свежий утренний ветерок и лучи сиявшего солнца, проникавшего в ее тонкие лепестки розовым светом: в цветнике было так мирно и спокойно, что если бы она могла в самом деле плакать, то не от горя, а от счастья жить.

(По В. Гаршину)

В романе Булгакова «Белая гвардия» среди второстепенных персонажей есть некий Шполянский, «черный и бритый, с бархатными бакенбардами, чрезвычайно похожий на Евгения Онегина». Написан он с холодной иронией, а кое-где даже с оттенком затаенной ненависти. Это он «прославился как превосходный чтец в клубе своих собственных стихов и как отличнейший организатор поэтов». Это он «не имел себе равных как оратор», это он «управлял машинами как военными, так и типа гражданского». И наконец — самое существенное: это он поступает в броневой дивизион гетмана.

К предлагаемым прототипам «Белой гвардии» (они указаны в архиве Булгакова, хранящемся в Ленинской библиотеке) можно прибавить еще один: Шполянский — Шкловский. В наружности кое-что замаскировано. Однако «онегинские баки» не придуманы: по словам Шкловского, в тысяча девятьсот восемнадцатом году он носил баки. Биографические данные совпадают, хотя Георгиевским крестом наградил Шкловского не Керенский, а генерал Корнилов. Он бежал как из Петербурга, так и из Киева, бежал много раз и спасся только потому, что, прыгая с поезда, оставил мешок сахара тем, кто хотел его убить. Именно этим сахаром он хотел воспользоваться, чтобы вывести из строя броневики.

— В общем, — сказал он о переходе через финскую границу, — это было легко. Из Киева — труднее.

(По В. Каверину)

Теплая, с высоким небом и яркими звездами ночь плотно обступила пса Тимошку своими многочисленными запахами и шорохами; Тимошка же ничего не слышал и спал. Не видел Тимошка и бесшумно поднявшуюся луну, и проступившие из темноты засеребренные

деревья. На середину лунной дорожки выплыла Чапа и стала беззвучно играть в воде, кувыркаться, переворачиваться вверх светлеющим в лунном свете седым брюшком. Она словно исполняла ритуальный танец. Это был танец благодушия, исполняемый на земле и зверем, и птицей, деревом и рыбой, скромной травинкой и самым незаметным воробьем.

Солнце взошло; рядом с носом Тимошки лежал заветный кирпич, Тимошка глубоко втянул в себя несущий множество самых разных запахов и вестей резкий утренний воздух, с удовольствием с протяжным стоном зевнул, вылез из своего укрытия, шумно всем туловищем потянулся, встряхнулся и обмер. В двух шагах от него нахально и похозяйски возился в траве еж Мишка. От вчерашних переживаний, от долгого напрасного многочасового бега в поисках Васи, от его отсутствия, от сосущей пустоты в желудке Тимошка проснулся в необычном для себя агрессивном и мрачном настроении. Он злобно бросился на ежа, стараясь ухватить его за нос, но еж, отыскивающий в раннее благодатное время вкусных червей, расползшихся в сырой траве, молниеносно свернулся клубком, зафыркал и, подпрыгнув, в свою очередь весь напрягся, чтобы уколоть Тимошку. В одно мгновение отпрянув, Тимошка припал к земле. Еж Мишка, озадаченный необычностью неожиданного утреннего нападения, лежал клубком, не шевелясь. Лишь минут через десять он чуть-чуть расслабился и высунул из-под колючек кончик носика; неслышное дуновение воздуха над землей донесло до него запах хорошего гриба, росшего где-то неподалеку. Но враг был рядом, и еж опять замер, он давно знал, что Тимошка самый обыкновенный бездельник и преследует его, вечно занятого и кормящегося тяжелым трудом, просто так. Тимошка не ел ни червей, ни жуков, ни лягушек, тем более грибов, и им, по сути дела, нечего было делить.

(П. Проскурин)

Человек на протяжении жизни претерпевает основательные перемены: иногда тот, кого вы знали в детстве, предстанет перед вами столь непохожим в зрелом или преклонном возрасте, что это уже, собственно, будут разные люди, совсем различные варианты индивидуальности.

По крайней мере об Оксане, сестре Заболотного, можно было с уверенностью сказать, что за несколько предвоенных лет она изменилась до неузнаваемости: развилась, окрепла, из хилого, малокровного создания стала просто красавицей! Налилась здоровьем, в характере объявилась веселость, задорная хватка, и голос прорезался певучий — не раз со сцены выступала в нашем клубе, и удивлялись все тогда, откуда эта девчонка, которая в нужде и впроголодь вырастала, обрела такой голос, льющийся из груди девушки без усилий, без натуги? Другие сырые яйца для голоса пьют, а она, может, росу соловьиную на рассвете пила?

Когда мы, уже студентами, приезжали с Кириллом домой, Оксана не могла скрыть перед подругами своей гордости, показывая девушкам на брата, как на чудо: разве не талант! Восточные, самые трудные языки изучает да, кроме этого, еще и в аэроклубе занимается! Скоро на аэроплане домой прилетит, в степи на стернях сядет, где в детстве бегал пастушонком...

Подруги Оксаны, наши девочки-подростки, повывраставшие быстро, как из воды (мы с Кириллом иногда даже не могли угадать, где чья), тайком заглядывались на моего друга, не одной он, видно, душу разбередил. Потому что с приездом Заболотного-студента как будто и песни в селе становились звонче, и вечера длиннее, допоздна, из конца в конец слободы, как в былые годы, плутала песня девичья, по балкам уносилась вдаль, словно искала кого-то, но даже и среди далеких вечерних песен Оксаны голос выделялся так, что и старшие женщины заслушивались: вишь, как за лето голос изменился.

(По О. Гончару)

Август подступил незаметно и еще незаметнее прошел; стали шлепаться на землю созревшие яблоки, и еж Мишка с наступлением сумерек целыми ночами упорно кормился. В излюбленных зарослях он давно подготовил себе зимнюю квартиру; седые бакенбарды стали у него еще роскошнее, и Тимошка, однажды захватив его на месте преступления, у большого краснобокого яблока со следами зубов, пришел в неистовство от такого неслыханного нахальства. Еж, по своему обыкновению, тотчас же свернулся тугим клубочком, и Тимошка, обрадовавшись, лапой откатил добычу по-

дальше от ежа, с яростным пыхтением, всем клубком, вслепую подпрыгивающего на месте. Зная повадки ежа, Тимошка выждал, пока еж, развернувшись, двинется в сторону яблока, и, подскочив, успел схватить яблоко зубами и отпрыгнуть с ним в сторону. Высокомерно оглянувшись на ежа, он в несколько прыжков достиг дома, взлетел на крыльцо и положил там яблоко, а сам вернулся в сад. Ежа уже не было, и Тимошка, проследив его дорогу вдоль частокола к его родным зарослям на противоположном берегу озера, заскучал и, как всегда в таких случаях, отправился к озеру, внимательно обнюхал любимую скамейку и, ничего нового не обнаружив, лег на мостках. Озеро жило уже осенней жизнью, вода стала гуще и темнее, часто дул северный ветер и засыпал озеро желтыми, яркими листьями. В озере было по-прежнему много всякой живности, только движения в нем заметно поубавилось, ставшие еще больше рыбы, подплывая под мостки, подолгу стояли там, едва шевеля плавниками. И ждали, пока им принесут хлебных крошек или разваренных рисовых зерен, тогда они оживали и жадно на них набрасывались.

Тимошка не замечал ни взявшихся огнем осинового листьев, то и дело слетающих на воду, ни постепенного замирания жизни в саду и в озере.

(П. Проскурин)

Отец и дочь

Прислонившись спиной к прохладной кирпичной стене, Чижев усердно изображал задремавшего старика. Скупая прохлада тени и уютная сколоченная им же самим год назад из массивных брусков скамейка действительно располагала к дреме. Даже молодые летчики здесь частенько ухитрялись в короткие минуты передышек, несмотря на раздражающий барабанные перепонки грохот, урвать десяток минут крепкого сна. Но то молодые. Чижева скорее мучила бессонница, чем недосыпание. И прикидывался он спящим исключительно для Юли.

Она тоже истомилась ожиданием и сейчас босиком паслась в густо вымахавшей вдоль рулежки траве. Чижев сперва и не понял, что она там высматривает, делая стойку, как спаниель на перепелиной охоте. Потом понял: плетет веночек, выбирая в траве маленькие белые

цветочки. Кто ее научил этому искусству? Уже и в деревнях многие дети не умеют плести венков. А у Юли, надо же, получалось.

Чижев любил такие минуты, когда мог незаметно для Юли подолгу смотреть на нее. Дочь выросла. И хотя она почти все время рядом с ним — и дома, и на службе, — уже давно живет своей жизнью. Ей приходят письма с незнакомыми Чижеву обратными адресами, заглядывают в дом парни, о которых Юля никогда ничего не рассказывала, где-то и с кем-то она проводит свободные вечера.

Понимал — это диалектика, житейское дело: приходит час, и дочь становится светильником в чужом доме. Понимал, а сердце верить не хотело.

Юлька — она его. Открой Чижев глаза и только тихонько кашля-ни, дочь тотчас же вскинет голову, вытянув свою длинную шею, брови изогнет, поймает его взгляд и все лицо от угольных глаз до подбородка засветится бесконечно доброй улыбкой.

(По А. Пинчуку)

Мы прибыли в Москву в начале лета, еще совершенно не предчувствуя, что нас ожидает. На нас хлынула толпа трех вокзалов, расположенных вокруг одной площади. Московская толпа — это особая стихия, похожая на воздушную бурю или штормовое море, и тревога от ее мощного рева, и одиночество охватывают с такой же силой и неодолимостью, как и перед лицом набегающего урагана. О, какие только безвестные ужасы не мерещатся провинциальной душе при звуках шаркающих о камень сотен тысяч человеческих подошв, сколь невыносим для чуткого слуха, привычного к пустотам тишины полей, одновременный лай и кашель, вылетающий из горячих глоток множества моторов. Красные трамваи с труженическим рычанием тащат сквозь толпы легковых машин свою надоевшую ношу, с треском искрят на ходу дугами и тяжело постукивают стальными стопами по железным тропинкам. Когда гудит в полдень Москва, кипя родниками неисчислимых своих площадей, сливая потоки жизненных струй в русла улиц, в тоннели подземки или впитывая людей каменной губкой многоячеистых зданий. Мы влились капельками надежды в kloкочущий котел Москвы и вмиг отдали свою жизнь кипению загадочного варева. За-

чем столько машин, троллейбусов, сверкающих шпилей на вершинах гордых небоскребов? Она, столица, покоряет провинциала всего один раз — зато навсегда. Отныне он, кто бы ни был, до смерти своей запомнит образ огненного вихря, который гудит над вершиною громадной страны.

(По А. Киму)

С моря дул влажный холодный ветер, разнося по степи задумчивую мелодию плеска набегавшей на берег волны и шелеста прибрежных кустов. Изредка его порывы приносили с собой сморщенные желтые листья и бросали их в костер, раздувая пламя; окружавшая нас мгла осенней ночи вздрагивала и, пугливо отодвигаясь, открывала на миг слева — безграничную степь, справа — бесконечное море и прямо против меня — фигуру Макара, старого цыгана. Он сторожил коней своего табора, раскинутого шагах в пятидесяти от нас.

Не обращая внимания на то, что холодные волны ветра, распахнув рубашку, обнажили его волосатую грудь и безжалостно бьют ее, он полулежал в красивой, сильной позе, лицом ко мне, методически потягивая из своей громадной трубки, выпуская изо рта и носа густые клубы дыма и, неподвижно уставив глаза куда-то через мою голову в мертво молчавшую темноту степи, разговаривал со мной, не умолкая и не делая ни одного движения к защите от резких ударов ветра.

Ветер выл жалобно и тихо, во тьме ржали кони, а из табора плыла нежная и страстная песня.

(По М. Горькому)

Дед Архип и Ленька

Ожидая паром, они оба легли в тень от берегового обрыва и долго молча смотрели на быстрые и мутные волны Кубани у их ног. Ленька задремал, а дед Архип, чувствуя тупую, давящую боль в груди, не мог уснуть. На темно-коричневом фоне земли их обтрепанные и скорченные фигуры едва выделялись двумя жалкими комками. Их лица, утомленные, загорелые и пыльные, были совсем под цвет бурым лохмотьям.

Задремавший Ленька лежал калачиком сбоку деда. Ленька был маленький, хрупкий, в лохмотьях он казался корявым сучочком, отломленным от деда — старого иссохшего дерева, принесенного и выброшенного сюда, на песок, волнами реки.

Дед, приподняв на локте голову, смотрел на противоположный берег, залитый солнцем и бедно окаймленный редкими кустами кизняка; из кустов высовывался черный борт парома. Серая полоса дороги уходила от реки в глубь степи. Дед то и дело сдержанно кашлял и, поглядывая на внука, прикрывал рот рукой. Кроме его кашля да тихого шороха волн о песок, в степи не было никаких звуков.

(По М. Горькому)

На самой высокой горе лежала пышная шапка снега, и теперь, озаренная прощальным лучом заката, она блестела ярко-красным золотом. Но он, этот последний луч, все бледнел — и ущелье, с разбросанными по бокам его серыми саклями, становилось все мрачнее и мрачнее. По дну его быстро бежала, высоко взбрасывая брызги, маленькая горная речка; холодной сталью блистала во мраке ее вода, и шум течения был не жив и весел, а безнадежно грустен, и порой в нем слышались шипящие, злые звуки.

На вершине горы уже угас закат, и ущелье стало похожим на громадную пасть, раскрывшуюся, чтобы проглотить угасающий день. А маленькая грузинская деревенька, спрятанная в нем, еще не спала. И когда старый Максим, притаившийся высоко над нею за камнем, слышал их, он нетерпеливо щелкал пальцем по блестящему стволу своего ружья и кидал из-под густых седых бровей острый взгляд туда, вниз, на деревню, откуда лился медный звон и шипящий говор речонки. Время казалось ему нестерпимо длинным, и он готов был думать, что этот день нарочно так медленно гаснет. Он хотел помешать ему, старику, уплатить свой долг.

Но нет, ничто не помешает!

Он решил и дождется своего, хотя бы ему нужно было для этого неделю пролежать тут, в камнях, над пропастью и узкой тропинкой, лентой окаймлявшей ее крутой край.

(По М. Горькому)

Чисто выметенная и еще сырая от недавно стаявшего снега улица была пустынна, но красива выдержанной немного тяжелой красотой. Большие белые дома с лепными украшениями по карнизам и в простенках между окнами, окрашенные в тонко-розоватый оттенок весенними лучами заходящего солнца, смотрели на свет божий сосредоточенно и важно. Стаявший снег смыл с них пыль, и они стояли почти вплотную друг к другу такими чистыми, свежими, сытыми. И небо сияло над ними так же солидно, светло и довольно.

Павел шел и, чувствуя себя в полной гармонии с окружающим, лениво думал о том, как хорошо можно жить, если не требовать от жизни многого, и как самонадеянны и глупы те люди, которые, обладая грошами, требуют себе от жизни на рубли.

Думая так, он не заметил, как вышел на набережную улицы. Перед ним внизу стояло целое море воды, холодно блесевшее в лучах солнца, далеко на горизонте медленно опускавшегося в него. Река, как и отраженное в ней небо, была торжественно покойна. Ни волн, ни частой сети ряби не видно было на ее полированно-холодной поверхности. Широко размахнувшись, она, точно утомленная этим размахом, покойно уснула. А на ней томно таяла пурпурно-золотая бархатная полоса лучей заката. Далеко, уже окутанная сизой дымкой вечера, виднелась узкая лента земли, отделяя воду от неба, безоблачного и пустынного, как и накрытая им река. Хорошо бы было плыть свободной птицей между ними, мощно рассекая крылом синий свежий воздух!

(По М. Горькому)

Было шесть часов вечера. Дул ветер, вздымая тут и там прозрачные тучки снега. Эти холодные тучки, красивые и легкие, как кусочки смятой кисеи, лежали всюду, попадали в лица пешеходов и кололи ледяными уколами кожу щек, осыпали морды лошадей. Лошади мотали головами и звучно фыркали, выпуская из ноздрей клубы горячего пара. На телеграфных проволоках висел иней, и они казались шнурами из белого плюша. Небо было ясно, и в нем сверкало много звезд. Они сверкали так ярко, что казалось, как будто их к этому вечеру кто-то прилежно вычистил щеткой с мелом, чего, конечно, не могло быть.

На улице было шумно и оживленно. Мчались рысаки, шли пешеходы, причем одни из них шли торопливо, а другие — неторопливо, и эта разница, очевидно, зависела, во-первых, от того, что одни имели некоторые дела и заботы или не имели теплых пальто, а, во-вторых, другие не имели никаких дел и забот и имели не только теплые пальто, но даже и шубы.

Действительно, становилось всё холодней. И тучки снега понемногу превращались в густые вихрастые клубы. Они крутились по улице то в виде белых столбов, то в виде длинных полос пышной ткани, осыпанной бриллиантами. Казалось, они вспыхивали массой разноцветных искр, холодных и колющих глаз своим острым блеском.

(По М. Горькому)

В эту ночь все было несколько исключительно: пение вьюги слишком громко и торжественно, хлопья снега носились в воздухе как-то особенно тихо, и были они так крупны и липки, что казалось, будто небо, раздраженное жалким видом спящего города, хочет навеки засыпать его.

Они падали неустанно вот уже часа два кряду и все еще не могли покрыть землю своей белой пеленой; некоторые из них, как бы не желая бесполезно гибнуть в грязи, налипли тяжелыми тучками на стены мокрых зданий, холодно смотревших темными пятнами окон друг на друга и на улицу, по которой носилась тяжелая и сырая вьюга конца осени. Газовые фонари шурились, мигали и, покрытые тающим снегом, казались утомленными в борьбе с тьмой, плачущими от бессилия, и полосы их света, мечеобразные и дрожащие, бесполезно, ничего не освещая, исчезали в серой мгле.

Было еще не поздно. В окнах гостиницы горели огни. Иногда из густой кашицы, кипевшей на улице, выплывала пролетка и с глухим дребезгом снова пропадала в ней; иногда, гораздо реже, в этой кашеце ныряла одинокая фигура, съезженная, юркая и вся залепленная снегом.

(По М. Горькому)

Подходя к домику в три окна, красиво спрятавшемся за палисадником, почтальон замедлил шаги и, поправив свою сумку, переложил письма из руки в руку, а поравнявшись со средним окном дома, предупредительно кашлянул и остановился.

Часов в девять вечера почтальон снова шагал по этой улице мимо домика в три окна, но уже без сумки, не спеша, как человек, вышедший на прогулку. На нем был белый китель, выстиранный и выглаженный, о чем свидетельствовали блестящие швы. Молодое усатое лицо смотрело озабоченно, и густые брови над большими серыми глазами были нахмурены. Он уже не кашлянул, когда поравнялся с окнами серенького домика за палисадником, а только взглянул на него, не изменяя походки, прошел мимо. С начала весны он носил письма в этот дом часто-часто; потом они приходили реже, наконец стали появляться раз в неделю, а вот теперь их нет уже десятый день.

Их всегда ждали с нетерпением и, принимая, оживлялись, тотчас же читали их тут же у окна с веселым лицом, сияющим радостью.

Почтальону все это доставляло большое удовольствие; он подавал письма с улыбкой, ему в ответ тоже по-дружески улыбались; иногда он, подавая письмо, слышал такой хороший, душевный смех. А теперь ему больше не улыбаются и если спрашивают, есть ли письмо, так всегда сухим и сердитым голосом, точно это он виноват в том, что писем больше нет.

(По М. Горькому)

Наступает ночь

Уже вода реки впереди и сзади парохода потемнела и кажется густой, как масло, потемнела и яркая зелень кустарника, пыльным ковром покрывшая скаты горного берега, поднимается ветер, сырой и холодный, небо сплошь покрыто тучами, неподвижно застывшими над широкой рекой, луговой берег далеко вглубь залит спокойной, блестящей пеленой воды, кое-где ее прорвали большие темные пятна островов, образовавшихся от убыли, — но разлив еще широк, и всюду на горизонте холодно блестят полосы воды, невозмутимо спокойной и ясно отражающей тяжелые лохматые облака.

А вокруг парохода, в фарватере, ветер поднял на реке шумную жизнь: маленькие волны идут друг на друга и плещут о борт парохода, разбивающего их в брызги и пену тяжелыми колесами; от кормы к берегам двумя пышными грядами разбегается вспененная вода, и тяжелые вздохи машины, вместе с неумолчной, навевающей скуку музыкой волн, наполняют сырой и гулкий воздух весенней ночи глухим шумом, таким же однообразным и мутным, как и это облачное небо над взволнованной ветром и судном многоводной мощной рекой.

(По М. Горькому)

Тоскливый дождь осени, не умолкая, стучит в стекла окон, и сквозь них ничего не видно, кроме тьмы, неподвижной и густой. Как будто жалуясь на что-то, звучит вода, сбегая с крыш, и этот унылый звук напоминает о существовании движения и жизни за окном, во тьме, скрывшей собою и небо, и землю.

В кабинете, уютно убранном и освещенном рабочей лампой с зеленым абажуром, за столом, в глубоком кресле, лицом к окну, сидит человек, высокий и полуседой, и, не отрывая глаз от тьмы за стеклами, упорно смотрит в нее большими серыми глазами из-под нахмуренных бровей. Его изрытое морщинами лицо неподвижно, губы плотно сжаты, и он так держится пальцами за ручки кресла, точно ожидает, что какая-то сила оторвет его от кресла и бросит в эту тьму, навевавшую на душу холод и тоску. В окно дует, пламя лампы колеблется, и по стенам кабинета бесшумно ползают странные тени — целый мир бесформенных, полупрозрачных, дрожащих пятен. Они так дрожат, точно им хочется вырваться из комнаты туда, за окно, и они не могут этого сделать и страдают от бессилия.

И человек, стоящий у окна, порою вопросительно смотрит на них, как бы ища в их движении ответа на думы, поглотившие его. Из всех углов его комнаты на него смотрят темные глаза одиночества, и все предметы вокруг, погруженные в полумрак, изменили свои контуры и утратили свой обычный вид.

(По М. Горькому)

Ночью лес принял неописуемо жуткий и сказочный вид: синяя стена его выросла выше, и в глубине ее, между черных стволов, безумно заматались, запрыгали красные мохнатые звери. Они припадали к земле до корней и, обнимая стволы, ловкими обезьянами не спеша лезли вверх, боролись друг с другом, ломая сучья, свистели, гудели, ухали, и лес хрустел, точно тысячи собак грызли кости.

Бесконечно разнообразно строились фигуры огня между черных стволов, и была неутомима пляска этих фигур. Вот, неуклюже подпрыгивая, кувыркаясь, выкатывается на опушку леса большой рыжий медведь, а поравнявшись с ней, теряет клочья огненной шерсти, лезет, точно за медом, по стволу вверх, а достигнув кроны, обнимает ветви ее мохнатым объятием багровых лап, качается на них, осыпая хвою дождем золотых искр; вот зверь легко переметнулся на соседнее дерево, а там, где он был, на черных, голых ветвях зажглись во множестве голубые свечи, по сучьям бегут пурпуровые мыши, и при ярком движении их хорошо видно, как затейливо курятся синие дымки и как по коре ствола ползут, вверх и вниз, сотни огненных муравьев.

Иногда огонь выползал из леса медленно, крадучись, точно кошка на охоте за птицей, и, вдруг подняв острую морду, озирался. Или вдруг являлся сверкающий, пламенный медведь и полз по земле на животе, широко раскидывая лапы, загребая траву в красную оголенную пасть.

(По М. Горькому)

Разогнав дымчатые клочья облаков, похожие на овечью шерсть, ветер чисто вымел небо, уложил затейливыми, причудливыми фесто-нами пыль немощной улицы и притих, точно сам зарылся в пыль. Слетелись воробьи; прыгая мячиками, они шумно и хлопотливо выщипывают перья с отрубленной головы петуха; из подворотни вылез одноглазый черный кот, прилег, нацелился, прыгнул, но не поймав воробья, потрогал мягкой лапой петушину голову, взял ее в зубы, встряхнул и, не торопясь, солидно разводя хвостом, унес добычу...

Вдали, внизу, за оловянной полосой реки, за рыжей грудой зданий водосточного завода и серыми пятнами домов, опускается к песчаным

холмам, в черные мохнатые кусты можжевельника, распухшее, лишенное лучей, оранжевое солнце, как будто оно, гладко бритое, ускользнуло и прячется от кого-то.

Это повторялось каждый вечер и надоело, как страница многократно прочитанной книги, прочно вклеившаяся в память.

(По М. Горькому)

Поздно вечером, когда уже потемнела зелень деревьев и птицы заснули в гнездах, Миронов вышел в сад и лег на траву под яблоней, глядя в небо сквозь пыльную сеть листвы. Трудно было понять, почему из синеватой, льдистой чаши небес изливается на землю столь тяжелая духота. Бледненький осколок луны таял над яблоней. В пыльном воздухе лениво плавали голоса людей, истомленных дневной работой и зноем; эти голоса мешали Миронову: он любил погружаться в тишину, как в воду, а для этого необходимо, чтоб тишина была совершенной, тогда он чувствовал себя свободным, легким, качался, плыл, и в нем возникала приятно певучая, бесконечная дума, лишенная слов, форм, образов.

Тогда небо, земля и все на ней как бы плавилось, таяло, медленными волнами текло куда-то, кругами поднималось беспредельно вверх, сам он весь звучал, и в то же время его не было, был только тихий полет.

Он не знал, не испытывал ничего лучше и таинственнее этого бездумного, певучего подъема земли к звездам и с ними все выше, туда, где, вероятно, обитает некое величественное и необыкновенно ласковое существо — оно-то и есть неиссякаемый источник этой опьяняющей музыки.

(По М. Горькому)

На пороге, прислонясь плечом к косяку двери, стоял высокий плечистый мужчина лет тридцати пяти. По костюму это был типичный босняк, по лицу — настоящий славянин. На нем красная кумачовая рубашонка, невероятно грязная и рваная, холщовые широкие шаровары, на одной ноге остатки резинового ботика, на другой — кожаный опо-

рок. Светло-русые волосы на голове были спутаны, и в них торчали щепочки, соломинки. Все это было и в его русой бороде, точно веером закрывавшей ему грудь. Продолговатое, бледное, изнуренное лицо освещалось большими голубыми глазами, они смотрели ласково. Губы его, красивые, но немного бледные, тоже улыбались под русыми усами. Это был Коновалов — новый пекарь. Он сел на скамью и молча, улыбаясь, осматривался вокруг.

Пекарня помещалась в подвале со сводчатым потолком, ее три окна, выходящие во двор, были ниже уровня земли. У стен стояли длинные лари: один с тестом, другой с опарой, третий пустой. Преогромная печь занимала полпекарни. В печи жарко горели длинные дрова, и отраженное на бледно-серой стене пламя колебалось и дрожало, как будто рассказывало о чем-то.

(По М. Горькому)

Была ночь, и начиналась вьюга. Мой слух ловил какие-то странные звуки, точно тихий шепот или чьи-то вздохи с улицы проходили сквозь стены в мою маленькую комнату, на две трети утопавшую в тени. Это, должно быть, снег, вздымаемый ветром, шуршал о стены дома и стекла окон. Вот мимо окна пронеслось в воздухе что-то легкое и белое, пронеслось и исчезло, повеяв на душу холодом.

Я подошел к окну и посмотрел на улицу, прислонив голову, разгоряченную работой воображения, к холодной раме. Пустынна была улица. С дороги то и дело срывались силой ветра прозрачные дымки снега и взлетали на воздух, как клочья белой прозрачной ткани. Против моего окна горел фонарик. Огонек его трепетал, борясь с ветром, дрожащая полоса света широким мечом простиралась в воздухе, а с крыш домов сыпался снег, влетая в эту полосу, а влетев, вспыхивал в ней на миг разноцветными искрами. Мне стало грустно и холодно смотреть на эту игру ветра. Быстро раздевшись, я потушил лампу и лег спать.

Когда погас огонь и тьма наполнила собою мою комнату, звуки стали как бы слышнее, а окно смотрело прямо на меня большим мутно-белым пятном. Часы торопливо считали секунды, иногда шорох снега заглушал их бесстрастную работу, но потом я снова слышал звук секунд, падавших в вечность. Порой они звучали с такой отчетливой ясностью, словно часы помещались у меня в голове.

(По М. Горькому)

ИЗЛОЖЕНИЯ

Деревня показалась ему довольно велика; два леса, березовый и сосновый, как два крыла, одно темнее, другое светлее, были у ней справа и слева; посреди виднелся деревянный дом с мезонином, красной крышей и темно-серыми или, лучше, дикими стенами, — дом вроде тех, как у нас строят для военных поселений и немецких колонистов. <...>

Двор окружен был крепкою и непомерно толстою деревянною решеткой. Помещик, казалось, хлопотал много о прочности. На конюшни, сарай и кухни были употреблены полновесные и толстые бревна, определенные на вековое стояние. Деревенские избы мужиков тож срублены были на диво. <...> Словом, все, на что ни глядел он, было упористо, без пошатки, в каком-то крепком и неуклюжем порядке. <...>

На крыльцо вышел лакей в серой куртке с голубым стоячим воротником и ввел Чичикова в сени, куда вышел уже сам хозяин. Увидев гостя, он сказал отрывисто: «Прошу!» — и повел его во внутренние жилища.

Когда Чичиков взглянул искоса на Собакевича, он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя. Для довершения сходства фрак на нем был совершенно медвежьего цвета, рукава длинные, панталоны длинные, ступнями ступал он и вкривь и вкось и наступал беспрестанно на чужие ноги. Цвет лица имел каленый, горячий, какой бывает на медном пятаке. Известно, что есть много на свете таких лиц, над отделкою которых натура недолго мудрила, не употребляла никаких мелких инструментов, как-то: напильников, буравчиков и прочего, но просто рубила со всего плеча:хватила топором раз — вышел нос,хватила в другой — вышли губы, большим сверлом ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свет, сказавши: «Живет!» Такой же самый крепкий и на диво стаченный образ был у Собакевича: держал он его более вниз, чем вверх, шеей не ворочал вовсе и в силу такого неповорота редко глядел на того, с которым говорил, но всегда или на угол печки, или на дверь. Чичиков еще раз взглянул на него искоса, когда проходили они столовую: медведь!

совершенный медведь! Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михаилом Семеновичем. Зная привычку его наступать на ноги, он очень осторожно передвигал своими и давал ему дорогу вперед. Хозяин, казалось, сам чувствовал за собою этот грех и тот же час спросил: «Не побеспокоил ли я вас?» Но Чичиков поблагодарил, сказав, что еще не произошло никакого беспокойства.

Вошел в гостиную, Собакевич показал на кресла, сказавши опять: «Прошу!» Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах всё были молодцы, всё греческие полководцы, гравированные во весь рост. <...>

Все эти герои были с такими толстыми ляжками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные. Хозяин, будучи сам человек здоровый и крепкий, казалось, хотел, чтобы и комнату его украшали тоже люди крепкие и здоровые. Возле Бобелины, у самого окна, висела клетка, из которой глядел дрозд темного цвета с белыми крапинками, очень похожий тоже на Собакевича.

(Н.В. Гоголь)

(489 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) фрагмент поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каковы приемы сатирической зарисовки помещиков в поэме?*

Готовясь к изложению:

- а) определите, какие типы речи встречаются в тексте;
- б) объясните постановку знаков препинания в предложениях с обособленными членами;
- в) напишите словарный диктант: *мезонин, колонист, панталоны, беспрестанно наступал, на диво стаченный, гравированные во весь рост.*

Впрочем, Базаров скоро сам перестал запираяться: лихорадка работы с него *соскочила* и заменилась тоскливою скукой и глухим беспокойством. Странная усталость замечалась во всех его движениях, даже походка его, твердая и стремительно смелая, изменилась. Он перестал гулять в одиночку и начал искать общества; пил чай в гостиной, бродил по огороду с Василием Ивановичем и курил с ним «в молчанку». <...> Василий Иванович сперва обрадовался этой перемене, но радость его была непродолжительна. «Енюша меня сокрушает, — жаловался он втихомолку жене, — он не то что недоволен или сердит, это бы еще ничего; он огорчен, он грустен — вот что ужасно. Все молчит, хоть бы побранил нас с тобою; худеет, цвет лица такой нехороший». <...> Василий Иванович несколько раз пытался самым осторожным образом расспросить Базарова об его работе, об его здоровье, об Аркадии... Но Базаров отвечал ему нехотя и небрежно. <...> Так же бесплодны остались его политические намеки. Заговорив однажды, по поводу близкого освобождения крестьян, о прогрессе, он надеялся возбудить сочувствие своего сына; но тот равнодушно промолвил: «Вчера я прохожу мимо забора и слышу, здешние крестьянские мальчики, вместо какой-нибудь старой песни, горланят: *Время верное приходит, сердце чувствует любовь...* Вот тебе и прогресс».

Иногда Базаров отпраивался на деревню и, подтрунивая по обыкновению, вступал в беседу с каким-нибудь мужиком. «Ну, — говорил он ему, — излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнется новая эпоха в истории, — вы нам дадите и язык настоящий и законы». Мужик либо не отвечал ничего, либо произносил слова вроде следующих: «А мы многим... тоже, потому, значит... какой положон у нас, примерно, придел». — «Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир? — перебивал его Базаров, — и тот ли это самый мир, что на трех рыбах стоит?»

— Это, батюшка, земля стоит на трех рыбах, — успокоительно, с патриархально-добродушною певучестью объяснял мужик, — а против нашего, то есть, миру, известно, господская воля; потому вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику.

Выслушав подобную речь, Базаров однажды презрительно пожал плечами и отвернулся, а мужик побрел восвояси.

— О чем толковал? — спросил у него другой мужик средних лет и угрюмого вида, издали, с порога своей избы, присутствовавший при беседе его с Базаровым. — О недоимке, что ль?

— Какое о недоимке, братец ты мой! — отвечал первый мужик, и в голосе его уже не было следа патриархальной певучести, а, напротив, слышалась какая-то небрежная суровость, — так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?

— Где понять! — отвечал другой мужик, и, тряхнув шапками и осунув кушаки, оба они принялись рассуждать о своих делах и нуждах. Увы! презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового...

(И.С. Тургенев)

(444 слова)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как вечная проблема «отцов и детей» отразилась в романе И.С. Тургенева?*

Готовясь к изложению:

а) напишите словарный диктант: *лихорадка, соскочила, гулять в одиночку, гостиная, жаловался втихомолку, политический, прогресс, излагать воззрения, будущность России, положен предел, объясняя с патриархально-добродушной певучестью, был чем-то вроде шута горохового;*

б) проиллюстрируйте примерами из текста правило обособления обращений на письме.

Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновение, и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их

шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце, или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берез внезапно принимали нежный отблеск белого шелка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету перспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять все кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, березы стояли все белые, без блеску, белые как только что выпавший снег, до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца; и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь. Листва на березах была еще почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кое-где стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видеть, как она ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея, сквозь частую сетку тонких веток, только что смытых сверкающим дождем. Ни одной птицы не было слышно: все приютились и замолкли; лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы. Прежде чем я остановился в этом березовом леску, я с своей собакой прошел через высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам. Она бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходится в упор рдеющим лучам заходящего солнца и блестит и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым желтым багрянцем, — или, когда, в ясный ветренный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист ее, подхваченный стремленьем, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться

вдаль. Но вообще я не люблю этого дерева и потому, не остановясь в осиновой роще для отдыха, добрался до березового леска, угнездился под одним деревцем, у которого сучья начинались низко над землей и, следовательно, могли защитить меня от дождя, и, полюбовавшись окрестным видом, заснул тем безмятежным и кротким сном, который знаком одним охотникам.

(И. Тургенев)

(464 слова)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из произведения И.С. Тургенева «Свидание».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *В чем своеобразие тургеневского пейзажа?*

Готовясь к изложению:

а) выделите микротемы текста;

б) определите, какие приемы художественной выразительности использует автор;

в) выпишите понравившиеся словосочетания.

В начале июля, в чрезвычайно жаркое время под вечер один молодой человек вышел из своей каморки. <...>

Он благополучно избежал встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлю высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже. <...> Каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого стыдился и от которого морщился. Он был должен кругом хозяйке и боялся с нею встретиться. <...>

На улице жара стояла страшная, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная летняя вонь, столь известная каждому петербуржцу, не имеющему возможности нанять дачу, — все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшиеся, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины. Чувство глубочайшего омерзения мельк-

нуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен. Но скоро он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытие, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать. Изредка только бормотал он что-то про себя, от своей привычки к монологам, в которой он сейчас сам себе признался. В эту же минуту он и сам сознавал, что мысли его порою мешаются и что он очень слаб второй день, как уж он почти совсем ничего не ел.

Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посовестился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу. Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить. <...>

Но столько злобного презрения уже накопилось в душе молодого человека, что, несмотря на всю свою, иногда очень молодую, шекотливость, он менее всего совестился своих лохмотьев на улице. <...>

А между тем, когда один пьяный, которого неизвестно почему и куда провозили в это время по улице в огромной телеге, запряженной огромною ломовою лошадью, крикнул ему вдруг, проезжая: «Эй ты, немецкий шляпник!» — и заорал во все горло, указывая на него рукой, — молодой человек вдруг остановился и судорожно схватился за свою шляпу. Шляпа эта была высокая, круглая, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону. Но не стыд, а совсем другое чувство, похожее даже на испуг, охватило его. <...>

Идти ему бы по немного; он даже знал, сколько шагов от ворот его дома: ровно семьсот тридцать. Как-то раз он их сосчитал, когда уж очень размечтался. В то время он и сам еще не верил этим мечтам своим и только раздражал себя их безобразною, но соблазнительною дерзостью. Теперь же, месяц спустя, он уже начинал смотреть иначе и, несмотря на все поддразнивающие монологи о собственном бессилии и нерешимости, «безобразную» мечту как-то даже поневоле привык считать уже предприятием, хотя все еще сам себе не верил. Он даже шел теперь делать пробу своему предприятию, и с каждым шагом волнение его возрастало все сильнее и сильнее.

(Ф. Достоевский)

(508 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каковы особенности образа Петербурга в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»?*

Готовясь к изложению:

а) выпишите прилагательные и существительные, передающие чувства героя; подумайте, являются ли они ключевыми словами текста;

б) объясните значение слов: *колорит, щекотливость, дерзость, предприятие*; подумайте, в каком значении употребляет их автор.

Друг Гоголя, известный в свое время писатель и критик П.В. Анненков вспоминает: «Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского ружья рублей в 200(асс.). На охоте ружье было стянуто в воду, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших ему новое ружье, возвращен он был к жизни... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, исключая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслию чудной повести его «Шинель». <...>

Вы видите теперь, прочитав повесть, насколько отошел Гоголь от «канцелярского анекдота». Зерно анекдота, конечно, сохранилось: некое чрезвычайное событие в жизни бедного чиновника, потеря им очень важной и дорогой для него вещи. Но конкретное протекание события и его исход, облик главного персонажа — все это под пером Гоголя претерпело решительные изменения. Изменения, которые помогают нам понять творческое задание повести.

Хотя мы мало что знаем о чиновнике из «канцелярского анекдота», об его образе жизни, привычках и т.д., но одно все же известно: он был страстный охотник. А это значит, что чиновничья служба не поглощала все его душевные силы, оставляя место для других, так

сказать внеслужебных увлечений, для того, что сегодня принято называть хобби.

Иное дело Акакий Акакиевич: он всецело жил «в своей должности». Переписыванию посвящались часы его департаментских занятий и часы после работы, предназначенные для отдыха и развлечения. «Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало». <...>

Продолжим сопоставление повести с «канцелярским анекдотом». Фигурирующее в нем ружье — это предмет не первой необходимости, но в какой-то мере прихоти, хотя он и приобретен ценою невероятных усилий и лишений. Кстати, в тексте «Шинели» словно брошен намек на такого рода приобретение: упомянуто о чиновниках, судя по всему небогатых чиновниках, обзаводящихся модной «лампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний». Строки эти подготавливают, предваряют историю приобретения Акакием Акакиевичем шинели. Подготавливают методом противопоставления, контраста. Ведь в отличие от ружья, модной лампы и т.д., шинель для Акакия Акакиевича — вещь насущно необходимая. <...> И сколько душевных сил, сколько экономии, хитроумнейших грошовых расчетов бедности, сколько дум было отдано этой обновке! Шинель поистине стала смыслом всей многотрудной и безрадостной жизни Акакия Акакиевича.

Далее: утрата чиновником-охотником вещи — это результат случайности и небрежения. Со всяким может случиться такое, и винить тут, собственно, некого. Но роковая потеря Акакия Акакиевича целиком находится в зависимости от людских отношений — хищничества и грубой физической силы одних, бессердечия и душевной черствости других.

Финал «Шинели» в корне противоположен «канцелярскому анекдоту». Вспомните: участием товарищей, возмевших «общей подпиской» потерю ружья, пострадавший чиновник «возвращен... был к жизни». В гоголевской повести есть строки, словно подсказанные этим эпизодом: чиновники тоже решили сделать складчину в пользу Акакия Акакиевича, но собрали «самую безделицу» — ведь они уже изрядно поиздержались, «подписавшись на директорский портрет» и на книгу какого-то автора, который был приятелем начальника отделения. И тут намек на канцелярский

анекдот важен Гоголю своим контрастом: в судьбе Акакия Акакиевича все сложилось тяжелее и трагичнее — никто не заступился и не помог ему. Ни сослуживцы по департаменту, ни блюстители порядка — полицейские, ни «значительное лицо», к которому вынужден был обратиться Акакий Акакиевич. Повесть в заключение лицом к лицу сталкивает маленького человека с жестокой бюрократической машиной старой России. И эта машина безжалостно давит и уничтожает его.

(Ю. Манн)

(473 слова)

З а д а н и е

1. Перескажите фрагмент статьи Ю. Манна «Одно из глубочайших созданий Гоголя».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как следует понимать фантастический финал повести Н.В. Гоголя «Шинель»?*

<...> Достоевский давно стал писателем не только русским — мировым, и масштаб его нынешнего понимания должен соответствовать этому. Все бедствия XX века, о которых привычно говорят столбцы газет: манипулирование сознанием масс, наркотический дурман, левый и правый терроризм, жизнь под страхом ядерной бомбы и прочая и прочая, — было бы преувеличением считать, что Достоевский предсказал все эти ужасы. Но что он угадал и «вычислил» психологию, с этим связанную — бесспорно. А кое-что, вроде идей «великого инквизитора» или теории Раскольникова, оправдывающей убийство, или горячечных мечтаний персонажей «Бесов» о механически регламентированном человечестве, где «всякого гения потушат в младенчестве», будто увидел он в пророческом сне. <...>

В жизни Достоевского, на самом его восходе, было событие, определившее всю позднейшую его философию и личную судьбу. Приговоренный в 1849 году к смертной казни, он пережил несколько ужасающих минут на эшафоте, обитом черным сукном. Смерть носилась перед его взором, заставляя острее оценить притягательность жизни. Самоубийство стало для него навсегда не только запретным, но позорным исходом, и мерзейшего из своих

героев — Смердякова он накажет этим иудиним концом. Сам же Достоевский уверует в то, что жизнь не кончается со смертью, и нужна какая-то иная, чем привычно сознанию, мера, чтобы оценить поступки людей.

Люди не вправе распоряжаться любой, пусть самой ничтожной человеческой жизнью. Достоевский говорил об этом, когда цена одной жизни казалась куда большей. XX век пытался приучить нас к другой социальной арифметике — массового уничтожения людей в тех или иных целях и обычно под предлогом общественного блага.

Раскольников убивает старушку-процентщицу, жалкую «вошь», следуя отвлеченной «идее» и делая одновременно испытание своей «свободе воли», — им не принята в расчет лишь пытка совести. Иван Карамазов никого не убивает, но его «идея», его «слово» развязывает руки отцеубийце Смердякову.

Человек плохо сознает последствия своих поступков, хочет сказать Достоевский, а человек рационально мыслящий — хуже всего. Словно рок тяготеет над людьми, ставшими жертвами общественного возбуждения в романе «Бесы»: соединяясь для борьбы в самых лучших целях, они легко впадают в «бесовщину».

Дорога к вечности шла у Достоевского через ближайшую и тесно обступившую его современность. Газета, судебный отчет, разговоры в трактирах, толки на улице и в гостиных — вот почва его творчества. <...>

Таким образом, в его пророческом даре не было, по-видимому, ни капли мистицизма. Есть люди, хоть они и редки, которые, подобно некоторым зверям, обладают сверхчуткостью в отношении отдаленных тектонических взрывов и «кожей чувствуют» землетрясение. Есть и другие — разыскатели колодцев, которые в безводной пустыне, шагая с палочкой в руках, безошибочно укажут место, где надо копать, чтобы добраться до водоносного слоя. Достоевский обладал этой сверхчуткостью в отношении общественной и личной природы человека. То, что не замечалось другими и было лишь еле заметной почкой, бледным, ничтожным, едва проклюнувшимся ростком будущего «анчара», ядовитого дерева, прозревалось им, как будто его плоды он уже видел собранными в корзинах.

(В. Лакишин)

(440 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из эссе В. Лакшина «Достоевский — писатель XX века».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как мастерство Достоевского-психолога выразилось в его романе «Преступление и наказание»?* (При ответе на вопрос используйте анализ одного из эпизодов.)

Готовясь к изложению:

а) объясните значение слов: *терроризм, мистицизм, эшафот*;

б) охарактеризуйте текст с точки зрения образности и эмоциональности.

Полчаса спустя Анна Сергеевна в сопровождении Василия Ивановича вошла в кабинет. Доктор успел шепнуть ей, что нечего и думать о выздоровлении больного.

Она взглянула на Базарова... и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленное и в то же время мертвенное лицо с устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась каким-то холодным и томительным испугом; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы точно его любила, — мгновенно сверкнула у ней в голове.

— Спасибо, — усиленно заговорил он. <...> — Это по-царски. Говорят, цари тоже посещают умирающих.

— Евгений Васильич, я надеюсь...

— Эх, Анна Сергеевна, станемте говорить правду. Со мной кончено. Попал под колесо. И выходит, что нечего было думать о будущем. Старая штука смерть, а каждому внове. До сих пор не трушу... а там придет беспмятство, и *фюить!* (Он слабо махнул рукой.) Ну, что ж мне вам сказать... я любил вас! Это и прежде не имело никакого смысла, а теперь подавно. Любовь — форма, а моя собственная форма уже разлагается. Скажу я лучше, что — какая вы славная! И теперь вот вы стоите, такая красивая...

Анна Сергеевна невольно содрогнулась.

— Ничего, не тревожьтесь... сядьте там... Не подходите ко мне: ведь моя болезнь заразительная.

Анна Сергеевна быстро перешла комнату и села на кресло возле дивана, на котором лежал Базаров.

— Великодушная! — шепнул он. — Ох, как близко, и какая молодая, свежая, чистая... в этой гадкой комнате!.. Ну, прощайте! Живите долго, это лучше всего, и пользуйтесь, пока время. Вы посмотрите, что за безобразное зрелище: червяк полураздавленный, а еще топорщится. И ведь тоже думал: обломаю дел много, не умру, куда! задача есть, ведь я гигант! А теперь вся задача гиганта — как бы умереть прилично, хотя никому до этого дела нет... Всё равно: вилять хвостом не стану.

Базаров умолк и стал ощупывать рукой свой стакан. Анна Сергеевна подала ему напиток, не снимая перчаток и боязливо дыша.

— Меня вы забудете, — начал он опять, — мертвый живому не товарищ. Отец вам будет говорить, что вот, мол, какого человека Россия теряет... Это чепуха; но не разуверяйте старика. Чем бы дитя ни тешилось... вы знаете. И мать приласкайте. Ведь таких людей, как они, в вашем большом свете днем с огнем не сыскать... Я нужен России... Нет, видно, не нужен. Да и кто нужен? Сапожник нужен, портной нужен, мясник... мясо продает... мясник... постойте, я путаюсь... Тут есть лес...

Базаров положил руку на лоб.

Анна Сергеевна наклонилась к нему.

— Евгений Васильич, я здесь...

Он разом принял руку и приподнялся.

— Прощайте, — проговорил он с внезапной силой, и глаза его блеснули последним блеском. — Прощайте... Послушайте... ведь я вас не поцеловал тогда... Дуньте на умирающую лампаду, и пусть она погаснет...

Анна Сергеевна приложила губами к его лбу.

— И довольно! — промолвил он и опустился на подушку. — Теперь... темнота...

(И. Тургенев)

(439 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *В чем трагизм образа Евгения Базарова?*

Готовясь к изложению:

а) подумайте, каково значение многоточия в этом отрывке;

б) напишите словарный диктант: *в сопровождении, о выздоровлении, воспаленное, мертвенное, устремленные, по-царски, полураздавленный;*

в) подберите синонимы к просторечным словам и выражениям, сравните; подумайте, какие лучше использовать при пересказе: *попал под колесо, обломаю много дел, вилять хвостом не стану, мертвый живому не товарищ, чем бы дитя ни тешилось.*

Вот наконец мы пришли; смотрим: вокруг хаты, которой двери и ставни заперты изнутри, стоит толпа. Офицеры и казаки толкуют горячо между собою; женщины воют, приговаривая и причитывая. Среди них бросилось мне в глаза значительное лицо старухи, выражавшее безумное отчаяние. Она сидела на толстом бревне, облокотясь на свои колени и поддерживая голову руками: то была мать убийцы. Ее губы по временам шевелились: молитву они шептали или проклятие?

Между тем надо было на что-нибудь решиться и схватить преступника. Никто, однако, не отваживался броситься первый.

Я подошел к окну и посмотрел в щель ставня: бледный, он лежал на полу, держа в правой руке пистолет; окровавленная шашка лежала возле него. Выразительные глаза его страшно вращались кругом; порою он вздрагивал и хватал себя за голову, как будто неясно припоминая вчерашнее. Я не прочел большой решимости в этом беспокойном взгляде и сказал майору, что напрасно он не велит выломать дверь и броситься туда казакам, потому что лучше это сделать теперь, нежели после, когда он совсем опомнится.

В это время старый есаул подошел к двери и назвал его по имени; тот откликнулся.

— Согрешил, брат Ефимыч, — сказал есаул, — так уж нечего делать, покорись!

— Не покорюсь! — отвечал казак.

— Побойся бога! Ведь ты не чеченец окаянный, а честный христианин: ну, уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!

— Не покорюсь! — закричал казак грозно, и слышно было, как щелкнул взведенный курок.

— Эй, тетка! — сказал есаул старухе, — поговори сыну, авось тебя послушает... Ведь это только бога гневить. Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются.

Старуха посмотрела на него пристально и покачала головой.

— Василий Петрович, — сказал есаул, подойдя к майору, — он не сдастся — я его знаю; а если дверь разломать, то много наших перебьет. Не прикажете ли лучше его пристрелить? В ставне щель широкая.

В эту минуту у меня в голове промелькнула странная мысль: подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу.

— Погодите, — сказал я майору, — я его возьму живого.

Велев есаулу завести с ним разговор и поставив у дверей трех казаков, готовых ее выбить и броситься мне на помощь при данном знаке, я обошел хату и приблизился к роковому окну: сердце мое сильно билось.

— Ах ты окаянный! — кричал есаул, — что ты, над нами смеешься, что ли? али думаешь, что мы с тобой не совладаем? — Он стал стучать в дверь изо всей силы; я, приложив глаз к щели, следил за движениями казака, не ожидавшего с этой стороны нападения, — и вдруг оторвал ставень и бросился в окно головой вниз. Выстрел раздался у меня над самым ухом, пуля сорвала эполет. Но дым, наполнивший комнату, помешал моему противнику найти шашку, лежавшую возле него. Я схватил его за руки, казаки ворвались, и не прошло трех минут, как преступник был уже связан и отведен под конвоем. Народ разошелся, офицеры меня поздравляли — и точно, было с чем!

(М. Лермонтов)

(451 слово)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) фрагмент романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каково значение повести «Фаталист» для понимания темы судьбы в романе?*

Готовясь к изложению:

а) подберите синонимы к словам и выражениям: *толкуют, значительно* (лицо старухи), *безумное* (отчаяние), *беспокойный* (взгляд), *роковое* (окно);

б) объясните знаки препинания в диалоге;

в) найдите в тексте просторечные слова и выражения, определите их роль.

Прошло минут пять; сердце мое сильно билось, но мысли были спокойны, голова холодна; как я ни искал в груди моей хоть искры любви к милой Мэри, но старания мои были напрасны.

Вот дверь отворилась, и вошла она. Боже! как переменилась с тех пор, как я не видал ее, — а давно ли?

Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочил, подал ей руку и довел ее до кресел.

Я стоял против нее. Мы долго молчали; ее большие глаза, исполненные неизъяснимой грусти, казалось, искали в моих что-нибудь похожее на надежду; ее бледные губы напрасно старались улыбнуться; ее нежные руки, сложенные на коленях, были так худы и прозрачны, что мне стало жаль ее.

— Княжна, — сказал я, — вы знаете, что я над вами смеялся?.. Вы должны презирать меня.

На ее щеках показался болезненный румянец.

Я продолжал:

— Следственно, вы меня любить не можете...

Она отвернулась, облокотилась на стол, закрыла глаза рукою, и мне показалось, что в них блеснули слезы.

— Боже мой! — произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо: еще минута, и я бы упал к ногам ее.

— Итак, вы сами видите, — сказал я сколько мог твердым голосом и с принужденной усмешкою, — вы сами видите, что я не могу на вас жениться; если б вы даже этого теперь хотели, то скоро бы раскаялись. Мой разговор с вашей матушкой принудил меня объясниться с вами так откровенно и так грубо; я надеюсь, что она в заблуждении: вам легко ее разуверить. Вы видите, я играю в ваших глазах самую жалкую и гадкую роль, и даже в этом признаюсь; вот все, что я могу для вас сделать. Какое бы вы дурное мнение обо мне ни имели, я ему покоряюсь... Видите ли, я перед вами низок. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то с этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мне бледная, как мрамор, только глаза ее чудесно сверкали.

— Я вас ненавижу... — сказала она.

Я поблагодарил, поклонился почтительно и вышел.

Через час курьерская тройка мчала меня из Кисловодска. За несколько верст от Ессентуков я узнал близ дороги труп моего лихого коня; седло было снято — вероятно, проезжим казаком, — и вместо седла на спине его сидели два ворона. Я вздохнул и отвернулся...

И теперь, здесь, в этой скучной крепости, я часто, пробегая мыслию прошедшее, спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное?.. Нет, я бы не ужился с этой долею! Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига¹; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце; он ходит себе целый день по прибрежному песку, прислушивается к однообразному ропоту набегающих волн и всматривается в туманную даль: не мелькнет ли там на бледной черте, отделяющей синюю пучину от серых тучек, желанный парус, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-помалу отделяющийся от пены валунов и ровным бегом приближающийся к пустынной пристани...

(М. Лермонтов)

(481 слово)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) фрагмент романа М. Лермонтова «Герой нашего времени».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *В чем проявляются парадоксы личности Печорина?*

Готовясь к изложению:

а) выпишите словосочетания, соответствующие схемам $\overset{x}{\text{глаг.}} +$

$\overset{x}{+ \text{сущ.}}, \overset{x}{\text{глаг.}} + \text{нар.};$

б) предложения с прямой речью переделайте в конструкции с косвенной речью;

в) подумайте, каково значение точки с запятой в предложениях начала отрывка.

¹ Бриг — двухмачтовое парусное судно.

Лицо его не представляло ничего особенного; оно было почти такое же, как у многих худощавых стариков, один подбородок только выступал очень далеко вперед, так что он должен был всякий раз закрывать его платком, чтобы не заплевать; маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух. Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, которая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых охлопьями лезла хлопчатая бумага. На шее у него тоже было повязано что-то такое, которого нельзя было разобрать: чулок ли, подвязка ли, или набрюшник, только никак не галстук. Словом, если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош. Ибо к чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и он не мог никак удержаться, чтобы не подать бедному человеку медного гроша. Но пред ним стоял не нищий, пред ним стоял помещик. У этого помещика была тысяча с лишком душ, и попробовал бы кто найти у кого другого столько хлеба зерном, мукою и просто в кладях, у кого бы кладовые, амбары и сушилы загромождены были таким множеством холстов, сукон, овчин, выделанных и сыромятных, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянул бы кто-нибудь к нему на рабочий двор, где наготовлено было на запас всякого дерева и посуды, никогда не употреблявшейся, — ему бы показалось, уж не попал ли он как-нибудь в Москву на щепной двор.<...> На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобных изделий? во всю жизнь не пришлось бы их употребить даже на два таких имения, какие были у него, — но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь сим, он ходил еще каждый день по улицам своей деревни, заглядывал под мостики, под перекладыны и все, что ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, железный гвоздь, глиняный черепок, все тащил к себе и складывал в ту кучу, которую Чичиков заметил в углу комнаты. «Вон уже рыболов пошел на охоту!» — говорили мужики, когда видели его, идущего на добычу. И в самом деле, после него не-

зачем было мести улицу: случилось проезжавшему офицеру потерять шпору, шпора эта мигом отправилась в известную кучу; если баба, как-нибудь зазевавшись у колодца, позабывала ведро, он утаскивал и ведро. Впрочем, когда приметивший мужик уличал его тут же, он не спорил и отдавал похищенную вещь; но если только она попадала в кучу, тогда все кончено: он божился, что вещь его, куплена им тогда-то, у того-то или досталась от деда. В комнате своей он подымал с пола все, что ни видел: сургучик, лоскуток бумажки, перышко, и все это клал на бюро или на окошко.

(Н. Гоголь)

(474 слова)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) фрагмент поэмы Н. Гоголя «Мертвые души».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Какова роль предметно-бытовой детали в поэме Н. Гоголя?*

Готовясь к изложению:

а) объясните значение слов и выражений: *юфть, хлопчатая бумага, сушилы, сыромятные овчины, всякая овощь, или губина, щепной двор, сургучик;*

б) объясните постановку двоеточия в предложениях.

Лицо Ноздрева, верно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Таких людей приходилось всякому встречать немало. Они называются разбитными малыми, слывут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе «ты». Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ними того же вечера на дружеской пирушке. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народ видный. Ноздрев в тридцать пять лет был таков же совершенно, каким был в осьмнадцать и двадцать: охотник погулять. <...>

Дома он больше дня никак не мог усидеть. Чуткий нос его слышал за несколько десятков верст, где была ярмарка со всякими съездами и балами; он уж в одно мгновенье ока был там, спорил и заводил сумятицу за зеленым столом, ибо имел, подобно всем таковым, страстиш-

ку к картишкам. В картишки, как мы уже видели из первой главы, играл он не совсем безгрешно и чисто, зная много разных передержек и других тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густым и очень хорошим бакенбардам, так что возвращался домой он иногда с одной только бакенбардой, и то довольно жидкой. <...>

Ноздрев был в некотором отношении исторический человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории.

Какая-нибудь история непременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будет такое, чего с другим никак не будет: или нарежется в буфете таким образом, что только смеется, или проврется самым жестоким образом, так что наконец самому сделается совестно. И наврет совершенно без всякой нужды: вдруг расскажет, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти, и тому подобную чепуху, так что слушающие наконец все отходят, произнеши: «Ну, брат, ты, кажется, уж начал пули лить». Есть люди, имеющие страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе без всякой причины. <...> Таковую же странную страсть имел и Ноздрев. Чем кто ближе с ним сходил, тому он скорее всех насаливал: распускал небылицу, глупее которой трудно выдумать, расстроивал свадьбу, торговую сделку и вовсе не почитал себя вашим неприятелем; напротив, если случай приводил его опять встретиться с вами, он обходился вновь по-дружески и даже говорил: «Ведь ты такой подлец, никогда ко мне не заедешь». Ноздрев во многих отношениях был многосторонний человек, то есть человек на все руки. В ту же минуту он предлагал вам ехать куда угодно, хоть на край света, войти в какое хотите предприятие, менять все что ни есть на все, что хотите. <...>

Вот какой был Ноздрев! Может быть, назовут его характером избитым, станут говорить, что теперь нет уже Ноздрева. Увы! несправедливы будут те, которые станут говорить так. Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком.

(Н. Гоголь)

(486 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) фрагмент поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как проявляется индивидуальное и типическое в образе Ноздрева?*

Готовясь к изложению:

а) напишите словарный диктант: *сколько-нибудь знакомо, немало приходилось встречать, обходится по-дружески, легкомысленно непроницательны, кафтан,*

б) подберите синонимы к словам и выражениям: *разбитной малый, заводить сумятицу, за зеленым столом, задавать передержку, нарежется в буфете, насаливал, войти в предприятие, избитый характер.*

Базаров и Аркадий шли к себе домой от губернатора, как вдруг из проезжающих мимо дрожек выскочил человек небольшого роста, в славянофильской венгерке, и с криком: «Евгений Васильич!» — бросился к Базарову.

— А! это вы, герр Ситников, — проговорил Базаров, продолжая шагать по тротуару, — какими судьбами? <...>

Аркадий посмотрел на базаровского ученика. Тревожное и тупое выражение сказывалось в маленьких, впрочем приятных чертах его прилизанного лица: небольшие, словно вдавненные глаза глядели пристально и беспокойно, и смеялся он беспокойно: каким-то коротким, деревянным смехом.

— Поверите ли, — говорил он, — что, когда при мне Евгений Васильевич в первый раз сказал, что не должно признавать авторитетов, я почувствовал такой восторг... словно прозрел! «Вот, подумал я, — наконец нашел я человека!» Кстати, Евгений Васильевич, вам непременно надобно сходить к одной здешней даме, которая совершенно в состоянии понять вас и для которой ваше посещение будет настоящим праздником.

Небольшой дворянский домик на московский манер, в котором проживала Авдотья Никитишна (или *Евдоксия*) Кукшина, находился в одной из нововыгоревших улиц города ***, известно, что наши губернские города горят через каждые пять лет. У дверей, над криво прибитою визитною карточкой, виднелась ручка колокольчика, и в передней встретила пришедших какая-то не то служанка, не то ком-

паньонка в чепце — явные признаки прогрессивных стремлений хозяйки. Ситников спросил, дома ли Авдотья Никитишна.

— Это вы, Victor? — раздался тонкий голос из соседней комнаты. — Войдите.

Женщина в чепце тотчас исчезла.

— Я не один, — промолвил Ситников, лихо скидывая свою венгерку, под которою оказалось нечто вроде поддевки или пальто-сака, и бросая бойкий взгляд Аркадию и Базарову.

— Все равно, — отвечал голос. — Entrez¹.

Молодые люди вошли. Комната, в которой они очутились, походила скорее на рабочий кабинет, чем на гостиную. Бумаги, письма, толстые нумера русских журналов, большею частью неразрезанные, валялись по запыленным столам; везде белели разбросанные окурки папирос. На кожаном диване полулежала дама, еще молодая, белокурая, несколько растрепанная, в шелковом, не совсем опрятном, платье, с крупными браслетами на коротеньких руках и кружевной косынкой на голове. Она встала с дивана и, небрежно натягивая себе на плечи бархатную шубку на пожелтелом горностаевом меху, лениво промолвила: «Здравствуйте, Victor», — и пожала Ситникову руку.

— Базаров, Кирсанов, — проговорил он отрывисто, в подражание Базарову.

— Милости просим, — отвечала Кукшина и, уставив на Базарова свои круглые глаза, между которыми сиротливо краснел крошечный вздернутый носик, прибавила: — Я вас знаю, — и пожала ему руку тоже.

Базаров поморщился. В маленькой и невзрачной фигурке эмансипированной женщины не было ничего безобразного; но выражение ее лица неприятно действовало на зрителя. Невольно хотелось спросить у ней: «Что ты, голодна? Или скучаешь? Или робеешь? Чего ты пружишься?» И у ней, как у Ситникова, вечно скребло на душе. Она говорила и двигалась очень развязно и в то же время неловко: она, очевидно, сама себя считала за добродушное и простое существо, и между тем что бы она ни делала, вам постоянно казалось, что она именно это-то и не хотела сделать; все у ней выходило, как дети говорят — нарочно, то есть не просто, не естественно.

(И. Тургенев)

(463 слова)

¹ Войдите (фр.).

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *С какой целью Тургенев создает в романе образы Ситникова и Кукшиной?*

Готовясь к изложению:

а) объясните слова и выражения: *славянофильская венгерка, дрожки, поддевка, пальто-сака;*

б) выпишите эпитеты, которые характеризуют внешность Кукшиной и Ситникова.

Полчаса спустя Николай Петрович отправился в сад, в свою любимую беседку. На него нашли грустные думы. Впервые он ясно сознал свое разъединение с сыном; он предчувствовал, что с каждым днем оно будет становиться все больше и больше. Стало быть, напрасно он, бывало, зимою в Петербурге по целым дням просиживал над новейшими сочинениями; напрасно прислушивался к разговорам молодых людей; напрасно радовался, когда ему удавалось вставить и свое слово в их кипучие речи. «Брат говорит, что мы правы, — думал он, — и, отложив всякое самолюбие в сторону, мне самому кажется, что они дальше от истины, нежели мы, а в то же время я чувствую, — что за ними есть что-то, чего мы не имеем, какое-то преимущество над нами... Молодость? Нет: не одна только молодость. Не в том ли состоит это преимущество, что в них меньше следов барства, чем в нас?»

Николай Петрович потупил голову и провел рукой по лицу.

«Но отвергать поэзию? — подумал он опять, — не сочувствовать художеству, природе?...»

И он посмотрел кругом, как бы желая понять, как можно не сочувствовать природе. Уже вечерело; солнце скрылось за небольшую осиновую рощу, лежавшую в полверсте от сада: тень от нее без конца тянулась через неподвижные поля. Мужичок ехал рысцой на белой лошадке по темной узкой дорожке вдоль самой рощи; он весь был ясно виден, весь, до заплаты на плече, даром что ехал в тени; приятно-отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи с своей стороны забирались в рощу и, пробиваясь сквозь чашу, обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела и над нею поднималось бледно-голубое небо,

чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; ветер совсем замер; запоздалые пчелы лениво и сонливо жужжали в цветах сирени; мошки толклись столбом над одинокою, далеко протянутою веткою. «Как хорошо, боже мой!» — подумал Николай Петрович, и любимые стихи пришли было ему на уста; он вспомнил Аркадия и умолк, но продолжал сидеть, продолжал предаваться горестной и отрадной игре одиноких дум. Он любил помечтать; деревенская жизнь развила в нем эту способность. Давно ли он так же мечтал, поджидая сына на постоялом двореке, а с тех пор уже произошла перемена, уже определились, тогда еще неясные, отношения... и как! Представилась ему опять покойница жена, но не такую, какую он ее знал в течение многих лет, не домовитою, доброю хозяйкою, а молодою девушкой с тонким станом, невинно-пытливым взглядом и туго закрученною косою над детскою шейкой. <...>

... Куда это всё умчалось? Она стала его женой, он был счастлив, как немногие на земле... «Но, — думал он, — те сладостные, первые мгновения, отчего бы не жить им вечною, неумирающею жизнью?»

(И. Тургенев)

(416 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Чем Аркадий похож на своего отца?*

Готовясь к изложению:

а) объясните знаки препинания в предложениях с прямой речью;

б) подберите синонимы к словам и выражениям: *разъединение с сыном, кипучие речи, не сочувствовать природе;*

в) назовите известные вам тропы, использованные автором при описании природы.

Гуманный смысл повести «Шинель» создается не только выбором персонажей и окружающих его обстоятельств, но и самой манерой повествования. Это общее правило: в художественном произведении важно не только то, *что* рассказывается, но и *как* рассказывается — каким образом, каким тоном.

Вспомните то место, где говорится об «одном молодом человеке», которого потрясли издевательства чиновников над Акакием Акакиевичем. «И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу... И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в человеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным». Это уже другой тон, другая речь. Ни капли насмешки. Стиль печальный, торжественный, возвышенный. Фраза ритмически организованная, с так называемой анафорой — нарочитым единоначатием («и долго...; и закрывал..., и много раз...»). Мы слышим необычное, сокровенное слово — имеющее высокий философский смысл.

Заметим также, что это слово не безличное: оно как бы привязано к определенному персонажу, сказано от его имени. Персонаж этот хотя и эпизодический, но очень важный для повести — некий молодой чиновник, недавно определившийся в канцелярию и открытый голосу совести и сострадания. Гоголь любил вводить такие эпизодические персонажи, они помогали ему контрастно оттенять переживания пошлых «существователей» более значительным и высоким чувством.

В «Мертвых душах», рассказывая о встрече Чичикова с красавицей, Гоголь вспоминает о «двадцатилетнем юноше», «гусаре»: этот вел бы себя не так, как Чичиков, красота глубоко взволновала бы его. «Долго бы стоял он бесчувственно на одном месте, вперивши бессмысленно очи вдаль, позабыв и дорогу, и все ожидающие впереди выговоры, и распеканья за промедление, позабыв и себя, и службу, и мир, и всё, что ни есть в мире». По стилю это место напоминает описание «одного молодого человека» в «Шинели» — та же торжественность, возвышенность, ритмическая организованность речи, указывающие на значительность и необычность переживания.

Но, пожалуй, упомянутому эпизодическому персонажу в «Шинели» придается еще большая, роль, чем «двадцатилетнему юноше» в «Мертвых душах». Заметьте: встреча с Акакием Акакиевичем не только потрясла молодого чиновника, она оказала решающее воздействие на всю его жизнь, перевернула все его понятия и представления. «Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с кото-

рыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей». Встреча с Акакием Акакиевичем стала для молодого человека открытием, и это открытие касалось самой сути людских отношений. Ведь для окружавших Акакия Акакиевича людей — светских и не светских — он был не человеком, а каким-то низшим существом, чуть ли не насекомым («сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетала простая муха»). Молодой же чиновник впервые увидел в гонимом и всеми презираемом существе — человека, и в проникающих словах «оставьте меня, зачем вы меня обижаете» он услышал другие слова: «я брат твой».

(Ю. Манн)

(449 слов)

Сооружение памятника Пушкину, в котором участвовала, которому сочувствует вся образованная Россия и на празднование которого собралось так много наших лучших людей, представителей земли, правительства, науки, словесности и искусства, — это сооружение представляется нам данью признательной любви общества к одному из самых достойных его членов. Постараемся в немногих чертах определить смысл и значение этой любви.

Пушкин был первым русским художником-поэтом... нет сомнения, что он создал наш поэтический, наш литературный язык и что нам и нашим потомкам остается только идти по пути, проложенному его гением. Мы... находим в языке, созданном Пушкиным, все условия живучести: русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в этом великолепном языке, и Пушкин сам был великолепный русский художник.

Именно: русский! Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка — это прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иностранцев, которым он стал доступен...

Не следует забывать, что ему одному пришлось исполнить две работы, в других странах разделенные целым столетием и более, а именно: установить язык и создать литературу...

Он первый, наконец, водрузил могучей рукою знамя поэзии глубоко в русскую землю... Сияя же, как он, благородный медный лик, воздвигнутый в самом сердце древней столицы, и гласи грядущим поколениям о нашем праве называться великим народом потому, что среди этого народа родился, в ряду других великих, и *такой* человек! И как о Шекспире было сказано, что — всякий, вновь выучившийся грамоте, неизбежно становится его новым чтецом — так и мы будем надеяться, что всякий наш потомок, с любовью остановившийся перед изваянием Пушкина и понимающий значение этой любви, тем самым докажет, что он, подобно Пушкину, стал более русским и более образованным, более свободным человеком! Пусть это последнее слово не удивит вас! В поэзии — освободительная, ибо возвышающая, нравственная сила. Будем также надеяться, что в недалеком времени даже сыновьям нашего простого народа, который теперь не читает нашего поэта, станет понятно, что значит это имя: «Пушкин!» — и что они повторят уже сознательно то, что нам довелось недавно слышать из бессознательно лепечущих уст: «Это памятник — учителю!»

(И. Тургенев)

(356 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из речи И.С. Тургенева на торжестве открытия памятника А.С. Пушкину в Москве.

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Какие пушкинские традиции прослеживаются в произведениях И.С. Тургенева?*

Готовясь к изложению:

- а) отметьте черты публицистического стиля;
- б) выпишите ключевые слова.

Грустно, горько освобождение Катерины; но что же делать, когда другого выхода нет. Хорошо, что нашлась в бедной женщине решимость хоть на этот страшный выход. В том и сила ее характера, оттого-то «Гроза» и производит на нас впечатление освежающее. <...>

Без сомнения, лучше бы было, если б возможно было Катерине избавиться другим образом от своих мучителей или ежели бы окружающие ее мучители могли измениться и примирить ее с собою и с жиз-

нию. Но ни то, ни другое — не в порядке вещей. Кабанова не может оставить того, с чем она воспитана и прожила целый век; бесхарактерный сын ее не может вдруг, ни с того ни с сего, приобрести твердость и самостоятельность до такой степени, чтобы отречься от всех нелепостей, внушаемых ему старухой; все окружающее не может перевернуться вдруг так, чтобы сделать сладкою жизнь молодой женщины.

Мы уже сказали, что конец этот кажется нам отрадным; легко понять, почему: в нем дан страшный вызов самодурной силе, он говорит ей, что уже нельзя идти дальше, нельзя долее жить с ее насильственными, мертвящими началами. В Катерине видим мы протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведенный до конца, провозглашенный и под домашней пыткой и над бездной, в которую бросилась бедная женщина. Она не хочет мириться, не хочет пользоваться жалким прозябанием, которое ей дают в обмен за ее живую душу. Ее гибель — это осуществленная песнь плена вавилонского...

Но и без всяких возвышенных соображений, просто по человечеству, нам отратно видеть избавление Катерины хоть через смерть, коли нельзя иначе. На этот счет мы имеем в самой драме страшное свидетельство, говорящее нам, что жить в «темном царстве» хуже смерти. Тихон, бросаясь на труп своей жены, вытащенный из воды, кричит в самозабвении: «Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться!» Этим восклицанием заканчивается пьеса, и нам кажется, что «ничего нельзя было придумать сильнее и правдивее такого окончания. Слова Тихона дают ключ к уразумению пьесы для тех, кто бы даже и не понял ее сущности ранее; они заставляют зрителя подумать уже не о любовной интриге, а о всей этой жизни, где живые завидуют умершим, да еще каким — самоубийцам! Собственно говоря, восклицание Тихона глупо: Волга близко, кто же мешает и ему броситься, если жить тошно? Но в том-то и горе его, то-то ему и тяжело, что он ничего, решительно ничего сделать не может, даже и того, в чем признает свое благо и спасение. Это нравственное растрепанье, это уничтожение человека действует на нас тяжелее всякого, самого трагического происшествия: там видишь гибель одновременную, конец страданий, часто избавление от необходимости служить жалким орудием каких-нибудь гнусностей; а здесь — постоянную, гнетущую боль, расслабление, полу-

труп, в течение многих лет согнивающий заживо... И думать, что этот живой труп — не один, не исключение, а целая масса людей, подверженных тлетворному влиянию Диких и Кабановых! И не чаять для них избавления — это, согласитесь, ужасно! Зато какою же отрадною, свежелою жизнью веет на нас здоровая личность, находящая в себе решимость покончить с этой гнилою жизнью во что бы то ни стало!..

(Н. Добролюбов)

(482 слова)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) фрагмент критической статьи Н.А. Добролюбова «Луч света в темном царстве».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каковы возможные трактовки финала драмы Н.А. Островского «Гроза»?*

Готовясь к изложению:

а) напишите словарный диктант: *освежающее впечатление; примириться с жизнью; ни то, ни другое; ни с того ни с сего; приобрести самостоятельность; кабановские понятия о нравственности; жалкое прозябание; кричит в самозабвении; уничтожение; трагическое происшествие; согнивающий заживо; в течение многих лет; тлетворное влияние; во что бы то ни стало;*

б) подумайте, какие пунктуационные правила можно проиллюстрировать примерами из текста;

в) оцените характер синтаксических конструкций, использованных автором;

г) определите, какие языковые средства указывают на то, что это текст публицистического стиля.

На Праценской горе, на том самом мосте, где он упал с древком знамени в руках, лежал князь Андрей Болконский, истекая кровью, и, сам не зная того, стонал тихим, жалостным и детским стоном.

К вечеру он перестал стонать и совершенно затих. Он не знал, как долго продолжалось его забытие. Вдруг он опять почувствовал себя живым и страдающим от жгучей и разрывающей что-то боли в голове.

«Где оно, это высокое небо, которого я не знал до сих пор и увидал нынче?» — было первою его мыслью. «И страдания этого я не

знал также, — подумал он. — Да, я ничего, ничего не знал до сих пор. Но где я?»

Он стал прислушиваться и услышал звуки приближающегося топота лошадей и звуки голосов, говоривших по-французски. Он раскрыл глаза. Над ним было опять всё то же высокое небо с еще выше поднимающимися плывущими облаками, сквозь которые виднелась синеющая бесконечность. Он не поворачивал головы и не видал тех, которые, судя по звуку копыт и голосов, подъехали к нему и остановились.

Подъехавшие верховые были Наполеон, сопровождаемый двумя адъютантами. Бонапарте, объезжая поле сражения, рассматривал убитых и раненых, оставшихся на поле сражения. <...>

— *Voila une belle mort*¹ — сказал Наполеон, глядя на Болконского.

Князь Андрей понял, что это было сказано о нем и что говорит это Наполеон. Но он слышал эти слова, как бы он слышал жужжание мухи. <...> Он знал, что это был Наполеон — его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нем облаками. Ему было совершенно всё равно в эту минуту, кто бы ни стоял над ним, что бы ни говорил о нем; он рад был только тому, что остановились над ним люди, и желал только, чтоб эти люди помогли ему и возвратили бы его к жизни, которая казалась ему столь прекрасною, потому что он так иначе понимал ее теперь. Он собрал все свои силы, чтобы пошевелиться и произвести какой-нибудь звук. Он слабо пошевелил ногою и произвел самого его разжалобивший, слабый, болезненный стон.

— А! Он жив, — сказал Наполеон. — Поднять этого молодого человека, и снести на перевязочный пункт! <...>

Князь Андрей, для полноты трофея пленников выставленный там также вперед, на глаза императору, не мог не привлечь его внимания.

— Ну, а вы, молодой человек? — обратился он к нему, — как вы себя чувствуете?

Несмотря на то, что за пять минут перед этим князь Андрей мог сказать несколько слов солдатам, переносившим его, он теперь, прямо устремив свои глаза на Наполеона, молчал... Ему так ничтожны казались в эту минуту все интересы, занимавшие Наполеона, так мелочен

¹ Вот прекрасная смерть (фр.).

казался ему сам герой его, с этим мелким тщеславием и радостью победы, в сравнении с тем высоким, справедливым и добрым небом, которое он видел и понял, — что он не мог отвечать ему.

Да и все казалось так бесполезно и ничтожно в сравнении с тем строгим и величественным строем мысли, который вызывали в нем ослабление сил от истекшей крови, страдание и близкое ожидание смерти. Глядя в глаза Наполеону, князь Андрей думал о ничтожности величия, о ничтожности жизни, которой никто не мог понять значения, и о еще большем ничтожестве смерти, смысл которой никто не мог понять и объяснить из живущих.

Император, не дождавшись ответа, отвернулся и, тронув лошадь, галопом поехал дальше.

(Л.Н. Толстой)

(528 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (т. I, ч. 3, гл. XIX).

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как изменился князь Андрей после боя под Аустерлицем?*

Готовясь к изложению:

а) выпишите ключевые слова;

б) объясните знаки препинания в предложениях с прямой речью;

в) определите роль лексического повтора в тексте.

— Едет! — закричал в это время махальный.

Полковой командир, покраснев, подбежал к лошади, дрожащими руками взялся за стремя, перекинул тело, оправился, вынул шпагу и с счастливым, решительным лицом, набок раскрыв рот, приготовился крикнуть. Полк встрепенулся, как оправляющаяся птица, и замер.

— Смир-рр-на! — закричал полковой командир потрясающим душу голосом, радостным для себя, строгим в отношении к полку и приветливым в отношении к подъезжающему начальнику.

По широкой, обсаженной деревьями, большой бесшоссейной дороге, слегка погромыхая рессорами, шибкою рысью ехала высокая голубая венская коляска цугом. За коляской скакали свита и конвой кроатов. Подле Кутузова сидел австрийский генерал в странном, сре-

ди черных русских белом мундире. Коляска остановилась у полка. Кутузов и австрийский генерал о чем-то тихо говорили, и Кутузов слегка улыбнулся, в то время как, тяжело ступая, он опускал ногу с подножки, точно как будто и не было этих 2000 людей, которые не дыша смотрели на него и на полкового командира.

Раздался крик команды, опять полк звеня дрогнул, сделав на караул. В мертвой тишине послышался слабый голос главнокомандующего. Полк рывкнул: «Здравья желаем!» И опять всё замерло. Сначала Кутузов стоял на одном месте, пока полк двигался; потом Кутузов рядом с белым генералом, пешком, сопровождаемый свитой, стал ходить по рядам. <...>

Кутузов прошел по рядам, изредка останавливаясь и говоря по нескольку ласковых слов офицерам, которых он знал по турецкой войне, а иногда и солдатам. Поглядывая на обувь, он несколько раз грустно покачивал головой и указывал на нее австрийскому генералу с таким выражением, что как бы не упрекал в этом никого, но не мог не видеть, как это плохо. Полковой командир каждый раз при этом забежал вперед, боясь упустить слово главнокомандующего касательно полка. Сзади Кутузова, в таком расстоянии, что всякое слабо произнесенное слово могло быть услышано, шло человек 20 свиты. Господа свиты разговаривали между собой и иногда смеялись. Ближе всех за главнокомандующим шел красивый адъютант. Это был князь Болконский. <...>

Кутузов шел медленно и вяло мимо тысяч глаз, которые выкатывались из своих орбит, следя за начальником. Поравнявшись с 3-ю ротой, он вдруг остановился. Свита, не предвидя этой остановки, невольно надвинулась на него. <...>

Третья рота была последняя, и Кутузов задумался, видимо припоминая что-то. Князь Андрей выступил из свиты и по-французски тихо сказал:

— Вы приказали напомнить о разжалованном Долохове в этом полку.

— Где тут Долохов? — спросил Кутузов.

Долохов, уже переодетый в солдатскую серую шинель, не дожидаясь, чтоб его вызвали. Стройная фигура белокурого с ясными голубыми глазами солдата выступила из фронта. Он подошел к главнокомандующему и сделал на караул.

— Претензия? — нахмурившись слегка, спросил Кутузов.

— Это Долохов, — сказал князь Андрей.

— А! — сказал Кутузов. — Надеюсь, что этот урок тебя исправит, служи хорошенько. Государь милостив. И я не забуду тебя, ежели ты заслужишь.

Голубые ясные глаза смотрели на главнокомандующего так же дерзко, как и на полкового командира, как будто своим выражением разрывая завесу условности, отделявшую так далеко главнокомандующего от солдата.

— Об одном прошу, ваше высокопревосходительство, — сказал он своим звучным, твердым, неспешащим голосом. — Прошу дать мне случай загладить мою вину и доказать мою преданность государю императору и России.

Кутузов отвернулся. На лице его промелькнула та же улыбка глаз, как и в то время, когда он отвернулся от капитана Тимохина. Он отвернулся и поморщился, как будто хотел выразить этим, что всё, что ему сказал Долохов, и все, что он мог сказать ему, он давно, давно знает, что все это уже прискучило ему и что всё это совсем не то, что нужно. Он отвернулся и направился к коляске.

(Л. Толстой)

(547 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (т. I, ч. 2, гл. II).

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *В чем сущность противопоставления образов Наполеона и Кутузова в романе?*

3) Готовясь к изложению:

а) назовите ключевые слова, дающие характеристику Кутузову;

б) переделайте предложения с прямой речью в конструкции с косвенной речью.

Весною 1809 года князь Андрей поехал в рязанские имения своего сына, которого он был опекуном.

Пригреваемый весенним солнцем, он сидел в коляске, поглядывая на первую траву, первые листья березы и первые клубы белых весен-

них облаков, разбегавшихся по яркой синеве неба. Он ни о чем не думал, а весело и бессмысленно смотрел по сторонам.

Проехали перевоз, на котором он год тому назад говорил с Пьером. Проехали грязную деревню, гумны, зелены, спуск с оставшимся снегом у моста, подъём по размытой глине, полосы жнивья и зеленого кое-где кустарника и въехали в берёзовый лес по обеим сторонам дороги. В лесу было почти жарко, ветру не слышно было. Береза, вся обсеянная зелеными, клейкими листьями, не шевелилась, и из-под прошлогодних листьев, поднимая их, вылезала, зеленая, первая трава и лиловые цветы. Рассыпанные кое-где по березняку мелкие ели своею грубою вечною зеленью неприятно напоминали о зиме. Лошади зафыркали, въехав в лес, и запотели.

Лакей Петр что-то сказал кучеру, кучер утвердительно ответил. Но, видно, Петру мало было сочувствования кучера: он повернулся на козлах к барину.

— Ваше сиятельство, легко как! — сказал он, почтительно улыбаясь.

— Что?

— Легко, — ваше сиятельство.

«Что он говорит?» — подумал князь Андрей. «Да об весне верно», — подумал он, оглядываясь по сторонам. «И то зелено всё уже... как скоро! И береза, и черемуха, и ольха уж начинает... А дуб и незаметно. Да, вот он, дуб».

На краю дороги стоял дуб. Вероятно, в десять раз старше берез, составлявших лес, он был в десять раз толще и в два раза выше каждой березы. Это был огромный, в два обхвата дуб, с обломанными, давно, видно, суками и с обломанною корой, заросшею старыми болячками. С огромными своими неуклюжими, несимметрично-растопыренными, корявыми руками и пальцами, он старым, сердитым и презрительным уродом стоял между улыбающимися березами. Только он один не хотел подчиняться обаянию весны и не хотел видеть ни весны, ни солнца.

«Весна, и любовь, и счастье!» — как будто говорил этот дуб, — «и как не надоест вам всё один и тот же глупый и бессмысленный обман. Всё одно и то же, и всё обман! Нет ни весны, ни солнца, ни счастья. Вон смотрите, сидят задавленные мертвые ели, всегда одинокие, и вон и я растопырил свои обломанные, ободранные пальцы, где ни выросли они — из спины, из боков; как выросли — так и стою, и не верю вашим надеждам и обманам».

Князь Андрей несколько раз оглянулся на этот дуб, проезжая по лесу, как будто он чего-то ждал от него. Цветы и трава были и под дубом, но он всё так же, хмурясь, неподвижно, уродливо и упорно, стоял посреди их.

«Да, он прав, тысячу раз прав этот дуб», — думал князь Андрей, «пускай другие, молодые, вновь поддаются на этот обман, а мы знаем жизнь, — наша жизнь кончена!» Целый новый ряд мыслей безнадежных, но грустно-приятных в связи с этим дубом возник в душе князя Андрея. Во время этого путешествия он как будто вновь обдумал всю свою жизнь и пришел к тому же прежнему успокоительному и безнадежному заключению, что ему начинать ничего было не надо, что он должен доживать свою жизнь, не делая зла, не тревожась и ничего не желая.

(Л. Толстой)

(498 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (т. II, ч. 3, гл. I).

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как описания природы в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» характеризуют состояние героев?*

Готовясь к изложению:

а) подумайте, почему автор использует для характеристики дуба эпитеты: *неуклюжий, корявый, старый, сердитый, презрительный;*

б) определите, какой смысл придает отрывку антитеза.

Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем — не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смиренно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой, и дегтем маленько, и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух.

Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исцеленные ракиты. По оврагу бежит ручей; на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце-крае земли и неба, синеватая черта большой реки.

Вдоль оврага — по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми дверями; по другой стороне пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком вырезной железный, крутогриный конек. Неровные стекла окон отливаются цветами радуги. Кувшины с букетами намалеваны на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит исправная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.

Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом — целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами: пусть еще немного посохнет на припеке, а там и в сарай! То-то будет спать на нем славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни, в чистых, низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу, зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные, огнистые капли.

Передо мной стоит старуха хозяйка в новой клетчатой паневе, в новых котах.

Крупные, дутые бусы в три ряда обвилились вокруг смуглой, худой шеи; седая голова повязана желтым платком с красными крапинками; низко навис он над потускневшими глазами.

Но приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десяток доживает старушка... а и теперь еще видать: красавица была в свое время!

Растопырив загорелые пальцы правой руки, держит она горшок с холодным, неснятым молоком, прямо из погреба; стенки горшка покрыты росинками, точно бисером. На ладони левой руки старушка подносит мне большой ломоть еще теплого хлеба. «Кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!»

Петух вдруг закричал и хлопотливо хлопал крыльями; ему в ответ, не спеша, промычал запертый теленок.

«Ай, да овес!» — слышится голос моего кучера.

(И. Тургенев)

(421 слово)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) стихотворение в прозе И.С. Тургенева «Деревня».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Какова проблематика стихотворений в прозе И.С. Тургенева?*

Готовясь к изложению:

а) объясните значение незнакомых слов;

б) назовите средства связи предложений и абзацев;

в) подумайте, каковы мотивы членения текста на абзацы;

г) найдите слова и выражения, которые служат сигналами жанра.

Лизу сперва испугало серьезное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла к ней и крепко полюбила. Она сама была серьезный ребенок; черты ее напоминали резкий и правильный облик Калитина; только глаза у ней были не отцовские; они светились тихим вниманием и добротой, что редко в детях. Она в куклы не любила играть, смеялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда даром; помолчав немного, она обыкновенно кончала тем, что обращалась к кому-нибудь старшему с вопросом, показывавшим, что голова ее работала над новым впечатлением. <...> Отца она боялась; чувство ее к матери было неопределенно, — она не боялась ее и не ласкалась к ней; впрочем, она и к Агафье не ласкалась, хотя только ее одну и любила. Агафья с ней не расставалась. <...> Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на заре, торопливо ее одевала и уводила тайком к заутрене; Лиза шла за ней на цыпочках, едва дыша; холод и полусвет утра, све-

жесть и пустота церкви, самая таинственность этих неожиданных отлучек, осторожное возвращение в дом, в постельку, — вся эта смесь запрещенного, странного, святого потрясала девочку, проникала в самую глубину ее существа... Года три с небольшим ходила Агафья за Лизой; девица Моро ее сменила; но легкомысленная француженка с своими сухими ухватками... не могла вытеснить из сердца Лизы ее любимую няню; посеянные семена пустили слишком глубокие корни. Притом Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась в доме и часто видалась с своей воспитанницей, которая ей верила по-прежнему.

Агафья, однако, не ужилась с Марфой Тимофеевной, когда та переехала в калитинский дом... Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась в раскольничий скит. Но след, оставленный ею в душе Лизы, не изгладился... Училась Лиза хорошо, то есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большим умом ее бог не наградил; без труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно; но один Лемм знал, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было «своих слов», но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Недаром походила она на отца: он тоже не спрашивал у других, что ему делать. Так росла она — покойно, неторопливо, так достигла девятнадцатилетнего возраста. Она была очень мила, сама того не зная. В каждом ее движении высказывалась невольная, несколько неловкая грация; голос ее звучал серебром нетронутой юности, малейшее ощущение удовольствия вызывало привлекательную улыбку на ее губы, придавало глубокий блеск и какую-то тайную ласковость ее засветившимся глазам. Вся проникнутая чувством долга, боязнь оскорбить кого бы то ни было, с сердцем добрым и кротким, она любила всех и никого в особенности; она любила одного бога восторженно, робко, нежно. Лаврецкий первый нарушил ее тихую внутреннюю жизнь.

Такова была Лиза.

(И.С. Тургенев)

(438 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Почему не состоялась счастье Лаврецкого и Лизы Калитиной?*

Готовясь к изложению:

а) определите, каково значение отрицания в создании образа Лизы;

б) выделите типы речи, составьте схему строения текста.

То был прекрасный весенний день. Природа ликовала; воробьи чирикали; собаки радостно взвизгивали и виляли хвостами. Обыватели, держа под мышками кульки, теснились на дворе градоначальнической квартиры и с трепетом ожидали страшного судбища. Наконец ожидаемая минута настала.

Он вышел, и на лице его в первый раз увидели глуповцы ту приветливую улыбку, о которой они тосковали. Казалось, благотворные лучи солнца подействовали и на него.<...> Он по очереди обошел всех обывателей, и хотя молча, но благосклонно принял от них все, что следует. Окончивши с этим делом, он несколько отступил к крыльцу и раскрыл рот... И вдруг что-то внутри у него зашипело и зажужжало, и чем более длилось это таинственное шипение, тем сильнее и сильнее вертелись и сверкали его глаза. «П... п... Плю!» — наконец вырвалось у него из уст... С этим звуком он в последний раз сверкнул глазами и опрометью бросился в открытую дверь своей квартиры.

Читая в «Летописце» описание происшествия столь неслыханного, мы, свидетели и участники иных времен и иных событий, конечно, имеем полную возможность отнестись к нему хладнокровно. Но перенесемся мыслью за сто лет тому назад, поставим себя на место достославных наших предков, и мы легко поймем тот ужас, который долженствовал обуять их при виде этих вращающихся глаз и этого раскрытого рта, из которого ничего не выходило, кроме шипения и какого-то бессмысленного звука, непохожего даже на бой часов. Но в том-то именно и заключалась доброкачественность наших предков, что, как ни потрясло их описанное выше зрелище, они не увлеклись ни модными в то время революционными идеями, ни соблазнами, представляемыми анархией, но остались верными начальстволюбию и только слегка позволили себе пособолезновать и попенять на своего более чем странного градоначальника.

— И откуда к нам экой прохвост выискался! — говорили обыватели, изумленно вопрошая друг друга и не придавая слову «прохвост» никакого особенного значения.

— Смотри, братцы! как бы нам тово... отвечать бы за него, за прохвоста, не пришлось! — присовокупляли другие.

И за всем тем спокойно разошлись по домам и предались обычным своим занятиям.

И остался бы наш Брудастый на многие годы пастырем вертограда сего, и радовал бы сердца начальников своею распорядительностью, и не ощутили бы обыватели в своем существовании ничего необычайного, если бы обстоятельство совершенно случайное (простая оплошность) не прекратило его деятельности в самом ее разгаре.

Немного спустя после описанного выше приема письмоводитель градоначальника, вошедши утром с докладом в его кабинет, увидел такое зрелище: градоначальниково тело, облеченное в вицмундир, сидело за письменным столом, а перед ним, на кипе недоимочных реестров, лежала, в виде щегольского пресс-папье, совершенно пустая градоначальникова голова...

(М. Салтыков-Щедрин)

(398 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из сатирического произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каковы особенности сатирического изображения градоначальников в «Истории одного города»?*

Готовясь к изложению:

а) подберите синонимы к словам и выражениям: *тесниться, благотворные лучи, отнестись хладнокровно, достославные предки, долженствовал обуять;*

б) составьте текст словарного диктанта.

Он был ужасен.

Но он сознавал это лишь в слабой степени и с какою-то суровою скромностью оговаривался. «Идет некто за мной, — говорил он, — который будет еще ужаснее меня». Он был ужасен; но сверх того он

был краток и с изумительной ограниченностью соединял непреклонность, почти граничившую с идиотством. Никто не мог обвинить его в воинственной предприимчивости, как обвиняли, например, Бородавкина, ни в порывах безумной ярости, которым были подвержены Брудастый, Негодяев и многие другие. Страстность была вычеркнута из числа элементов, составлявших его природу, и заменена непреклонностью, действовавшей с регулярностью самого отчетливого механизма. Он не жестикулировал, не возвышал голоса, не скрежетал зубами, не гоготал, не топал ногами, не заливался начальственно-язвительным смехом; казалось, он даже не подозревал нужды в административных проявлениях подобного рода. Совершенно беззвучным голосом выражал он свои требования и неизбежность их выполнения подтверждал устремлением пристального взора, в котором выражалась какая-то неизреченная бесстыжесть. Человек, на котором останавливался этот взор, не мог выносить его. Рождалось какое-то совсем особенное чувство, в котором первенствующее значение принадлежало не столько инстинкту личного самосохранения, сколько опасению за человеческую природу вообще. В этом смутном опасении утопали всевозможные предчувствия таинственных и непреодолимых угроз. Думалось, что небо обрушится, земля разверзнется под ногами, что налетит откуда-то смерч и все поглотит, все разом... То был взор, светлый как сталь, взор, совершенно свободный от мысли, и потому недоступный ни для оттенков, ни для колебаний. Голая решимость — и ничего более.

Как человек ограниченный, он ничего не преследовал, кроме правильности построений. Прямая линия, отсутствие пестроты, простота, доведенная до наготы, — вот идеалы, которые он знал и к осуществлению которых стремился. Его понятие о «долге» не шло далее всеобщего равенства перед шпицрутенном; его представление о «простоте» не переступало далее простоты зверя, обличавшей совершенную наготу потребностей. Разума он не признавал вовсе и даже считал его злейшим врагом, опутывающим человека сетью обольщений и опасных привередничеств. Перед всем, что напоминало веселье или просто досуг, он останавливался в недоумении. Нельзя сказать, чтоб эти естественные проявления человеческой природы приводили его в негодование: нет, он просто-напросто не понимал их. Он никогда не бесновался, не закипал, не мстил, не преследовал, а, подобно всякой другой бессоз-

нательно действующей силе природы, шел вперед, сметая с лица земли все, что не успевало посторониться с дороги. «Зачем?» — вот единственное слово, которым он выражал движения своей души.

(М. Салтыков-Щедрин)

(365 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из сатирического произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каков смысл названия произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»?*

Готовясь к изложению:

а) обратите внимание на роль отрицания в создании образа Угрюм-Бурчеева;

б) определите, какова роль повтора в начале текста;

в) составьте словарный диктант из слов текста.

Тихон Щербатый был один из самых нужных людей в партии. Он был мужик из Покровского под Гжатью. Когда, при начале своих действий, Денисов пришел в Покровское и, как всегда, призвав старосту, спросил о том, что им известно про французов, староста отвечал, как отвечали и все старосты, как бы защищаясь, что они ничего знать не знают, ведать не ведают. Но когда Денисов объяснил им, что его цель бить французов и когда он спросил, не забредали ли к ним французы, то староста сказал, что *мародеры* бывали точно, но что у них в деревне только один Тишка Щербатый занимался этими делами. Денисов велел позвать к себе Тихона и, похвалив его за его деятельность, сказал при старосте несколько слов о той верности царю и отечеству и ненависти к французам, которую должны блюсти сыны отечества.

<...> Тихон, сначала исправлявший черную работу раскладки ко-
стров, доставления воды, обдирания лошадей и т.п., скоро оказал
большую охоту и способность к партизанской войне. Он по ночам
уходил на добычу и всякий раз приносил с собой платье и оружие
французское, а когда ему приказывали, то приводил и пленных. Дени-
сов отставил Тихона от работ, стал брать его с собою в разъезды и за-
числил в казаки.

Тихон не любил ездить верхом и всегда ходил пешком, никогда не отставая от кавалерии. Оружие его составляли мушкетон, который он носил больше для смеха, пика и топор, которым он владел, как волк владеет зубами, одинаково легко выбирая ими блох из шерсти и перекусывая толстые кости. Тихон одинаково верно, со всего размаха, раскалывал топором бревно и, взяв топор за обух, выстрагивал им тонкие колышки и вырезывал ложки. В партии Денисова Тихон занимал свое особенное, исключительное место. Когда надо было сделать что-нибудь особенно трудное и гадкое — выворотить плечом в грязи повозку, за хвост вытащить из болота лошадь, ободрать ее, залезть в самую середину французов, пройти в день по пятьдесят верст, — все указывали, посмеиваясь, на Тихона.

— Что ему, черту, делается, меренина здоровенный, — говорили про него.

Один раз француз, которого брал Тихон, выстрелил в него из пистоleta и попал ему в мякоть спины. Рана эта, от которой Тихон лечился только водкой, внутренне и наружно, была предметом самых веселых шуток во всем отряде и шуток, которым охотно поддавался Тихон.

— Что, брат, не будешь? Али скрючило? — смеялись ему казаки, и Тихон, нарочно скорчившись и делая рожи, притворяясь, что он сердится, самыми смешными ругательствами бранил французов. Случай этот имел на Тихона только то влияние, что после своей раны он редко приводил пленных.

Тихон был самый полезный и храбрый человек в партии. Никто больше его не открыл случаев нападения, никто больше его не побрал и не побил французов; и вследствие этого он был шут всех казаков, гусаров и сам охотно поддавался этому чину.

(Л. Толстой)

(438 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) фрагмент романа Л.Н. Толстого «Война и мир» (т. IV, ч. 3, гл. V).

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как в образе Тихона Щербатого воплотилась «грозная и величественная сила народной войны»?*

Готовясь к изложению:

а) дайте толкование значения слов: *партия, староста, ма-родеры, блюсти, мушкеты, пика, меренина* (здоровенный);

б) определите способы передачи чужой речи в тексте; объясните знаки препинания в предложениях с прямой и косвенной речью.

«Ядреная антоновка — к веселому году». Деревенские дела хороши, если антоновка уродилась: значит, и хлеб уродился... Вспоминается мне урожайный год.

На ранней заре, когда еще кричат петухи и по-черному дымятся избы, распахнешь, бывало, окно в прохладный сад, наполненный лиловатым туманом, сквозь который ярко блестит кое-где утреннее солнце, и не утерпишь — велишь поскорее заседлывать лошадь, а сам побежишь умываться на пруд. Мелкая листва почти вся облетела с прибрежных лозин, и сучья сквозят на бирюзовом небе. Вода под лозинами стала прозрачная, ледяная и как будто тяжелая. Она мгновенно прогоняет ночную лень, и, умывшись и позавтракав в людской с работниками горячими картошками и черным хлебом с крупной сырой солью, с наслаждением чувствуешь под собой скользкую кожу седла, проезжая по Выселкам на охоту. Осень — пора престольных праздников, и народ в это время прибран, доволен, вид деревни совсем не тот, что в другую пору. Если же год урожайный и на гумнах возвышается целый золотой город, а на реке звонко и резко гогочут по утрам гуси, так в деревне и совсем не плохо. К тому же наши Выселки спокон веку, еще со времен дедушки, славились «богатством». Старики и старухи жили в Выселках очень подолгу, — первый признак богатой деревни, — и были все высокие, большие и белые, как лунь. <...> Только и слышишь бывало: «Да, — вот Агафья восемьдесят три годочка отмахала!» — или разговоры в таком роде:

— И когда это ты умрешь, Панкрат? Небось тебе лет сто будет?

— А не знаю-с, батюшка.

— Да Платона Аполлоныча-то помнишь?

— Как же-с, батюшка, — явственно помню.

— Ну, вот видишь. Тебе, значит, никак не меньше ста.

Старик, который стоит перед барином вытянувшись, кротко и виновато улыбается. Что ж, мол, делать, — виноват, зажился.

Помню я и старуху его. Все, бывало, сидит на скамеечке, на крыльце, согнувшись, трясая головой, задыхаясь и держась за скамейку руками, — все о чем-то думает. <...>

Под стать старикам были и дворы в Выселках: кирпичные, строганные еще дедами. А у богатых мужиков — у Савелия, у Игната, у Дрона — избы были в две-три связи, потому что делиться в Выселках еще не было моды. В таких семьях водили пчел, гордились жеребцом-битюгом сиво-железного цвета и держали усадьбы в порядке. На гумнах темнели густые и тучные конопляники, стояли овины и риги, крытые вприческу; в пуньках и амбарчиках были железные двери, за которыми хранились холсты, прялки, новые полушубки, наборная сбруя, меры, окованные медными обручами. На воротах и на санках были выжжены кресты. И помню, мне порою казалось на редкость заманчивым быть мужиком. Когда, бывало, едешь солнечным утром по деревне, все думаешь о том, как хорошо косить, молотить, спать на гумне в ометах, а в праздник встать вместе с солнцем, под густой и музыкальный благовест из села, умыться около бочки и надеть чистую замашную рубаху, такие же портки и несокрушимые сапоги с подковками. Если же, думалось, к этому прибавить здоровую и красивую жену в праздничном уборе да поездку к обедне, а потом обед у бородатого тестя, обед с горячей бараниной на деревянных тарелках и с ситниками, с сотовым медом и брагой, — так больше и желать невозможно!

(И. Бунин)

(484 слова)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из рассказа И. Бунина «Антоновские яблоки».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Какой образ уходящей России рисует И. Бунин в рассказах «Суходол» и «Антоновские яблоки»?*

Готовясь к изложению:

а) оцените роль обобщенно-личных и безличных предложений в тексте;

б) дайте толкование значения слов и выражений: *престольный праздник, гумно, жеребец-битюг, овин, рига, крытые вприческу, пуньки, амбарчик, омет, благовест, замашная рубаха.*

Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней, опустилась с неба бездна и залила крылатых богов над гипподромом, Хасмонеийский дворец с бойницами, базары, караван-сарай, переулки, пруды... Пропал Ершалаим — великий город, как будто не существовал на свете. Все пожрала тьма, напугавшая все живое в Ершалаиме и его окрестностях. Странную тучу принесло со стороны моря к концу дня, четырнадцатого дня весеннего месяца нисана.

Она уже навалилась своим брюхом на Лысый Череп, где палачи поспешно кололи казнимых, она навалилась на храм в Ершалаиме, сползла дымными потоками с холма его и залила Нижний Город. Она вливалась в окошки и гнала с кривых улиц людей в дома. Она не спешила отдавать свою влагу и отдавала только свет. Лишь только дымное черное варево распарывал огонь, из крошечной тьмы взлетала вверх великая глыба храма со сверкающим чешуйчатым покровом. Но он угасал во мгновение, и храм погружался в темную бездну. Несколько раз он выскакивал из нее и опять проваливался, и каждый раз этот провал сопровождался грохотом катастрофы.

Другие трепетные мерцания вызывали из бездны противостоящий храму на западном холме дворец Ирода Великого, и страшные безглазые золотые статуи взлетали к черному небу, простирая к нему руки. Но опять прятался небесный огонь, и тяжелые удары грома загоняли золотых идолов во тьму.

Ливень хлынул неожиданно, и тогда гроза перешла в ураган. В том самом месте, где около полудня, близ мраморной скамьи в саду, беседовали прокуратор и первосвященник, с ударом, похожим на пушечный, как трость переломило кипарис. Вместе с водяной пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад.

В это время под колоннами находился только один человек, и этот человек был прокуратор.

Лежащий на ложе в грозовом полумраке прокуратор сам наливал себе вино в чашу, пил долгими глотками, по временам притрагивался к хлебу, крошил его, глотал маленькими кусочками, время от времени высасывал устрицы, жевал лимон и пил опять.

Если бы не рев воды, если бы не удары грома, которые, казалось, грозили расплющить крышу дворца, если бы не стук града, молотившего по ступеням балкона, можно было бы расслышать, что прокуратор что-то бормочет, разговаривая сам с собой. И если бы нестойкое трепетание небесного огня превратилось бы в постоянный свет, наблюдатель мог бы видеть, что лицо прокуратора с воспаленными последними бессонницами и вином глазами выражает нетерпение, что прокуратор не только глядит на две белые розы, утонувшие в красной луже, но постоянно поворачивает лицо к саду навстречу водяной пыли и песку, что он кого-то ждет, нетерпеливо ждет.

Прошло некоторое время, и пелена воды перед глазами прокуратора стала редеть. Как ни был яростен ураган, он ослабевал. Сучья больше не трещали и не падали. Удары грома и блистания становились реже. Над Ершалаимом плыло уже не фиолетовое с белой опушкой покрывало, а обыкновенная серая арьергардная туча. Грозу сносило к Мертвому морю.

(М. Булгаков)

(463 слова)

З а д а н и е .

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Какова роль описаний природы в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита»?*

Готовясь к изложению:

а) выпишите эпитеты, обозначающие цвет;

б) подумайте, с какой целью автор использует в первом абзаце конструкции с причастными оборотами, замените их синонимичными, сравните их выразительность;

в) оцените значение анафоры в седьмом абзаце;

г) выпишите глаголы, передающие движение грозовой тучи, подумайте, какой прием художественной выразительности использует автор.

Из рейса, бывало, вернешься в город, понятно, первым делом в чайную перехватить чего-нибудь, ну, и сто грамм выпить с устатка. К этому вредному делу, надо сказать, я уже пристрастился как следу-

ет... И вот один раз вижу возле чайной этого парнишку, на другой день — опять вижу. Этаким маленький оборвыш: личико все в арбузном соку, покрытом пылью, грязный, как прах, нечесаный, а глазенки — как звездочки ночью, после дождя! И до того он мне полюбился, что я уже, чудное дело, начал скучать по нем, спешу из рейса поскорее его увидеть. Около чайной он и кормился, — кто что даст.

На четвертый день прямо из совхоза, груженный хлебом, подворачиваю к чайной. Парнишка мой там сидит на крыльце, ножонками болтает и, по всему виду, голодный. Высунулся я в окошко, кричу ему: «Эй, Ванюшка! Садись скорее на машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернемся сюда, пообедаем». Он от моего окрика вздрогнул, соскочил с крыльца, на подножку вскарабкался и тихо так говорит: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?» И глазенки широко раскрыл, ждет, что я ему отвечу. Ну, я ему говорю, что я, мол, человек бывалый и все знаю.

Зашел он с правой стороны, я дверцу открыл, посадил его рядом с собой, поехали. Шустрый такой парнишка, а вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет на меня из-под длинных своих, загнутых кверху ресниц, вздохнет. Такая мелкая птаха, а уже научился вздыхать. Его ли это дело? Спрашиваю: «Где же твой отец, Ваня?» Шепчет: «Погиб на фронте». — «А мама? — «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали». — «А откуда вы ехали? — «Не знаю, не помню...» — «И никого у тебя тут родных нету?» — «Никого». — «Где же ты ночуешь?» — «А где придется».

Закипела тут во мне горячая слеза, и сразу я решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу же у меня на душе стало легко и как-то светло. Наклонился я к нему, тихонько спрашиваю: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?» Он и спросил, как выдохнул: «Кто?» Я ему и говорю так же тихо: «Я — твой отец».

Боже мой, что тут произошло! Кинулся он ко мне на шею, целует в щеки, в губы, в лоб, а сам, как свиристель, так звонко и тоненько кричит, что даже в кабинке глушно: «Папка родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!» Прижался ко мне и весь дрожит, будто травинка под ветром. А у меня в глазах туман, и тоже всего дрожь бьет, и руки трясутся... Как я тогда руля не упустил, диву можно дать! Но в

кувет все же нечаянно съехал, заглушил мотор. Пока туман в глазах не прошел, побоялся ехать: как бы на кого не наскочить. Постоял так минут пять, а сынок мой все жметса ко мне изо всех силенок, молчит, вздрагивает. Обнял я его правой рукою, потихоньку прижал к себе, а левой развернул машину, поехал обратно, на свою квартиру. Какой уж там мне элеватор, тогда мне не до элеватора было.

(М. Шолохов)

(492 слова)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из рассказа М. Шолохова «Судьба человека».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Какое значение имеет Встреча героев для каждого из них?*

Готовясь к изложению:

а) объясните знаки препинания в предложениях с вводными словами и выражениями;

б) назовите черты разговорного стиля.

Ильинична ... к вечеру снова слегла. <...> Несколько дней провела она в состоянии какой-то тихой отрешенности и покоя. Ей хотелось быть одной. <...> Пришла такая пора, когда властно потребовалось остаться одной, чтобы вспомнить многое из своей жизни. И она, полувскрыв глаза, часами лежала, не шевелясь, только припухшие пальцы ее перебирали складки одеяла, и вся жизнь проходила перед ней за эти часы.

Удивительно, как коротка и бедна оказалась эта жизнь и как много в ней было тяжелого и горестного, о чем не хотелось вспоминать. Почему-то чаще всего в воспоминаниях, в мыслях обращалась она к Григорию. Быть может, потому, что тревога за его судьбу не покидала ее все годы с начала войны и все, что связывало теперь ее с жизнью, заключалось только в нем. «Младшенький» вставал в памяти с предельной, почти осязательной яркостью. Но стоило ей подумать о нем, как сейчас же она начинала слышать свое учащенное сердцебиение. Потом подступало удушье, лицо ее чернело, и она подолгу лежала в беспамятстве, но, отдышавшись, снова думала о нем. Не могла же она забыть своего последнего сына...

Однажды Ильинична лежала в горнице. За окном сияло полуденное солнце. На южной окраине неба в ослепительной синеве величественно плыли белые, вздыбленные ветром облака. Глухо тишину нарушал лишь монотонный, усыпляющий звон кузнечиков. Снаружи под самым окном сохранилась не выжженная солнцем, прижавшаяся к фундаменту трава — полуувядшая лебеда вперемешку с овсягом и пыреем, — в ней-то, найдя себя приют, и заливались кузнечики. Ильинична прислушалась к их неумолчному звону, уловила проникший в горницу запах нагретой солнцем травы, и перед глазами ее на миг, как видение, возникли опаленная солнцем августовская степь, золотистая пшеничная стерня, задернутое сизой мглой жгуче-синее небо...

Она отчетливо видела быков, пасущихся на полынистой меже, арбу с раскинутым над ней пологом, слышала трескучий звон кузнечиков, вдыхала приторно-горький запах полыни... Она увидела и себя — молодую, рослую, красивую... Вот она — идет, спешит к стану. Под ногами ее шуршит, покалывает голые икры стерня, горячий ветер сушит на спине мокрую от пота, вобранную в юбку рубаху, обжигает шею. Лицо ее полыхает румянцем, от прилива крови тонко звенит в ушах. Она придерживает согнутой рукой тяжелые, тугие, налитые молоком груди и, заслышав захлебывающийся детский плач, прибавляет шаг, на ходу расстегивает ворот рубахи.

Обветренные губы ее дрожат и улыбаются, когда она достает из подвешенной к арбе люльки крохотного смуглого Гришатку. Придерживая зубами мокрый от пота гайтан нательного крестика, она торопливо дает ему грудь, сквозь стиснутые зубы шепчет: «Милый ты мой, сыночек! Расхорош ты мой! Уморила тебя с голоду мать...» Гришатка, все еще обиженно всхлипывая, сосет и больно прихватывает зубенками сосок. А рядом стоит, отбивает косу, молодой черноусый Гришаткин отец. Из-под опущенных ресниц она видит его улыбку и голубые белки усмешливых глаз... Ей трудно дышать от жары, пот стекает со лба и щекочет щеки, и меркнет, меркнет свет перед глазами...

(М. Шолохов)

(447 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа М. Шолохова «Тихий Дон».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каково значение образа Ильиничны в романе М. Шолохова «Тихий Дон»?*

Готовясь к изложению:

- а) проанализируйте с точки зрения пунктуации сложные предложения и предложения с обособленными членами;
- б) выпишите ключевые слова текста;
- в) объясните значение слов: *отрешенность, неумолчный, гайтан, арба*.

«Все об этом гутарют... Надоела ты нам, службица, надоскучила», — улыбаясь, мысленно повторил Григорий и тотчас заснул. И как только заснул — увидел сон, снившийся ему и прежде: по бурому полю, по высокой стерне идут цепи красноармейцев. Насколько видит глаз — протянулась передняя цепь. За ней еще шесть или семь цепей. В гнетущей тишине приближаются наступающие. Растут, увеличиваются черные фигурки, и вот уже видно, как спотыкающимся быстрым шагом идут, идут, подходят на выстрел, бегут с винтовками наперевес люди в ушастых шапках, с безмолвно разверстыми ртами. Григорий лежит в неглубоком окопчике, судорожно двигает затвором винтовки, часто стреляет; под выстрелами его, запрокидываясь, падают красноармейцы; вгоняет новую обойму и, на секунду глянув по сторонам, — видит: из соседних окопов вскакивают казаки. Они поворачиваются и бегут: лица их перекошены страхом. Григорий слышит страшное биение своего сердца, кричит: «Стреляйте! Сволочи! Куда?! Стой, не бегай!..» Он кричит изо всей силы, но голос его поразительно слаб, еле слышен. Ужас охватывает его! Он тоже вскакивает, уже стоя стреляет последний раз в немолодого смуглого красноармейца, молча бегущего прямо на него, и видит, что промахнулся. У красноармейца возбужденно-серьезное бесстрашное лицо. Он бежит легко, почти не касаясь ногами земли, брови его сдвинуты, шапка на затылке, полы шинели подоткнуты. Какой-то миг Григорий рассматривает подбегающего врага, видит его блестящие глаза и бледные щеки, поросшие молодой курчавой бородкой, видит короткие широкие голенища сапог, черный глазок чуть опущенного винтовочного дула и над ним колеблющееся в такт бега острие темного штыка. Непостижимый страх охватывает Григория. Он дергает затвор винтовки, но затвор не поддается: его заело. Григорий в отчаянии бьет затвором о колено — никакого результата! А красноармеец уже в пяти шагах. Григорий поворачивается и бежит. Впереди него все бурое голое поле пестрит бегущими казаками. Григорий слышит

позади тяжелое дыхание преследующего, слышит звучный топот его ног, но убыстрять бег не может. Требуется страшное усилие, чтобы заставить безвольно подгибающиеся ноги бежать быстрее. Наконец он достигает какого-то полуразрушенного мрачного кладбища, прыгает через поваленную изгородь, бежит между осевшими могилками, покосившимися крестами и часовенками. Еще одно усилие, и он спасется. Но тут топот позади нарастает, звучнее. Горячее дыхание преследователя опалает шею Григория, и в тот же миг он чувствует, как его хватают за хлястик шинели и за полу. Глухой крик исторгает Григорий и просыпается. Он лежит на спине. Ноги его, сжатые тесными сапогами, затекли, на лбу холодный пот, все тело болит, словно от побоев. «Футы, черт!» — говорит он сипло, с удовольствием вслушиваясь в собственный голос и еще не веря, что все только что испытанное им — сон.

Затем поворачивается на бок, с головой укутывается шинелью, мысленно говорит: «Надо было подпустить его, отвести удар, сшибить прикладом, а потом уж убегать...» «Диковинно, почему во сне это в десять раз страшнее, чем наяву? Сроду в жизни не испытывал такого страха, сколько ни приходилось бывать в переплетках!» — думает он, засыпая и с наслаждением вытягивая затекшие ноги.

(М. Шолохов)

(455 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа М. Шолохова «Тихий Дон».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Как в судьбе Григория отразилась трагедия человека во время гражданской войны?*

Готовясь к изложению:

а) докажите, что текст является повествованием;

б) объясните, почему автор использует глаголы в форме наст. времени;

в) выпишите слова и выражения, которые передают страх героя.

Ранней весной, когда сойдет снег и подсохнет полегшая на зиму трава, в степи начинаются весенние палы. Потокми струится подгоняемый ветром огонь, жадно пожирает он сухой аржанец, взлетает по высоким будыльям татарника, скользит по бурым верхушкам чернойбыла, стелется по низинам... И после долго пахнет в степи горькой га-

рю от выжженной и потрескавшейся земли. Кругом весело зеленеет молодая трава, трепещут над нею в голубом небе бесчисленные жаворонки, пасутся на кормовитой зеленке пролетные гуси и выют гнезда осевшие на лето стрепета. А там, где прошли палы, зловеще чернеет мертвая, обуглившаяся земля. Не гнездует на ней птица, стороною обходит ее зверь, только ветер, крылатый и быстрый, пролетает над нею и далеко разносит сизую золу и едкую темную пыль.

Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория. Он лишился всего, что было дорого его сердцу. Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть.

Остались только дети. Но сам он все еще судорожно цеплялся за землю, как будто и на самом деле изломанная жизнь его представляла какую-то ценность для него и для других...

Похоронив Аксинью, трое суток бесцельно скитался он по степи, но ни домой, ни в Вешенскую не поехал с повинной. На четвертые сутки, бросив лошадей в одном из хуторов Усть-Хоперской станицы, он переправился через Дон, пешком ушел в Слащевскую дубраву, на опушке которой в апреле впервые была разбита банда Фомина. Еще тогда, в апреле, он слышал о том, что в дубраве оседло живут дезертиры. К ним и шел Григорий, не желая возвращаться к Фомину.

Несколько дней бродил он по огромному лесу. Его мучил голод, но пойти куда-либо к жилью он не решился. Он утратил со смертью Аксиньи и разум и былую смелость. Треск поломанной ветки, шорох в густом лесу, крик ночной птицы — все повергало его в страх и смятение. Питался Григорий недозрелыми ягодами клубники, какими-то крохотными грибами, листьями орешника — и сильно отошал. На исходе пятого дня его встретили в лесу дезертиры, привели к себе в землянку.

Их было семь человек. Все они — жители окрестных хуторов — обосновались в дубраве с осени прошлого года, когда началась мобилизация. Жили в просторной землянке по-хозяйски домовито и почти ни в чем не нуждались. Ночами часто ходили проводить семьи; возвращались, приносили хлеб, сухари, пшено, муку, картофель, а мясо на варево без труда добывали в чужих хуторах, изредка ворую скот.

Один из дезертиров, некогда служивший в 12-м казачьем полку, опознал Григория, и его приняли без особых пререканий.

(М. Шолохов)

(388 слов)

З а д а н и е

1. Перескажите (подробно или сжато) отрывок из романа М. Шолохова «Тихий Дон».

2. Дайте аргументированный ответ на вопрос: *Каковы особенности пейзажа в романе М. Шолохова «Тихий Дон»?*

Готовясь к изложению:

а) определите, какие типы речи встречаются в тексте;

б) определите, с помощью каких языковых средств связаны первый и второй абзацы;

в) напишите словарный диктант: *выжженный, безжалостная, бесцельно, поехать с повинной, дезертир, шорох, недозрелые ягоды, окрестные хутора, мобилизация, по-хозяйски деловито, пререкания,*

г) выпишите слова, относящиеся к тематической группе «степь», запомните их написание.

Учебное издание

**Куманьева Анастасия Евгеньевна
Потапова Галина Николаевна**

ДИКТАНТЫ И ИЗЛОЖЕНИЯ по русскому языку 10–11 классы

Издательство **«ЭКЗАМЕН»**

Гигиенический сертификат
№ РОСС RU. АЕ51. Н 15295 от 13.04.2011 г.

Главный редактор *Л.Д. Лаппо*
Редактор *М.В. Фин*
Технический редактор *Т.В. Фатюхина*
Корректор *Л.Б. Успенская*
Дизайн обложки *Л.В. Демьянова*
Компьютерная верстка *А.П. Юскова*

105066, Москва, ул. Нижняя Красносельская, д. 35, стр. 1.
www.examen.biz

Е-mail: по общим вопросам: info@examen.biz;
по вопросам реализации: sale@examen.biz
тел./факс 641-00-30 (многоканальный)

Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, том 2; 953005 — книги, брошюры,
литература учебная

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

**По вопросам реализации обращаться по тел.:
641-00-30 (многоканальный).**